

STUDIA PALEOSLAVICA

I

Szeged
1996

STUDIA PALEOSLAVICA

I

**Szeged
1996**

**Publicationes Instituti Philologiae Slavicae in Universitate
de Attila József Nominata**

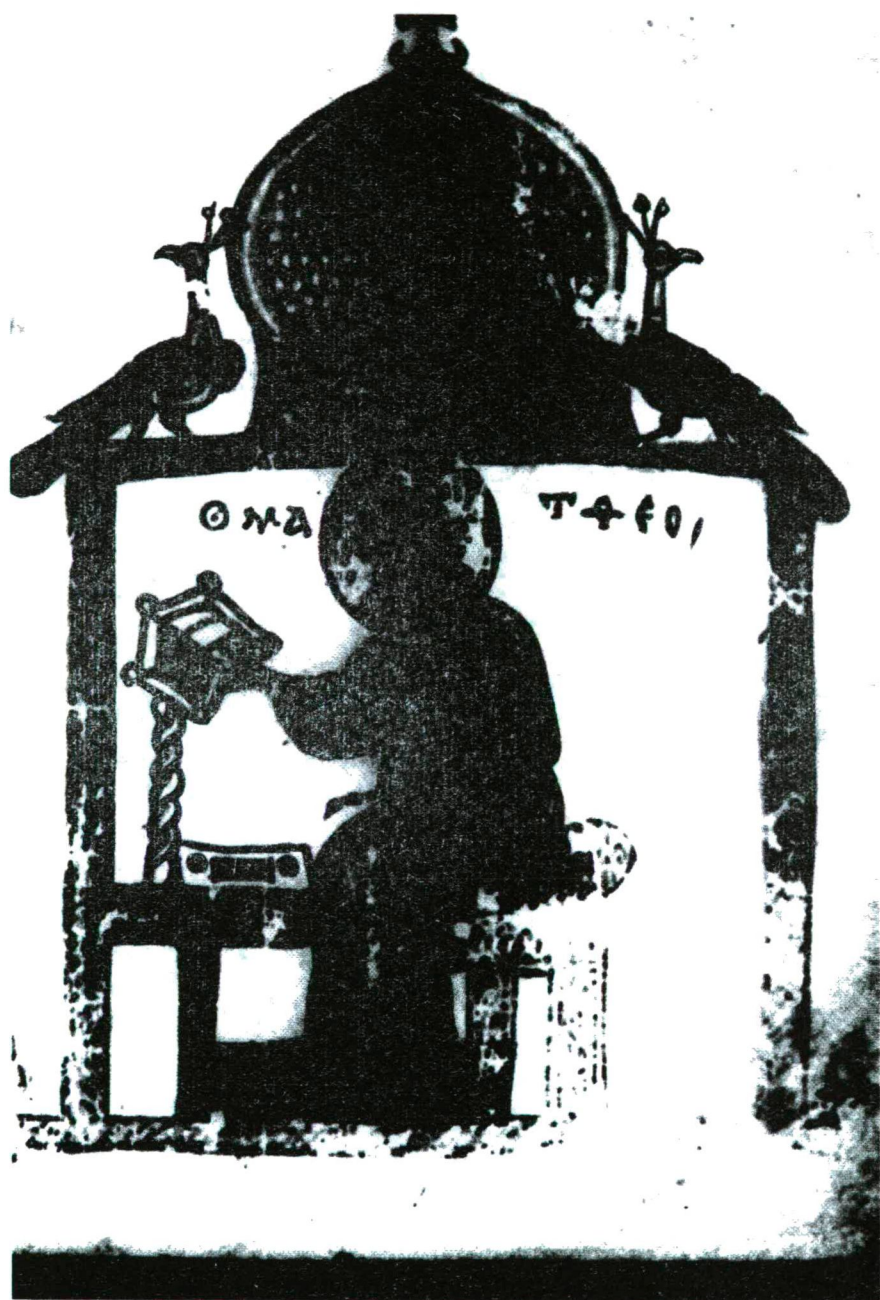
**Redigit:
Imre H. Tóth**

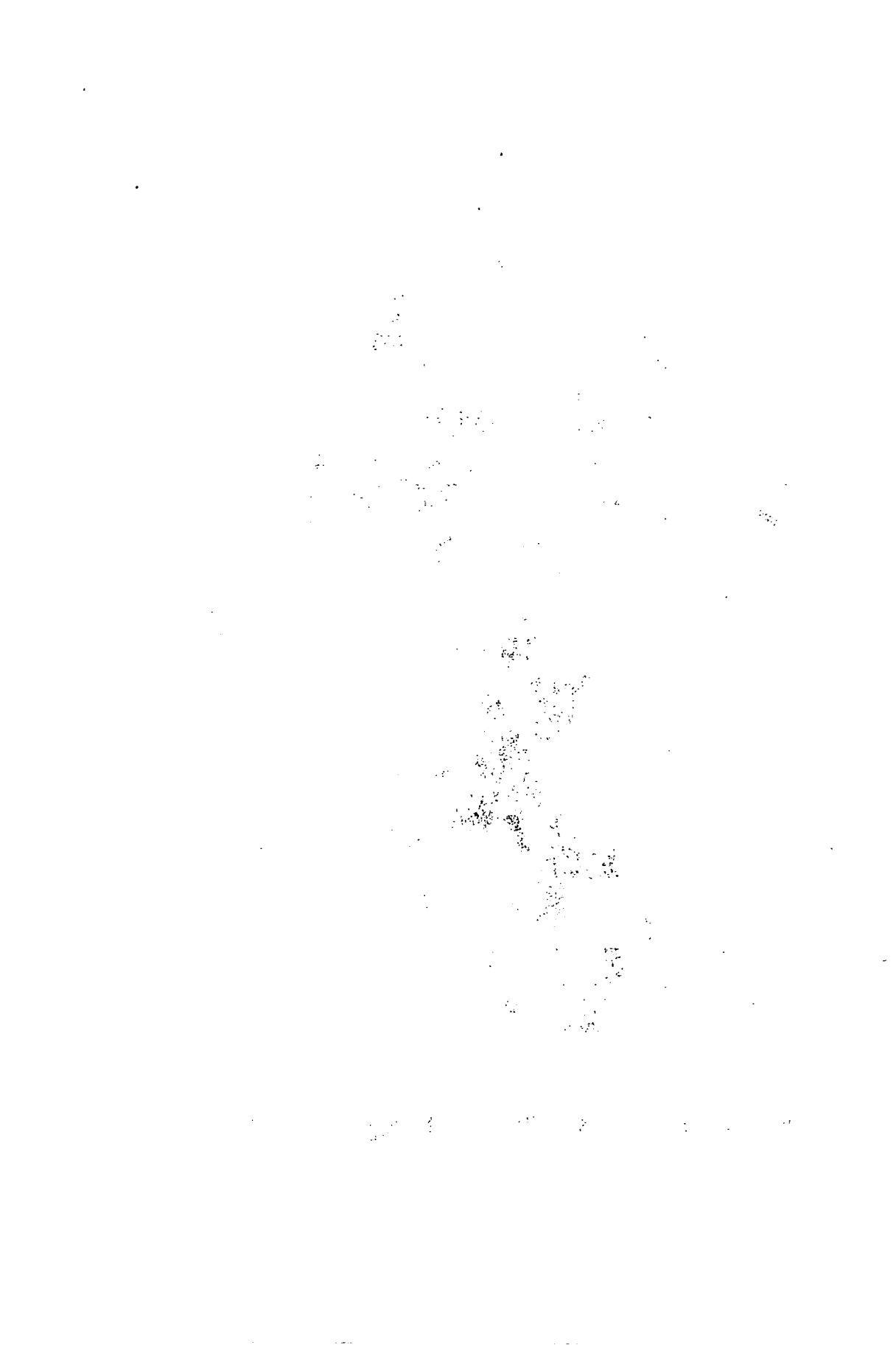
**Seriem publicationum edendam curat:
István Pozsgai**

**A kötet megjelenését a Művelődési és Közoktatásügyi
Minisztérium támogatása tette lehetővé**

ISSN 1416-7492 Studia Paleoslavica

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ДИАХРОННОЙ МОРФОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Габор Балаж

1 Введение

В настоящей работе я постараюсь рассмотреть основные вопросы истории склонения существительных в славянских языках. В первой части я рассматриваю проблемы реконструкции праславянских окончаний, с обозрением наиболее распространенных в наши дни теорий, касающихся данной области. Вторая часть будет посвящена анализу некоторых конкретных славянских флексий с охватом тех исторических тенденций, которые в значительной мере определили оформления настоящего облика славянской деklinации. Таким образом, работа имеет преимущественно сравнительно-исторический характер, но одновременно касается некоторых вопросов реконструкции флексий, с одной стороны, и методологии и типологии, с другой.

Нельзя сказать, что в специальной литературе, посвященной вышеупомянутым вопросам, в большом количестве можно найти статьи, монографии или книги. Тем не менее, в тех работах, которые вышли в свет, очень часто находим слишком разные мнения и объяснения в связи с той или иной проблематикой. Такая ситуация побудила меня к более тщательному анализу данной области славянской диахронной лингвистики.

За побуждение моего научного интереса к славянской исторической морфологии, в том числе и к историческим вопросам склонения существительных и к теориям, истолковывающим их, я благодарен в первую очередь профессору Имре Тоту, который в значительной мере способствовал моим исследованиям. Я также благодарен всем коллегам и особенно тем крупным специалистам в области славистики, которые мне немало помогали своими идеями

и критическими замечаниями, прежде всего профессору Петеру Кираю.

1.1 Краткая предыстория славянской диахронной морфологии

Несмотря на свое значение, историческая (или диахронная) морфология славянских языков долгое время была оттеснена на задний план по сравнению с остальными дисциплинами славистики. Прежде чем рассмотреть ее современное состояние, целесообразно упомянуть и те работы, которые были написаны ранее в данной области. Здесь, естественно, нет возможности сказать обо всех статьях и монографиях, которые в большей или меньшей мере затрагивали славянскую грамматическую систему или ее развитие, поэтому остановимся лишь на тех, которые вплоть до последнего времени сохранили в определенной степени свою актуальность. Таких работ, которых уже можно считать классическими, к сожалению немного. Среди них только одна была посвящена славянскому склонению: *O. Hujer, Slovanská deklinace jmenná (1910)*. Эта монография вызвала особый интерес славистов некоторыми своими представлениями, отличными от младограмматической традиции. Идеи Гуйера до сих пор сохранили свою актуальность, и временами появляются в более новой литературе, в том числе в работах Ф.В. Мареша.

Из ряда систематизирующих работ, использующих средства сравнительно-исторической лингвистики, выделяется книга *A. Meïe, Общеславянский язык (A. Meillet, Le slave commun, 1924, 1934)*. Характерно для популярности этой книги, что в 1951 г. выходит в свет ее русский вариант в переводе П.С. Кузнецова. В данной работе Мейе подробно занимается славянской грамматической системой, между прочим и проблемами склонения существительных, превосходя своими методами трактовку младограмматиков (ср. Birnbaum 1979:31).

Важным руководством сравнительно-исторического языкознания славянских языков был сочинение: *W. Vondrák, Vergleichende Slavische Grammatik*, особенно его второе, значительно

переработанное издание (1. *Lautlehre und Stammbildungslehre*, 1924; 2. *Formenlehre und Syntax, neuarbeitet von O. Grünenthal*, 1928). Следует заметить, что во втором томе, при трактовке именного склонения, Вондрак использует сравнительно новые взгляды вышеупомянутой монографии Гуйера, но он ссылается и на мнения других авторов (напр. Зубатого).

Кроме перечисленных работ назовем еще две: J.J. Mikkola, *Urslavische Grammatik* (1. *Lautlehre: Vokalismus, Betonung*, 1913; 2. *Konsonantismus*, 1942; 3. *Formenlehre*, 1950), и F. Miklosich, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen I-IV*, 1852/1875. С точки зрения исторической морфологии эти работы отстают в своей актуальности от приведенных работ Гуйера и Мейе, поскольку их главы, трактующие грамматическую систему, устарели, и многочисленные утверждения, выводы в них потеряли свое значение. (Конечно, это не относится к двум сочинениям в целом, ведь значение обоих бесспорно в истории славянского языкознания.)

Со времени издания упомянутых работ, славистика, как и все науки, прошла через значительный путь развития, хотя не все ее области были затронутыми изменениями в одинаковой мере. В ходе последних десятилетий из морфологических дисциплин выдающихся успехов достигла синхронная морфология славянских языков, в то время как сравнительно-исторические исследования касались в первую очередь проблем фонетики и фонологии. Диахронная морфология, однако, во многом отставала от обеих упомянутых областей, как в области своих достижений, так и в своих методах (ср. Георгиев 1969:7 и 1978:5). В 1966 году В. Барнет написал, что структурная диахрония все еще считается молодой дисциплиной, особенно морфология, которая до тех пор не успела определить даже своего предмета; она поставила лишь вопрос, из каких предпосылок должен исходить анализ (1966:193). К середине 70-ых годов данное состояние во многом улучшилось, хотя многие проблемы остались нерешенными. Г. Бирнбаум (1979:273) характеризует данную эпоху следующим образом:

"... В последние годы исследования, занятые обрисовкой и изучением диахронной динамики парадигматических (в области словоизменения и словообразования) изменений системы словоформ праславянской (и ранней славянской) поры достигли известного прогресса за счет того, что они переоценили прежние взгляды в отношении морфологической структуры славянского языка дописьменной поры, и открыли новые способы и средства подхода к проблеме. Из этих достижений некоторые уже отражаются в общих представлениях о праславянской морфологии, и представляют их в рамках нескольких более современных учебников и пособий, предназначенных для университетского пользования... Все-таки, множество релевантных научных работ, занимающихся теорией и методом, пока можно найти в форме статей и — изредка — монографий."

Из упомянутых Бирнбаумом более общих работ безусловно достойны внимания следующие: *A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves I-V, 1950/1977*; *H. Bräuer, Slavische Sprachwissenschaft I-III, 1961/1969*; *О.С. Мельничук (редактор), Вступ до поривняльно-историчного вивчення слов'янських мов, 1966*; *Z. Stieber, Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich, 1966/1971*. Подробно характеризовать или оценивать перечисленные работы здесь не буду, отмечу только то, что для истории славянского склонения существительных предоставляют надежное количество соответствующего материала в первую очередь сравнительные грамматики Вайана и Брайера.

Из более новой литературы следует отметить два руководства, которые несмотря на то, что они являются грамматиками старославянского языка, трактуют проблемы славянской деκлинации со сравнительно-исторической позиции, таким образом способствуя решению вопросов диахронной морфологии: *R. Aitzetmüller, Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft, 1978*; *W.R. Schmalstieg, An Introduction to Old Church Slavic. Second Edition. Revised and Expanded, 1983*.

Перечисленные работы — в силу своего характера — не затрагивают все проблемы диахронной морфологии, они занимаются скорее происхождением отдельных окончаний. Этим объясняется тот факт, что в них, рядом с более или менее важными частными проблемами, почти не упоминается об основных вопросах принципиального значения, без которых, однако, немислимо методологическое обоснование исследования данной дисциплины. Такую задачу впервые взял на себя П.С. Кузнецов (1961, 1961а), а вслед за ним Ф.Ш. Мареш (Mareš 1962, 1963а, 1963б, 1964, 1967, 1968), В. Барнет (1966), В.И. Георгиев (1968, 1969, 1978), В.К. Журавлев (1976, 1977) и др.

1.2 Главные проблемы диахронной морфологии

Чтобы рассмотреть изменения славянской грамматической системы, необходимо реконструировать морфологическую систему праславянского языка. Однако, существующие данные и способы исследования позволяют нам узнать лишь самую раннюю и самую новую стадии общего славянского развития. Что касается последнего, его исследованию помогает прежде всего старославянский язык, и в меньшей мере древнерусский своими малочисленными диалектальными чертами (ср. -ѣ : -ѣ; -оть : -тъ в склонении существительных). К изложению же раннего праславянского состояния языка данные предоставляются, с одной стороны, сравнительной грамматикой индоевропейских языков, а с другой, внутренней реконструкцией морфологического строя. Картина, таким образом, является достаточно отрывочной, неполной. Поскольку применимые к историческому исследованию морфологические системы отделяются друг от друга таким огромным интервалом, то для установления промежуточных этапов развития и относительной хронологии, нет более надежного способа, чем приемы внутренней реконструкции. Следовательно, объяснения в отношении происхождения отдельных окончаний часто оказываются случайными, их единственной целью является "примирение" индоевропейских окончаний с соответствующими славянскими

флексиями (ср. Andersen 1971:950; Birnbaum 1979:150-151, 272-273; Топоров 1975:287).

1.3 Трудности в связи с реконструкцией отдельных окончаний

При поисках происхождения отдельных славянских окончаний — в связи с трудностями реконструкции морфем — часто неясно, имеем ли дело с чисто фонетическим изменением, или исходная флексия была оттеснена какой-либо новой морфемой. Ввиду того, что звуко сочетания конца слова не всегда имеют точные соответствия внутри слова, возникает следующая проблема: *существовали ли в славянском особые, характерные только для конца слова, а внутри его не действующие фонетические закономерности?*

Специальная литература обыкновенно отвечает на этот вопрос положительно. Однако это вовсе не означает, что отдельные исследователи, которые принимают существование особых окончаний в конце слова, их "звуковые законы" (*Auslautgesetze*) трактуют одинаково. В дальнейшем я подробнее буду заниматься данной проблематикой. Довольно редко можно встретить с таким мнением, которое категорически отвергает особые тенденции в развитии конца слова, и по которому в конце слова действительны те же закономерности, что и внутри его (ср. Георгиев 1969:37; Mańczak 1969:59-60, 1970a:64).¹ Поскольку оба предположения совместимы с имеющимися индоевропейскими языковыми данными, с методологической точки зрения необосновано предпочесть одно другому (ср. Andersen 1971:951).

---

¹ В некоторой степени такое мнение разделяется и Людтке, который отрицает качественные изменения конца слова, но принимает количественные (ср. Lüdtke 1966:117-141).

1.3.1 Фонетический принцип

Предположение особых закономерностей конца слова служит принципиальным исходным пунктом для тех толкований, которые пытаются вывести славянские флексии из восстановленных индоевропейских окончаний преимущественно *фонетическим путем*.

При изучении тенденций развития конца слова в славянском² выясняется, что они обыкновенно похожи на изменения, происходящие внутри слова. Такими общими фонетическими изменениями являются следующие: а) утрата переднеязычных смычных (*d, t*) в конце слова (и в конце слога); б) утрата *s* в конце слова (и слога); в) монофтонгизация нисходящих дифтонгов: **ou/*eu > u*, **ei > i*, **oi/*ai > ě* (в конце слова встречается и *i* !). Расходятся мнения в отношении судьбы конечного **-os*; многие полагают здесь особое изменение конца слова, в то время как другие нет. (См. об этом подробнее при трактовке окончаний существительных основы на *-o-*!)

Кажется, значительная часть исследователей считает критерием особых закономерностей конца слова наличие носового согласного за гласным последнего слога. Согласно такому предположению существует три типа звуко сочетаний, где можно ожидать особые изменения, а именно: 1) гласный (в дальнейшем: *V*) + *n, m* (в дальнейшем: *N*); 2) *V + N + t*; 3) *V + N + s*. С точки зрения данных звуко сочетаний слависты, принимающие существование особых закономерностей конца слова, почти полностью соглашались в рефлексам развития, вопреки тому, что в связи с некоторыми частичными вопросами они придерживаются различных мнений. Из окончаний именного склонения к этой группе относятся следующие (без указания морфологических категорий):

1. **-ōN/*-ǣN > -ъ*

---

² Под концом слова (*Auslaut*) понимается звук или звуко сочетание между корнем и паузой, следующей за словом.

*- <i>ũN</i>	> -ъ
*- <i>ĩN</i>	> -ь
- <i>āN</i> /- <i>ōN</i>	> -q (в некоторых случаях -y, ср. Mažiulis 1965; Trummer 1978; Wernke 1984)
*- <i>ēN</i>	> -ę

2. в склонении существительных не встречается

3. *- <i>ōNs</i> /*- <i>āNs</i>	> -y
*- <i>ũNs</i>	> -y
*- <i>ĩNs</i>	> -ĩ
*- <i>āNs</i>	> -y.

Предположение о приведенных звуковых изменениях нельзя считать новым, но примечательно, в какой мере оно актуально в последние десятилетия (ср. например Vaillant 1950:200-220; Bräuer 1961:103-107; Mareš 1963; Shevelov 1964:156, 266-267, 332-335; Arumaa 1964:110-117; Gălăbov 1973:5-17; Aitzetmüller 1978:52-54; Велчева 1980:323-328; Holzer 1980:7-27; Добрев 1982:29-33; Wernke 1984:145-147 и т.д. Следует, однако, добавить, что за согласием с существованием и самими результатами данных тенденций развития конца слова, скрываются часто совершенно разные теоретические подходы.

Согласно традиционному толкованию, гласные, находящиеся в конце слова перед носовым согласным — именно под влиянием последнего —, становятся более закрытыми, а в звукосочетании *V + N + s* подвергаются и дополнительному удлинению. Так как явление известно и доказуемо в целом ряде языков, его нельзя считать случайным (ср. Shevelov 1964:156). Таким образом неудивительно, что и более новые исследования пользуются вышеупомянутым объяснением. Особого внимания заслуживают те работы, в которых авторы пытаются теоретически обосновать отдельные тенденции звуковых изменений. С такой точки зрения значительна указанная статья Мареша, в которой он излагает мнение, по которому изменения в конце слова подчиняются важной

фонетической закономерности, т.н. "закону сохранения моричной ценности слога" (*zákon zachování morické hodnoty slabiky*), ср. Mareš 1963:52. Это означает, что в ходе звуковых изменений "моричная ценность" отдельных компонентов слога может изменяться, а количество слога в целом должно оставаться неизменным. (Употребление термина "слог" здесь довольно произвольно, так как речь идет о морфологических единицах, а не о чисто фонетических.) Моричная ценность согласных и "редуцированных" гласных (ə, ɐ) — 0, сонантов и кратких гласных (ъ, ь) — 1, долгих гласных — 2. Развитие конечного звуко сочетания **-oNs*, например, Мареш реконструирует следующим образом: ие. **-ons/*-ans* > сл. **-ǣNs* > **-əNZ* > **-y* : *vľky, ženy, API*. Изменения моричной ценности следовательно: $1 + 1 + 0 = 2 \rightarrow 0 + 1 + 1 = 2 \rightarrow 2$.

Как ни оригинально и хорошо обозримо это толкование, его нельзя считать свободным от недостатков. Довольно трудно представить, например, что у гласного, обозначаемого знаком ə, нет моричной ценности, в то время как тот же самый гласный является слогаобразующим (как все гласные). Тоже не очень убедительно, что окончания *-om, -im* — одноморичные, а флексии *-ons, -ans, -ins* — двуморичные. Проблематично доказание качества отдельных, восстановленных Марешом гласных и согласных так же, как объяснение исключений (ср., между прочим, Mańczak 1970:218-219; Георгиев 1969:18; Trummer 1978:254).

Г.Ю. Шевелов и Б. Велчева изучают проблемы конца славянского слова прежде всего с позиции исторической фонологии. Они пытаются установить относительную хронологию отдельных явлений конца слова, но приходят к разным выводам (Shevelov 1964:333, Велчева 1980:323-328).

Й. Принц рассматривает развитие конца праславянского слова, также учитывая относительную хронологию (Prinz 1977:259-274). Он подробно занимается специальными фонетическими аспектами окончаний, выдвинув следующие основные положения: 1) конечные слоги, встречаемые и под ударением, развиваются так же, как корневые слоги; 2) конечные слоги, никогда не встречаемые под ударением, в соответствии с одной общей тенденцией,

ослабевают; 3) щелевой -s, закрывающий слог, переходит в следующий слог еще до установления тенденции к восходящей звучности, и таким образом такой -s может оставаться лишь в конце слова (качество позиции определяется ударением); 4) в ранней стадии праславянского языка (подобно балтийским языкам) предполагается наличие своеобразных длинных гласных (Kontraktionslänge), которые свидетельствуют об особых акцентуационных отношениях. Принц, следовательно, — вопреки общераспространенному мнению — придает ключевое значение ударению в решении проблем конца слова.

В последнее время Г. Гольцер тщательно изучал праславянскими закономерностями конца слова. По его мнению контекст таких особых закономерностей определялся паузой, следующей за словом, поскольку остальные контексты были возможны и внутри слова. Условием их действия была сонорность последней фонемы окончания, в противном случае происходили такие же изменения, как внутри слова (Holzer 1980:7-13). Автор сначала перечисляет окончания, на которые могли повлиять закономерности конца слова, а потом начинает изложение их фонетического развития. При этом он нередко полагается на взгляды и систему обозначения Мареша. В конце статьи приводится обобщающая таблица, в которой указывается и на относительную хронологию данных изменений. Гольцер постарался объяснить как можно больше явлений конца слова как можно меньшим количеством звуковых законов.

Принятие особых закономерностей конца слова не влечет за собой исключительность фонетических толкований в диахроническом исследовании славянских флексий. Большинство упомянутых славистов прибегает к морфологическому объяснению, или по меньшей мере признает наличие такой возможности при реконструкции отдельных падежных окончаний в системе существительных.

1.3.2 Морфологический принцип

Высказывание, обратное последнему не всегда верно: В.И. Георгиев отвергает предположение закономерностей, касающихся только конца слова, и вместо них предлагает морфологическое толкование (1969:37-40):

"В праславянском гласные в конечных слогах подчиняются тем же фонематическим законам, как и в других слогах слова. В противоположность господствующему пониманию можно доказать, что здесь нет особых редуций гласных в конечном слоге, как например в прагерманском или латинском. Праславянский был архаичным индоевропейским языком с преимущественно музыкальным ударением, приблизительно как древнеиндийский и древнегреческий: в таких языках обыкновенно нет редуции гласных в конечных слогах. Утрата конечных согласных связана не с редуцией, а с законом открытия закрытых слогов... На основании падежных и глагольных окончаний *невозможно* создавать точных фонематических законов..., так как здесь действуют морфологические закономерности..."

1.3.3 Статистический принцип

Подобно Георгиеву, В. Маньчак тоже не принимает закономерностей, касающихся конца слова, но он одновременно отвергает и морфологические законы, занимая, таким образом, явно антиструктурное положение. Он пытается использовать теорию Г.К. Ципфа и У. Горна в отношении проблем исторической славистики, и заявляет, что развитие праславянских конечных слогов не отличается от развития внутренних слогов. Причиной обнаруживаемых различий — за исключением аналогичных изменений — является неправильное фонетическое развитие, приписываемое *частому употреблению*. Особенно часто употребляемые элементы — морфемы, слова, словосочетания — в большей или меньшей мере сокращаются, подвергаются редуции, также как в романских языках, или в языках вообще (ср. Mańczak 1969, 1970a, 1970b). Для иллюстрации своих взглядов в связи с развитием флексий, польский

филолог приводит и статистические данные, полученные в результате изучения старославянских текстов (1970а:86-87):

падеж	словоформа с неправильным окончанием	встречается	словоформа с правильным или умеренно редуцированным окончанием	встречается
И. ед.	рабѣ	136	слово	9
В. ед.	рабѣ, врачѣ	56	лѣто, поле	29
И. мн.	рабѣ	36	рабѣ (М. ед.)	15
В. мн.	рабѣ	20	врача	1
Т. мн.	рабѣ	10	врачи	—
Р. ед., И-В-Зв. мн.	гладѣ	27	доуша	11

По мнению Маньчака из таблицы видно, что окончания, характеризующиеся правильными, действующими и внутри слова закономерностями, встречаются реже, чем те флексии, которые свидетельствуют о неправильной редукции.

Это обычно действительно так, но возникает несколько проблем: 1) Окончание В. мн.ч. -ѣ, которое считается автором результатом правильного фонетического развития, встречается всего лишь однажды. Если это так, как объяснить древнерусскую флексию -ѣ, которая имеет такую же грамматическую функцию, значит, встречается также нечасто, но ни в коем случае не является фонетически правильной? Подобное положение и у окончаний Р. ед.ч., И-В-Зв. мн.ч. типа доуша. 2) К более редко встречающимся

окончанием относится и флексия Т. мн.ч. -у, фонетическое толкование которой имеет серьезные трудности. 3) Еще не выяснено, является ли окончание -о в *слово* результатом правильного фонетического развития или аналогии. 4) Фонетическое объяснение флексии В. мн. -у невозможно без учета особых закономерностей конца слова, отвергнутых Маньчаком.

Из-за приведенных проблем диахроническое применение закона Ципфа нельзя считать всеобщим и удовлетворительным.

1.4 Проблема аналогии

Поскольку только часть славянских окончаний можно объяснить путем фонетического развития из соответствующих ранних праславянских, или более древних индоевропейских флексий, мнения о происхождении остальных, фонетически трудно или вообще не выводимых окончаний, можно разделить на две группы. Подавляющее большинство славистов придерживается традиционного мнения: в данном случае мы имеем дело с морфологической *анalogией*. Представители второй группы — Ф.В. Мареш и В.И. Георгиев — высказывают мысль о неспособности аналогии решить морфологические проблемы, и предлагают вместо нее прибегнуть к т.н. морфологическим законам.

1.4.1 Мнение Георгиева и Мареша

Георгиев полностью соглашается с точкой зрения Мареша, согласно которой:

1) Развитие склонения существительных является результатом постоянного взаимодействия фонологических и морфологических закономерностей. Это означает, что *нет места для аналогии*; в каждом явлении, которое раньше считалось проявлением аналогии, мы видим результат морфологического развития, которое не бывает случайным. — 2) В отсутствии какого-либо особого стимула каждая форма развивается

· чисто фонологическим путем. Только если чувствуется влияние какого-либо импульса, начинается *морфологическая реализация* данного развития (Мареш 1968:42; Георгиев 1969:17).

Главная причина, почему аналогия им отвергается, следовательно, заключается в том, что она случайная, непредвиденная. Морфологические изменения, однако, происходят в соответствии с определенными морфологическими законами, таким образом, их результаты так же предвидимы, как и в случае фонологических изменений (Георгиев 1969:31). Чтобы занять одну из двух позиций в данном вопросе, приходится выяснить понятие аналогии, и вместе с тем, является ли ее существенным качеством непредвидимость.

1.4.2 Дефиниция аналогии

Одной из распространенных дефиниций аналогии является следующая (Ахманова 1969:45):

"Уподобление, обусловливаемое влиянием, которое оказывают друг на друга так или иначе связанные между собой элементы языка; стремление к распространению продуктивной модели (словоизменения, словообразования, фонетического изменения и т.п.) как предполагаемая причина нефонетического изменения форм слов".

Эта дефиниция не противоречит классическому, введенному в языкознание младограмматиками толкованию, но ее следует дополнить следующим образом:

Поскольку аналогическое новообразование представляет собой решение пропорционального уравнения, ясно, что к составлению таких пропорций необходимо наличие *по меньшей мере трех* подходящих членов. Каждый из них должен иметь какое-либо отношение к другому; в данном случае это значит, что любому члену надо походить на один

член в связи с материальным элементом, а на другой — в связи с формальным элементом. Итак, например в латинском можно составить уравнение $animus : animi = senatus : x$, в то время как уравнение $animus : animi = mensa : x$ — нет. Таким образом, флексия какого-либо слова может подчиняться аналогическому влиянию со стороны флексий других слов, если у данного слова есть одна или более таких форм, образование которых совпадает с образованием тех же форм других слов (ср. Пауль 1960:139).

Из вышесказанного следует, что критерием аналогии (греч. *ánalogía* = пропорция) является выражаемость путем пропорции, условие которой — материальное или формальное сходство отдельных членов. Если этот критерий выдержан, с полным правом можно употребить термин *аналогия*.

Такие моменты морфологического развития, как перенос окончаний из других основ, или из местоимений с тождественными основами, унифицирование корня внутри данной системы склонения, уравнение между отдельными типами склонения и пр. удовлетворяют упомянутое требование, значит они являются аналогическими изменениями. Именно поэтому нет оснований для введения нового термина в данных случаях.

Так как и Мареш, и Георгиев признают, что вышеуказанные морфологические изменения играют ключевую роль в истории склонения существительных (об этом будет сказано позже), можно констатировать, что названные авторы отрицают не данное явление, а лишь его название. Таким образом, данная проблема имеет терминологический характер: морфологические изменения и аналогические изменения можно считать синонимичными понятиями.

Что касается "непредвиденности", неправильности аналогии, приходится сказать следующее. В отличие от звуковых законов, младограмматики и их последователи использовали аналогию для объяснения многочисленных, на вид не взаимосвязанных явлений. Эти явления часто находились на разных языковых уровнях, и

поэтому аналогия оказывалась "слишком широким пояснительным принципом" (Н. Tóth 1977:91). Как указал Дж. Лайонс, младограмматики резко разграничивали "физическую" сторону языка, т.е. звуки и характерные для них закономерности, и "психологическую" сторону, т.е. грамматическую структуру. По их мнению, закономерности правильного развития могли относиться только к "физической" стороне. В наши дни, однако, уже известно, что способ сцепления звуков с целью создать слова и предложения, нельзя объяснить исключительно "физической" природой данных звуков: "Принцип аналогии также важен для создания правильных звуко сочетаний отдельных языков, как для оформления грамматических парадигм" (Lyons 1971:32, 37). Понятие звуковых законов и аналогии — хотя оно происходит из 19-ого столетия — нельзя считать устаревшим. Задача поэтому заключается не в поисках новых названий, а в разработке таких методов, с помощью которых можно захватить функционирование обоих понятий, вместе со взаимоотношением между ними. На почве структурной лингвистики стало возможной правильная оценка этих двух языковых явлений, и выяснение их отношения друг к другу. Очень поучительно мнение об этом Р. Якобсона:

Тема, которая прежде заполнила произведения младограмматиков, т.е. проблема постоянной борьбы между звуковыми законами и аналогическим уравнением, снова стала актуальной. Две концепции этой борьбы сменяли друг друга в истории языкознания. Согласно первой, грамматическая аналогия — это неправильность, нарушение строгих звуковых законов. Противоположное мнение, которое категорически выражалось в произведениях Соссюра, заключается в том, что грамматическая аналогия полезно уравнивает подрывное влияние слепых и случайных звуковых законов. В действительности ни звуковые изменения, ни действие грамматической аналогии не следует воспринимать как "вторжение" (*cambriolage*). В системе языка выделяются два плана: грамматическая система элементов со значением, и

фонологическая система пустых различительных признаков, лежащих в основе первых. Звуковые изменения, или в более широком смысле слова, фонологические группировки и перегруппировки направлены на систему различительных признаков, в то время как аналогия стремится к регулированию и перерегулированию грамматической структуры (ср. Jakobson 1949:112-113).

1.4.3 Морфологическая индукция

В связи с аналогией в специальной литературе встречается еще один термин: грамматическая *индукция*. Разницу между грамматической индукцией и грамматической аналогией Л.А. Булаховский видит в том, что последнее является т.н. "косвенной индукцией", которая основывается на сходстве разных парадигм, в то время как "прямая индукция" затрагивает окончания внутри парадигмы слова (Булаховский 1956:17). Употребления термина "индукция" нераспространенное, вместо него встречаем "внешняя" и "внутренняя" аналогия (ср. Н. Tóth 1976:121-122). Независимо от терминологии, Булаховский (1956, 1957) одним из первых сознательно применяет аналогию к решению некоторых вопросов славянской исторической морфологии, причем он указывает на несколько закономерностей ее функционирования. Он подчеркивает, между прочим, что проявление аналогии не всегда бывает полным, иногда она затрагивает лишь небольшое количество слов. Булаховский изучает отношения между падежами, и возможные направления их взаимодействия, обращает внимание на то, что порой возможно параллельное употребление нескольких вариантов без смысловой или стилистической разницы. Он также указывает на ту важную закономерность, что "индукция" нейтрализует фонетические законы. Эти наблюдения выдвинули немало новых проблем, которые побудили к дальнейшим исследованиям, но на многие основные вопросы ответов еще нет.

1.5 Структурный принцип в исторической морфологии

Становится все яснее, что в исторической славистике традиционному подходу, основанному главным образом на взглядах младограмматиков, приходится уступить место новой, использующей достижения структурной лингвистики трактовке проблем (ср. Jakobson 1929:105; 1931:202-203; 1953:227). Так как структурализм сначала существовал лишь в рамках дескриптивной лингвистики, прежде всего нужно было выяснить отношение синхронии и диахронии, пригодность описательных методов и принципов для диахронии.

Воспринимая язык как систему, Ф. де Соссюр сделал возможным его структурное описание, однако он предполагал случайное происхождение этой синхронной системы, значит в диахронии новый подход не действовал. Желая преодолеть дихотомию Соссюра, Якобсон высказал следующее мнение: "Теория диахронии языка возможна только с точки зрения проблемы изменений структуры и структуры изменений". Таким образом отношение между диахронными и синхронными законами можно определить как отношение между средством и результатом (ср. Jakobson 1929:106-110).

Историчность и синхронность в языке следует воспринимать в их тесной взаимосвязи, отношение между статичностью и динамичностью представляет собой одну из самых значительных диалектических антиномий, определяющих сущность языка (ср. Jakobson 1931:220). Перегородка, разделяющая синхронное и диахронное языкознание, не существует, структурный подход одинаково важен для обоих исследовательских метода (ср. Ярцева 1970:82).

1.5.1 Влияние деятельности Р. Якобсона на диахронные морфологические исследования

Якобсон не только разработал теорию о пригодности достижений структурализма для диахронии, но и применял ее, преимущественно в славянской исторической фонологии (Jakobson 1929). Отчасти здесь, отчасти в своей работе с названием "*Principes de phonologie historique*" (1931) он подробно излагает основные

принципы структурной диахронной фонологии, которые впоследствии оказали плодотворное влияние и на историческую морфологию (ср. Барнет 1966; Журавлев 1976, 1977; Деянова 1976; Георгиев 1969, 1978).

Изучение взаимоотношения языковых подсистем и уровней, осознание их взаимовлияния привели к мнению, что к разработке и решению ряда проблем исторической морфологии *можно и надо* применять набор средств и методологию остальных языковых уровней, прежде всего фонологии (и синтаксиса).

Что касается тесной связи фонологии и морфологии, Якобсон констатирует следующее (1949:103-114):

- изучение любой грамматической системы необходимо приводит к проблеме фонологических средств данного языка, так как с помощью этих средств возможно выражение отдельных грамматических категорий (110);
- одно звуковое изменение недостаточно для грамматического изменения: одна фонологическая тенденция только в том случае ведет к изменению грамматических категорий, если в морфологической системе уже есть стремление к такому изменению (112);
- если такого стремления нет, то язык либо перегруппировывает данные суффиксы с целью спасти угрожаемую грамматическую оппозицию, либо данная форма просто противостоит звуковым законам (112);
- конфликты звуковых законов и аналогии представляют собой морфологически ограниченные фонологические изменения, следовательно, они не касаются всей звуковой системы, а только звуковой системы отдельных грамматических категорий (113);
- грамматические и фонологические структуры взаимно приспособляются друг к другу; относительная внутренняя автономия не исключает их постоянного взаимодействия и взаимозависимости (114);
- фонологические и морфологические структуры представляют собой два аспекта той же самой

неразрывной тотальности; между ними обнаруживается немало сходства (110).

Осознание и изучение тесной связи между фонологией и морфологией привело к интенсивному развитию *морфонологии*, в то время как *морфосинтаксис*, занимающийся взаимоотношениями грамматической системы, и особенно его диахронный аспект лишь недавно стал показывать свои первые значительные результаты (ср. напр. Деянова & Станишева 1976).

1.5.2 Исследования В. Барнета в области структурной диахронной морфологии

Исходя из новаторских наблюдений Р. Якобсона, проблемами применения структурной диахронии в морфологии впервые начал заниматься В. Барнет (1966). Чешский лингвист указывает на то, что структурная диахронная морфология строится на морфологических оппозициях, и ее основы заложил Якобсон в его методологически новаторской работе "Zur Struktur des russischen Verbums" (Jakobson 1932). В данной работе автор использует в морфологии конечные итоги структурной фонологии. Следовательно, два члена морфологической оппозиции не равноценны, поэтому корреляция между ними асимметрична. Один из членов является семантически маркированным, а другой — немаркированным. Значит, маркированный член выступает как носитель некоторого семантического признака, в то время как в немаркированном члене отсутствует данный признак. Из такой асимметрии по Якобсону вытекают две антиномии: а) антиномия маркированности 'А' и немаркированности 'А' (напр. *ослица* : *осел*), б) антиномия немаркированности 'А' и маркированности 'не-А' (напр. в слове *осел*, между общим и частичным значением). (Ср. Jakobson 1932:15; Барнет 1966:193-194.)

Барнет утверждает, что подобно фонологии, и историческая морфология успешно использует средства синхронного описания языка, но ими не ограничивается (194). Соответственно, диахронная морфология должна ответить на следующие вопросы: а)

возникновение асимметрических оппозиций, б) их прекращение, в) условия их развития (196). Опираясь отчасти на мнение Докулила, Барнет делает следующие замечания:

- категория морфологических оппозиций — историческая категория (196);
- предполагается, что асимметрические морфологические оппозиции возникли в результате семантического расщепления ранее единых форм (196);
- кроме асимметрических оппозиций могут существовать и другие, но о них, и об их отношении к асимметрическим оппозициям мы пока мало знаем (198);
- кроме двучленных есть и многочленные оппозиции; мнения насчет их разложимости на двучленные расходятся (198);
- диахроническое изображение многочленной системы отличается от синхронного, если предполагается, что маркированный член возникает из немаркированного, как напр. в категории числа, где схема исторически следующая:

Дв. ч. (+)

Ед. ч. (-)

Мн. ч. (+)

Синхронный анализ, однако, ведет к другой схеме (198-199):

Ед. ч. (+) : Мн. ч. (+)

Мн. ч. (-) : Дв. ч. (+)

После вышеупомянутых, местами проблематичных утверждений, Барнет рассматривает разные возможности развития морфологических оппозиций, в первую очередь на основе славянских действительных причастий (201-204):

$$(1) \quad A : A^x > A : \Theta > X^3$$

Эта формула символизирует процесс, в котором вместе с исчезновением маркированного члена исчезает и немаркированный член, что ведет к исчезновению оппозиции. Примером может послужить исчезновение действительных причастий прошедшего, а потом и настоящего времени в славянских народных говорах.

$$(2) \quad A : A^x > A : \Theta > A (< fA + fA^x)$$

После исчезновения маркированного члена его функцию принимает немаркированный член. (В македонском литературном языке преждевременность иногда выражается несовершенным деепричастием, а не деепричастием прошедшего времени.)

$$(3) \quad A : A^x > A : \Theta > A : B^y$$

Вследствие исчезновения маркированного члена, его место занимает новый член, который семантически приспосабливается, чтобы оппозиция сохранилась. (В современном болгарском языке, в котором нет деепричастия прошедшего времени, преждевременность может выражаться и причастием прошедшего времени на -л.)

$$(4) \quad A : A^x > A : \Theta > A : A^y$$

---

³ A, B — грамматические формы; x, y — показатели семантических признаков; fA, fA^x — функции грамматических форм; Θ — внутри оппозиции указывает на освобождение одного из мест; X — исчезновение оппозиции.

Маркированный член семантически так приспособляется, чтобы наличие морфологической оппозиции не вступило в конфликт с новым состоянием грамматической структуры языка.

Автор замечает, что возможности в приведенных примерах нельзя считать окончательными, так как в них могут проявляться переходные степени развития грамматической системы отдельных языков. Морфологические корреляции организуются не только синхронно, но и диахронно. Отношение между членами оппозиций является одним из движущих сил развития грамматической системы (204).

1.6 . . . Механизмы, причины и функции морфологических изменений

Описание преобразований и инноваций, касающихся грамматической системы долгое время ограничивалось констатацией явлений в отношении как общеславянского развития, так и отдельных славянских языков, без указания на соответствующие причины, движущие силы и функции. Младogramматическая традиция накопила богатый фактический материал в области звуковых законов, аналогических изменений и заимствований, но немало закономерностей и скрытых связей остались необнаруженными. И так, уже давно известно, что в развитии склонения существительных важную роль играли следующие явления:

1. В ходе регулярного фонетического развития часть морфем, в более или менее измененном виде, сохраняется. Напр. Nsg **sūnus* > *synь*.
2. "Старая" морфема заменяется "новой", на основе какого-л. семантического или формального сходства (или тождества). Напр. Gsg *syna* (вм. *synu*), где на месте ожидаемого окончания существительных на -й- выступает окончание существительных на -ѣ-.

В то время как первый тип иллюстрирует действие звуковых законов, второй тип является типичным морфологическим проявлением влияния аналогии. Как мы раньше отметили, определить, какой из вышеуказанных факторов повлиял на возникновение той или другой славянской флексии, не всегда легко. Многие зависят от того, в какой мере принимаем существование специфических, характерных только для конца слова фонетических изменений.

Что касается морфологических тенденций второго типа, то здесь также возникают проблемы в связи с тем, откуда в самом деле происходят "заимствованные" окончания. Самые обыкновенные случаи следующие: а) перенесение окончания внутри определенной парадигмы; б) между твердым и мягким вариантом одной и той же

парадигмы; в) между различными парадигмами; г) между словами одного и того же рода, относящимися к разным частям речи. Кроме перечисленных случаев Ф.В. Мареш отмечает еще один: перенесение окончаний между разными "асpekтами" одного и того же "птосиса" (1963:50-60). В морфологической модели Мареша каждый падеж имеет категорию птосиса и категорию аспекта. Существует три птосиса и два аспекта: *ptosis recta* (N и A), *ptosis jungens* (L и G), *ptosis socians* (I и D); *aspectus staticus* (N, L и I), *aspectus dynamicus* (A, G и D). Отдельные падежи возникают путем пересечения птосисов и аспектов, напр. в точке пересечения *ptosis jungens* и *aspectus staticus* находится местный падеж и т. д. В качестве примера Мареш приводит окончание Apl -у, которое вытеснило окончание Npl -а (< *-ās) у существительных на -ā-, значит статический аспект заменилось динамическим аспектом того же птосиса. Как видно, данное явление представляет собой вариант перенесения флексии внутри одной парадигмы [см. пункт а)].

Согласно традиционному взгляду, перенесение флексий происходит, когда формальное совпадение вследствие фонетических изменений ранее отличавшихся друг от друга окончаний угрожало понятности, — осуществлению коммуникативной функции языка. В результате устранения гомофонии (синкретизма) падежей отличающиеся категории опять выражаются нетождественными флексиями.

Так как вышеуказанные объяснения, с одной стороны, не всегда применимы (ср. допустимые гомонимии, или мена окончаний в отсутствии гомонимии), а с другой стороны, лишь поверхностно описывают разные морфологические процессы, они оказались неудовлетворительными. Поэтому стало нужным открыть внутренние диахронные отношения внутри грамматической системы, для чего структурализм обеспечил новые, более надежные методы. Структуралисты считали, что язык — система знаков с конкретными функциями, в которой осуществляется единство статики и динамики (см. выше).

Прежде всего приходилось уяснить отношение звуковых законов и аналогии с точки зрения морфологических изменений.

Якобсон и другие указывали на то, что звуковые изменения происходят на уровне фонологии, и их функция связана с системой отличительных признаков, в то время как явления аналогии играют важную роль в регулировании грамматической структуры. На обоих уровнях выступают противостоящие языковые единицы, которые определяют данную систему как раз через свои оппозиции. Из этого вытекает то важное для диахронного языкознания заключение, что для понимания и описания изменений, а также для открытия обстоятельств их действия необходимо анализировать судьбу и развитие как фонологических, так и морфологических *оппозиций* (Jakobson 1936:70, 1958:181, 1932:15; Барнет 1966:204; Hamm 1962, 1966; Деянова и Станишева 1976:219; Журавлев 1976а:50-52, 1977 и т. д.).

Такое воззрение делает возможным толковать проявления аналогии, ранее часто считавшиеся слепыми, случайными изменениями, как процессы с *функцией*, в зависимости от того, способствуют ли они прекращению, сохранению или возникновению определенной оппозиции. В специальной литературе для данных тенденций употребляются термины *конвергенция* и *дивергенция* (Якобсон, Журавлев), и *морфологизация*, *деморфологизация* и *реморфологизация*⁴ (Деянова и Станишева).

Применение на практике изложенной выше теории долго не осуществлялось, так как работы, написанные в таком духе, обыкновенно рассматривали лишь отдельные явления. Поэтому в исследованиях славянских падежных окончаний до сих пор преобладают традиционные методы, причем практика отстает от возможностей теории.

Из сравнительно малочисленных конкретных образцов применения структурных методов обязательно следует выделить следующие (кроме ранее упомянутых):

Hamm, J. Iz prošlosti slavenske fleksije (1962)

Hamm, J. Entropy in Slavic Morphology (1966)

---

⁴ Ср. *фонологизация*, *дефонологизация* и *рефонологизация* у Якобсона.

Георгиев, В.И. Фонематический и морфематический подход к объяснению флексии славянских языков (1968)

Георгиев, В.И. Основни проблеми на славянската диахронна морфология (1969)

Георгиев, В.И. Принципи на славянската диахронна морфология (1978)

Журавлев, В.К. Введение в диахроническую морфологию (1976a, 1976b)

Журавлев, В.К. Die Dynamik baltoslavischer morfologischer Oppositionen (1977)

Деянова, М. – Станишева, Д. Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса (1976).

1.6.1 Концепция Й. Хамма

В вышеуказанной первой статье Хамм обрисовывает систему падежей в старославянском языке, на основе падежных синкретизмов. Он констатирует, что о последовательном синкретизме можно говорить только в двойственном числе, где винительный падеж всегда совпадает с именительным, местный с родительным, а творительный с дательным. В единственном и множественном числе, однако, отношение окончаний, т. е. количество и типы гомофоний, зависит от типов склонения. Рассматривая систему отношений склонения существительных, Хамм приходит к следующим заключениям: 1) N и Apl и Adu в женском и среднем роде выступают одинаково; 2) окончания женского рода совпадают с окончаниями среднего в тех падежах, которые во множественном числе выражают собирательную множественность; 3) поэтому нельзя ожидать, чтобы совпаденные флексии последовательно сохраняли рефлекс индоевропейских окончаний; во множественном числе преобладают окончания винительного падежа, а в двойственном числе — именительного; 4) в DIdu флексия I стала преобладать, а в GL выступает нейтральное -и; 5) еще для праславянского периода следует предположить определенную оппозицию между существительными мужского рода и остальными

существительными в связи с NApl и NAdu; эта оппозиция ведет к значительным синтаксическим и морфологическим преобразованиям в отдельных славянских языках; б) остальные синкретизмы далеко не так последовательны, чтобы их можно было считать структурными, категориальными явлениями. Что же касается синкретизм NAsg у существительных мужского рода, по мнению автора, это вероятно, лишь формальное совпадение, поскольку места ударения могли отличаться в двух формах. Кроме того, редукция исходных окончаний (*-os и *-om) произошла не одновременно. Значит, оппозиция, характерная для индоевропейских флексий, не прекращалась, а только постепенно изменила свой характер следующим образом:

	I	II	III	IV
Nsg	*-'o(s)	*-'b	'-b	'—
Asg	*'-b	*'-b	'-b	'-b > V > a

Несмотря на спорность приведенного представления с фонетической точки зрения, такой подход безусловно структурный, так как данная корреляция рассматривается им в движении, в историческом плане. Кроме отношения N-A Хамм занимается и синкретизмами AIpl, GLsg и DLsg в определенных парадигмах, но их считает вторичными явлениями, потому что они касаются лишь отдельных, менее значительных областей системы склонения. Внутренняя структура системы падежей славянских существительных в ед. ч. автором реконструируется таким образом:

$$\begin{array}{c}
 N : > A \\
 \quad G \\
 L : > D \\
 \quad I
 \end{array}$$

(Стрелка указывает на то, что в интересах оппозиции падеж на правой стороне изменил свой суффикс.)

Из схемы видно, что G и I непосредственно не оппонируют ни одному падежу.⁵ Именно этим объясняется, пишет Хамм, что одушевленные существительные при переходных глаголах получают окончание *-a* в Aсg. Флексия G подчеркивает Aсg в отношении Nsg, в интересах оппозиции. Это однако не значит, что Aсg идентичен Gsg, или происходит из него. Отношение между ними косвенное, подобно связи Isg и Dpl (Об этом автор подробнее пишет во второй статье.)

Хамм перечисляет фонетические средства, нужные для возникновения и выражения морфологических оппозиций:

- краткие гласные окончаний удлиняются, или же длинные сокращаются;
- в окончании с передним гласным или передним дифтонгом вместо переднего элемента выступает непередний;
- в исключительных случаях появляется новый согласный (в славянском и литовском это обычно *-m*).

С помощью указанных средств возникают морфологические инновации, которые как маркированные формы оппонируют традиционным, немаркированным формам.

В другой указанной работе Хамм продолжает свои наблюдения в области диахронной морфологии, причем вводит понятие *энтропии*. Он употребляет этот термин для обозначения перехода фонетических признаков в различительные морфологические единицы. Приводится три фонетических признака: а) изменение количества, б) прибавление *i* или *u*, в) прибавление согласного (ср. вышесказанное в первой статье).

В качестве примера Хамм приводит введение согласного *-m* в индоевропейскую систему склонения, где он стал различительным признаком для Aсg. Значит, в морфологическую систему входит звук без исходного морфологического значения. Кроме Aсg, однако, та же самая фонема постепенно появляется в окончаниях

---

⁵ Спорное мнение, ср. Jakobson 1958.

Gpl, Dpl, DIdu, и даже в местоименном склонении. Таким образом возникает "энтропичная цепь" (entropic string), где в ходе последующих за Asg — энтропически избыточных — применений, введение -m- сопровождается другими модификациями (напр. в Gpl гласный звук перед -m- утрачивает долготу). Автор старается доказать право на существование понятия "энтропия" на примере некоторых проблематичных флексий славянского склонения.

1.6.2 Основополагающие работы В.И. Георгиева и В.К. Журавлева

Среди работ, возникших на почве структурной лингвистики, и посвященных вопросам истории склонения существительных, выдающееся место занимает монография В.И. Георгиева (1969), главные идеи которой автор изложил ранее (1968).

Книга состоит из двух частей: в первой части автор занимается отдельными теоретическими проблемами диахронной морфологии, и излагает отчасти уже выше указанные методологические взгляды Георгиева. Во второй части рассматриваются конкретные окончания по надлежащим морфологическим категориям. Что касается идей автора в связи с происхождением отдельных флексий, о них мы будем говорить подробнее во второй главе.

Одно из лучших резюме основных концепций болгарского языковеда принадлежит И.Х. Тоту⁶, его выводы не будем здесь повторять.

Принимаем мы взгляды Георгиева, или нет, — его монография *Основни проблеми на славянската диахронна морфология* безусловно является вехой в развитии исторической морфологии. Своей книгой автор действительно открывает новую главу в методологии современной лингвистики (Журавлев 1976а:49). Тщательная теоретическая подготовка, ясность и структурное

---

⁶ Н. Tóth I. *A szlavisztika újabb eredményei*, Szegedi Bölcsészmuhely '82. Szerk. Róna-Tas András. Szeged, 1983.

мышление — вот главные ценности работы Георгиева, которой он сделал значительный шаг вперед по пути к теоретической и практической разработке современной диахронной морфологии.

В то время как Георгиев ищет в первую очередь специфичных морфологических ("морфематических") и "морфонологических" закономерностей для объяснения морфологических изменений, В.К. Журавлев старается показать, что принципы и методы, введенные в исторической фонологии и принятые в исторической морфологии — взаимосвязаны (1976а, 1976б, 1977). В отличие от Георгиева он пытается использовать в славистике, вместо совсем новых, давно принятые структурные, функциональные средства.

В 1976 г. выходит в свет в двух частях статья Журавлева *Введение в диахроническую морфологию*. В ней ощущается сильное влияние пражской школы, так как автор старается переложить основные принципы диахронной фонологии, разработанные Р. Якобсоном, на грамматическую систему. Критический обзор взглядов Журавлева можно найти в вышеуказанной статье И.Х. Тота, здесь нет места их подробно рассматривать, тем более, что русский языковед не занимается конкретными флексиями, его интересует скорее теория диахронной морфологии.

1.6.3 Синтаксический подход к вопросам диахронной морфологии

Структурная трактовка проблем диахронной морфологии характеризует и книгу М. Деяновой и Д. Станишевой (*Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса*, София, 1976), которая однако — в отличие от вышеуказанных, более общих работ — занимается только теми вопросами исторической морфологии, которые тесно связаны с уровнем синтаксиса.

Авторы указывают на то, что при изучении проблем диахронной морфологии слависты не уделяли должного внимания соотношению морфологии и синтаксиса. Даже если они касались данной проблематики (как напр. В.И. Георгиев), они не разрабатывали методики, необходимой для конкретного анализа. По мнению

Деяновой и Станишевой, к решению этой задачи следует подходить в рамках структурной диахронии (11). На такой теоретической почве они стремятся обнаружить стимулы, вызывающие изменения морфологических структур, относящихся к явлениям синтаксиса. Для этого необходимо изучать закономерности а) отношений языковых элементов внутри структуры, и б) возникновения новых структур.

Авторы подчеркивают две проблемы, которые одинаково важны для изучения как морфологического, так и синтаксического уровней:

1. синтагматическое и парадигматическое взаимодействие языковых элементов,
2. закономерности возникновения, существования и прерывания оппозиций.⁷

На основе анализа конкретных оппозиций в книге различается три типа морфологических изменений, связанные с синтаксическими явлениями. В первый тип входят процессы дифференциации. Ими можно объяснять например возникновение и функционирование вариантных окончаний род. п. ед. ч. *-а/-у*, и местн. п. ед. ч. *-е/-у* в русском языке. Второй тип содержит явления т. н. *морфологизации*, как например формирование аналитических форм в степенях сравнения прилагательных. В третий тип входят такие случаи, в которых морфологические изменения мотивированы синтагматическими условиями функционирования языковых элементов. Примером может послужить, между прочим, происшедший в части славянских языков переход оппозиции *собирательность/единичность* в оппозицию *множественность/единственность* (ср. р. *братья*).

В связи с синтагматическими и парадигматическими отношениями синтаксических и морфологических единиц Деянова и Станишева констатируют, что несмотря на их бесспорное

---

⁷ Журавлев пришел к подобному результату при раскрытии связей между фонологическим и морфологическим уровнями.

значение, синтагматические отношения создают лишь условия изменений, а в реализации этих изменений главная роль принадлежит парадигматическим отношениям (прежде всего в оформлении оппозиционных отношений).

Авторы отмечают, что причины всех изменений, рассмотренных ими, следует искать в изменении оппозиционных отношений. Оппозиция, характерная как для уровня морфологии, так и для уровня синтаксиса, таким образом является исторической категорией. Существует три типа изменений, происходящих в оппозиционных отношениях: *морфологизация* (возникает новая морфологическая оппозиция), *деморфологизация* (морфологическая оппозиция прекращается) и *реморфологизация* (морфологическая оппозиция переходит в другой тип оппозиции). (Эта классификация только терминологически отличается от классификации Журавлева.)

Деянова и Станишева придерживаются мнения, что их исследование подтверждает правильность теоретического вывода, согласно которому происшедшие изменения лингвистически можно истолковывать лишь на основе изменений, происходящих в синхронных структурах (226).

Хотя в своей книге болгарские специалисты занимаются только одним определенным кругом явлений, и касаются в первую очередь истории отдельных славянских языков, они в значительной мере способствовали развитию диахронной морфологии славянских языков. Тем, что при изучении взаимодействия морфологии и синтаксиса Деянова и Станишева приходят к подобным (часто тождественным) выводам, что В.К. Журавлев при анализе фонологического и морфологического уровней, они дают еще одно доказательство всеобщей годности структурных методов, и их успешной применимости.

1.6.4 Некоторые другие работы, посвященные причинам, функциям и механизму славянских морфологических изменений

Изучая закономерности аналогических изменений с помощью средств, взятых из кибернетики, на основе конкретных исчислений Н.Д. Русинов (1981) указывает на взаимоотношение, которое предчувствовал еще Г. Пауль (1960:131), в связи с ролью в аналогических изменениях частотности отдельных языковых элементов и количества их пропорций. Используя понятие избыточности, Русинов точными методами доказывает следующие взаимоотношения:

"а) Изменения языковых элементов по аналогии возникают или не возникают в зависимости от размеров их избыточности в совокупности всех средств, имеющих общую функцию.

б) Изменениям по аналогии в этой совокупности подвергаются те из языковых элементов, которые имеют отрицательную избыточность, так как начинают испытывать воздействие языковых элементов с положительной избыточностью и уподобляются им по всем или по некоторым признакам" (59).

З. Штибер (Stieber 1979:97) кроме давно известных факторов (взаимодействие между типами склонения, уравнивание по аналогии, взаимовлияние отдельных диалектов) в своей книге отмечает влияние "мировоззрения" людей, пользующихся языком, на морфологическую систему данного языка, причем предостерегает от неосторожного применения этого пояснительного принципа. В качестве примера он приводит противопоставление существительных мужского рода, обозначающих лиц, с существительными женского и среднего рода, и с существительными мужского рода, не обозначающих лиц в польском языке.⁸

Рассматривая судьбу флективных морфем, участвующих в изменениях по аналогии, некоторые исследователи придерживаются

---

⁸ Сепир, Уорф, Ельмслев и др. указывают на то, что каждый язык по-другому располагает единицы плана содержания. Такое расположение должно отражаться и планом выражения. Это подтверждает право на существование предположения Штибера.

мнения, по которому языковая система предпочитает те окончания, которые на основе своего фонетического облика более подходят для выполнения своих функций (фонологически более отличительные, т. н. *экспрессивные флексии*, ср. Hoenigswald [ссылаясь на Куриловича] 1963:49; Hamilton 1974:127; H. Tóth 1991:93).

В своей работе З. Голомб анализирует консервативные и инновативные тенденции, действующие в славянских языках (Gołąb 1978). Он обращает внимание на то, что возможны изменения двух видов: а) изменения, затрагивающие лексическую субстанцию языка, и б) изменения, затрагивающие грамматическую форму. В то время как первый тип влияет на генетическую сущность языка, другой вызывает типологические изменения. Из двух важнее последнее, так как оно касается когнитивной, интеллектуальной стороны языка. К исторической типологии славянских языков следует вскрыть варианты и инварианты грамматических изменений, правильная оценка которых может пролить свет на факторы, определяющие направление изменений. По американскому лингвисту в исторической морфологии славянских языков, наверное, таким фактором является категория рода, с одной стороны, и оппозиция именительного и винительного падежей, с другой.

Отметим, наконец, статью У.С. Хемилтона (1974), в которой автор рассматривает на почве генеративной лингвистики *глубинные* и *поверхностные* изменения, происшедшие в структуре славянских языков. Он пытается изложить такую модель, с помощью которой представляется возможным порождение форм, относящихся к поверхностной структуре современных славянских языков, исходя из глубинной структуры праславянского склонения. Для этого автор использует деklinационные системы современного чешского, польского, русского и сербско(-хорватско)го литературных языков. На основе данных четырех языков Хемилтон приходит к такому выводу, что хотя в современных славянских языках значительно изменились конфигурации и субстанция отдельных структурных компонентов, почти совершенно сохранились типы и количество компонентов, унаследованных из праславянской системы единственного и множественного числа. В своей работе американский

лингвист классифицирует отдельные глубинные и поверхностные изменения, причем останавливается на их возможных функциях, и некоторых моментах их функционирования (62-73):

Важнейшим из них является изменение, которое мы назвали «глубинным» и которое мы рассматривали в главе 1. Оно представляет собой изменение в структуре слова, которое происходит в результате действия силы, которую мы назвали «глубинной». Это изменение, которое мы назвали «глубинным», является одним из самых важных изменений в структуре слова. Оно представляет собой изменение в структуре слова, которое происходит в результате действия силы, которую мы назвали «глубинной». Это изменение, которое мы назвали «глубинным», является одним из самых важных изменений в структуре слова. Оно представляет собой изменение в структуре слова, которое происходит в результате действия силы, которую мы назвали «глубинной».

2 Происхождение падежных окончаний существительных

В следующем небольшом обзоре будут рассмотрены лишь некоторые, особенно проблематичные флексии славянских существительных. Они представляют собой примеры, иллюстрации наиболее характерных и распространенных теорий в области славянской диахронной морфологии. В рамках данной работы невозможно заниматься всеми парадигмами склонения и спряжения, но автору кажется, что избранный материал все-таки поможет увидеть и понять, какие основные проблемы характеризуют данную область исторической славистики.

В ходе анализа мы будем пользоваться следующими сокращениями:

N	— именительный падеж	sg	— единственное число
A	— винительный падеж	pl	— множественное ч.
G	— родительный падеж	du	— двойственное ч.
D	— дательный падеж	m	— мужской род
I	— творительный падеж	f	— женский род
L	— местный падеж	n	— средний род
V	— звательная форма		

2.1 Флексии существительных с основой на -ѡ-

2.1.1 Nsg m: -ѡ

Реконструированное индоевропейское окончание данного падежа — **-os* (Семереньи 1980:199). О том, как возникло праславянское -ѡ, существует практически два мнения. Согласно первому, здесь мы имеем дело с правильным фонетическим развитием, в результате которого конечный -o- изменяет свою артикуляцию, под влиянием -s становится более закрытым, и совпадает с редуцированным гласным заднего ряда:

$$*-os > *-us > -ѡ.$$

Представители данного взгляда, следовательно, предполагают специфичное, характерное для конца слова фонетическое изменение: *Мейе* (1951:325), *Вайан* (вместе с фонетическим объяснением он считает возможным и морфологическое, согласно которому окончание Nsg *-ъ происходит из основы на -й-, ср. Vaillant 1958:29; 1950:210), *Кузнецов* (1961a:63), *Бройер* (он тоже признает возможность заимствования по аналогии: Bräuer 1961:103; 1969:21), *Хамм* (Hamm 1962:161-162), *Феррелл* (Ferrell 1965:93-102), *Гъльбов* (Gălăbov 1973:5-9), *Велчева* (1980:324). Такой подход не нов, ведь его можно найти уже у Фортунатова (*Лекции по фонетике старославянского [церковнославянского] языка*, Избранные труды. Москва, 1957, II, 93 и сл.), но его все-таки нельзя считать доказанным. Аргументы за фонетическое объяснение следующие: 1) нет оснований для влияния по аналогии, вследствие которого следовало бы устранить синкретизм N=A (ср. Мейе и Гъльбов выше); 2) предполагается, что существительные среднего рода с основой на -s- первоначально оканчивались на -ъ, ср. старославянское и древнерусское *днѣъ*, польское *ciud* и пр. (Gălăbov 8:9); 3) если принимается, что флексия Dpl была *-mōs (> -mъ), незачем предполагать другое развитие в Nsg (Ferrell); 4) можно провести параллель между фонетическими изменениями *-ōs > -ъ и *-ās (ие. -ās) > -у (Gsg, NApl, основа на -ā- (Ferrell)).

Согласно второй теории окончание *-ōs фонетическим путем перешло в *-o, значит флексия -ъ является результатом аналогии, конкретнее, заимствованием из основы на -й-, ср. *Горалек* (Horálek 1967:157), *Мареш* (Mareš 1963:65), *Арумаа* (Arumaa 1964:113-114), *Кошмидер* (Koschmieder 1956:235), *Людтке* (Lüdtke 1966:134), *Георгиев* (1969:53-54), *Шелесникер* (Schelesniker 1964:52-55), *Айцетмюллер* (Aitzetmüller 1978:76; предполагает и влияние Asg основы на -ō-), *Рудницкий* (1966:655-658; 1982:360-365), *Шевелов* (Shevelov 1964:156), *Штибер* (Stieber 1979:96). Аргументация сторонников второй теории следующая: 1) если фонетическое изменение было бы *-ōs > -ъ, естественно было бы ожидать редукцию *-es > -ъ, как в латинском, однако такого примера нет в славянском; 2) изменение *-ōs > -o поддерживается глагольным

окончанием 1 л. мн. ч. *-to* в некоторых славянских языках (Арумаа); 3) древнепольские топонимы *Boglo, Falo, Niego, Sędo, Wroto, Żyro*, и среднеукраинские *Сусло, Козло, Безпосло* и др., как и старославянские словосочетания типа *редо сь, глаголо сь, позеро сь* также подтверждают вышесказанное (Рудницкий); 4) окончание Nsg существительных среднего рода с основой на *-s-* — *-o-*: чтобы избежать синкретизма, существительные мужского рода заимствовали окончание *-ъ* у основы на *-й-*.

К сожалению, ни одного из положений нельзя доказать бесспорно, поскольку в связи с приведенными аргументами возникают следующие проблемы:

- а) *по поводу фонетического объяснения*: 1) устранение синкретизма $N=A$ не обязательно, он может оставаться хотя бы временно и при существительных, обозначающих лиц, ср. в основах на *-й-* и на *-ї-*; 2) нет достаточного доказательства того, что исходное окончание существительных среднего рода было *-ъ*, так как в цитированных примерах возможно и сосуществование параллельных вариантов флексии: колебания в грамматическом роде нередки в славянских языках; 3) окончание Dpl могло быть и **-tus* в балто-славянском языке (см. ниже); 4) изменение **-ōs/-ās > -у* не менее спорно, чем то, о котором идет речь.
- б) *по поводу морфологического объяснения*: 1) гласные переднего ряда более устойчивы против редукции в конце слова, чем гласные заднего ряда, поэтому нет изменения **-es > -ъ*; 2) глагольное окончание 1 л. мн. ч. *-to* по всей вероятности является вторичным, подобно окончаниям *-те, ту*; 3) топонимы, перечисленные Рудницким, относятся к определенной территории, поэтому их нельзя считать общими; кроме того, они упоминаются в поздних памятниках (XII–XVII вв), поэтому предполагать их праславянское

происхождение неосновательно; 4) словосочетания типа *редо съ* можно объяснить просто вокализацией редуцированного в сильном положении; 5) окончание *-о* существительных среднего рода может быть результатом уравнивания по аналогии (прежде всего под влиянием местоимений типа **tod > to*, ср. 2.1.2).

Американский лингвист *Фейнберг* предлагает новое решение вопроса (Feinberg 1978:112-113). Он тоже предполагает изменение **-ōs > *-ūs > -ь*, однако не считает его результатом автоматического фонетического развития. В то время как большинство исследователей принимает изменение *o > u* как автоматическое (фонетически обоснованное) перед носовым согласным в конце слова (Asg, Apl, Gpl), перед *-s* гласный *o* — по Фейнбергу — сохраняет свою звуковую окраску. Так как с падением конечных согласных возникли бы недопустимые омонимии, чередование *o ~ u* перестало быть автоматическим, и перешло и на Nsg. Таким образом, первоначально регулярная фонетическая тенденция приобрела морфологическую функцию. Фейнберг подчеркивает, что здесь речь идет не об аналогии между основами на *-ō-* и на *-ū-*, совпадение по форме является лишь сопутствующим явлением процесса. Поскольку славянское склонение строится на тематическом принципе, гласный *u* был основной формой тематического гласного в основе на **-ū-*, которая иногда чередовалась с *ou*, а тот же самый *u* в основе на **-o-* выступал как вторичный гласный, по сравнению с определяющим *o*. Совпадение отдельных падежных флексий стало структурным признаком лишь *после* перемещения стыков морфем, причем взаимодействие между существительными разных основ вплоть до этого было немыслимо (114).

2.1.2 NAsg n: -o

Предполагаемое индоевропейское окончание было **-ōm* (ср. Семереньи 1980:199), которое, согласно подавляющему большинству объяснений, претерпело специфичное фонетическое развитие в конце слова, и дало -ѡ. Так как данное окончание совпадало с окончанием NAsg у существительных мужского рода, в интересах сохранения различия между грамматическими родами, флексия **o* из именного склонения (посредством системы прилагательных) вытеснила результат фонетического развития (ср. *Mei* 1951:325; *Vaillant* 1958:15; *Кузнецов* 1961a:63-64; *Bräuer* 1969:63; *Schelesniker* 1964:55-56; *Shevelov* 1964:956; *Arumaa* 1964:115; *Ferrell* 1965:103, 107; *Koschmieder* 1956; *Aitzetmüller* 1978:85; *Велчева* 1980:324; *Holzer* 1980:10; *Prinz* 1977:265; *Gălăbov* 1973:8-9). В отличие от флексии Nsg m **-ōs*, где — как мы видели — спорно специфическое развитие гласного *o*, здесь оно обосновано влиянием конечного носового согласного (как в некоторых других индоевропейских языках): **-ōN* > -ѡ⁹.

Именно поэтому, некоторые слависты предполагают, что окончание NAsg n -o происходит не из **-ōm*, а из индоевропейского **-ō*, т. е. из темы без окончаний. По следам Гуйера, Агрелла и Шобера, такого мнения придерживаются в последнее время *Мареш* (*Mareš* 1963:55), *Добрев* (1982:204) и *Шмалстиг* (*Schmalstieg* 1983:71-72). По Добреву окончание NAsg n -o представляет собой рефлекс "абсолютного" падежа (чистой основы), подобно положению у основ на -es- и -men-: ср. старославянское слово < **kleu-ōs* и брѣмѧ < **bher-men*, где также выступает чистая основа.

Данное предположение, кажется, подтверждается тем, что в литовском языке, в котором, правда, нет существительных среднего рода, одним из возможных окончаний несклоняемых прилагательных общего (среднего) рода является -a: *gėra* 'хорошее'. Кроме того — как указывает Шмалстиг — и в хеттском языке существовала

---

⁹ Символ *N* обозначает любой носовой согласный (= *m*, *n*).

форма прилагательного без флексии в Nsg п, напр. *marša* 'плохое', *tannatta* 'пустое'. Шмалstieg, с другой стороны, не исключает, что исходное окончание могло быть $*-\delta N$. В таком случае возможно, что $-o$ является вариантом по сандхи флексии $*-\delta N$. В то время как перед словом, начинающимся с согласного, происходит изменение $*-\delta N > -\delta$, перед гласным $*-\delta N$ переходит в $-o$. Последний вариант потом становится общим, отчасти под влиянием форм типа *slovo* (ср. Schmalstieg 1965:239-240).

Кроме упомянутых, есть и третья теория, согласно которой конечное звуко сочетание $-om$ во всех случаях изменяется в $-o$, подвергаясь фонетической закономерности открытого слога, ср. Горалек (Horálek) 1967:154; Георгиев 1969:37-40, 53. Кажется, из приведенных объяснений именно это последнее является наиболее уязвимым, так как ни Горалек, ни Георгиев не могут его убедительно подкрепить примерами, взятыми из других областей морфологической системы, которые свидетельствовали бы о подобном развитии $*-\delta N > -o$. С другой стороны, изменение $*-\delta N > -\delta$ подтверждается параллельным развитием в следующих категориях:¹⁰ Gpl $-\delta < *-\delta N$, Apl m, f (основы на $*-\delta-$ и на $-\bar{a}-$, местоименное склонение) $-y > *-\delta Ns$, Nsg m, n (действительное причастие настоящего времени) $-y < *-\delta N(t)s$, 1-ое лицо ед. ч. асигматического аориста $-\delta < *-\delta m$ (ср. Feinberg 1978:108-109). Самым убедительным аргументом кажется последний, так как только Георгиев считает окончание $-\delta$ заимствованным по аналогии из сигматического аориста, где по его мнению выступала флексия $*-\eta$. Такая аналогия, однако, ничем не обоснована, тем более, что между парадигмами аориста уравнение происходит как раз в обратном направлении: сигматические формы изменяются под влиянием асигматических, ср. стсл. 1-ое л. дв. ч. вѣсѣхѣ , 1-ое л. мн. ч. вѣсѣмъ , параллельно с формами 1-ое л. дв. ч. идѣхѣ , 1-ое л. мн. ч. идѣмъ . Кстати, индоевропейское $*-\eta$ после $-s-$ не всегда переходит в $*-\eta$

¹⁰ Кроме Asg m, где также общепринято предположение фонетического изменения $*-\delta N > -\delta$, см. ниже.

> -ъ, и его нельзя считать типичным (ср. Andersen 1971:952; Gălăbov 1973:8).

2.1.3 Asg m: -ъ

Так как реконструированное индоевропейское окончание — *-ōm (ср. Семереньи 1980:199), то есть оно совпадает с выше рассмотренным окончанием NAsg n (если оставить без внимания мнения, согласно которым здесь не было конечного -m), теории, касающиеся этих флексий тесно взаимосвязаны. Поэтому не будем еще раз перечислять сторонников фонетического объяснения, но дополнительно отметим еще следующих: Кошмидер (Koschmieder 1956:235-244); Мареш (Mareš 1963:53, 65); Хамм (Hamm 1962:161); Фейнберг (Feinberg 1978:109); Добрев (1982:30-31); Шмалстиг (Schmalstieg 1967:47-48, 1983:46-47, 73, 1983a 270-271).

Интересно и оригинально представление Шмалстига о том, что в праславянском языке у основ как на *-ō-, так и на *-ā-, окончание Asg было *-aN, как в балтославянском. В славянском данное окончание в конце слова стало более закрытым и перешло в *-uN. С падением носовых появляется два варианта по сандхи данной флексии: перед словом с начальным гласным — *-uN > *-u, а перед словом с начальным согласным — *-uN > -q. Сначала распределение двух окончаний в обоих типах склонения было автоматически (определялось фонетическим окружением), а позже два варианта прикрепились к разным морфологическим категориям: Asg, основы на *-ō- — *-u > -ъ, Asg, основы на *-ā- — -q. Возможность такого изменения по Шмалстигу подтверждается параллельным фонологическим развитием морфемы *sun: если последующая морфема начиналась с гласного, встречается вариант sъn- (ср. стсл. сѣнѣмъ), а перед согласным выступает вариант sq-, и наконец существует и вариант sъ в качестве предлога.

Лишь В.И. Георгиев приписывает окончание -ъ влиянию со стороны основы на *-ǫ-, так как по его мнению фонетическим рефлексом звукосочетания *-ōm в славянском всегда является -o, в

то время как *Asg* у основ на **-й-* — результат фонетического развития **-йт > -ь*. Заимствованием последнего избегалась недопустимая омонимия *Asg n = A sg n* — считает Георгиев. Если, однако, флексия **-от* перешла не в *-о*, а в *-ь* (ср. 2.1.2), то здесь незачем предполагать морфологическое изменение.

2.1.4 Gsg: -a

Славянское окончание фонетически нельзя вывести из индоевропейского, которое было **-es(y)o/*-os(y)o* (ср. Семереньи 1980:199), поэтому, согласно наиболее распространенному мнению, флексия -a является рефлексом индоевропейского аблатива. Такой подход принимают между прочим *Meïe* (Meillet 1951:311), *Vaïan* (Vaillant 1958:30), *Бройер* (Bräuer 1969:21-22), *Мареш* (Mareš 1963:65), *Георгиев* (1969:54), *Шмидт* (Schmidt 1977), *Шмалstieg* (Schmalstieg 1983:72-73) и др.

Независимо от того, примем ли за исходную форму аблатива **-ōd/*-ōt*, или **-ād/*-āt*, результатом славянского фонетического развития будет обязательно -a. Литовское окончание -o, однако, свидетельствует о последней флексии. Если принимаем ее за общее балтославянское окончание, то трудно объяснить гласный -a-, так как индоевропейское окончание было **-ōd* (ср. Семереньи 1980:195). Поэтому вышеупомянутый взгляд критикуется, между прочим, и *Кузнецовым* (1961a:37-38). Он считает (принимая мнение Каппуса), что флексия славянского Gsg -a — не индоевропейского происхождения. Она представляет собой балтославянскую инновацию, которую можно возвести к служебному слову, подобно образованию форм местного падежа. Здесь выступает тот же самый грамматический элемент в функции послелога, который встречается и как предлог или приставка, ср. литовское и латышское *at*, и стсл. *отъ*. Подобного мнения придерживается и *И. Добрев* (1982:152-154), который считает, что старославянская флексия -a, также как предлоги *отъ* и *до*, происходят из общего корня латива (**ad- : *d-*).

Р. Айцетмюллер возводит окончание Gsg -a к двум источникам, так как — по его мнению — данная флексия выполняет не только функцию аблатива и родительного падежа, но и функцию местного падежа (1978:76-78). В выражениях типа *сѹ бога, до бога* Айцетмюллер видит старое окончание местного падежа, которое впоследствии совпало с аблативом. В старославянском языке функцию Lsg у существительных с основой на **-ō-* выполняло,

наверно, окончание **-ō*, которое в свою очередь являлось степенью удлинения тематического гласного (подобно основам на **-ī-* и на **-ī-*). Такое предположение подтверждается, кажется, и старославянскими наречиями *дома*, *вѣчера*, *на тѣла* (77).

Вышеуказанная концепция была впервые сформулирована Г. Шелесником (Schelesnik, H. Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen. Graz-Köln, 1964). Он исходит из того, что в славянских языках генитив выполнял три функции: аблатива (отложительного), местного и родительного падежей. Самым молодым падежом из них является родительный, что подкрепляется не только тем, что нет славянского рефлекса исходной индоевропейской флексии, но и тем фактом, что в ранних славянских переводах словосочетания с родительным падежом передаются преимущественно притяжательными прилагательными (ср. *сѣнь божья* вместо *сѣнь бога*).¹¹

Флексия **-a* происходит из первоначально различавшихся, а потом — по фонетическим причинам — совпавших окончаний отложительного и местного падежей, постепенно она стала выполнять и функцию родительного падежа (Schelesnik 1964:11-18). Предположение окончания Lsg **-ō* подтверждают кроме вышеуказанных примеров и такие выражения, как напр. стсл. *стопаше оу гроба, видѣхъ оу отца, вѣршете въ свѣта, оупѣван на бога, испросите оу бога, донде села* и т.д. (14-15).

Совершенно порывает с прежними взглядами В.Н. Топоров (1975:293-295), который исходит из типологического разнообразия индоевропейского окончания генитива, и предполагает, что славянская флексия Gsg **-a* является продолжением праславянского **-ōs*. Элемент *-s* выступает в отдельных окончаниях всех типов склонения, поэтому обосновано его постулировать и в основе на **-ō-*, а степень удлинения тематического гласного (*-ō-*) избегает синкретизма с Nsg **-ōs-*, ср. старопруссские формы *deiwas* < **deiwās* (Gsg) и *deiws* < **deiwas* (Nsg). Преимущество предложенного

---

¹¹ Ср. Кузнецов 1963:42-43 и Aitzetmüller 1978:77.

решения Топоров видит в том, что оно объясняет флексии Gsg в разных типах склонения с помощью общего принципа, причем предположение о заимствовании внешних окончаний аблатива件 не нужно (ср. объяснения Топоровым флексий Gpl, и Gsg у основ на **-ā-*).

2.1.5 Dsg: *-u*

Реконструированным индоевропейским окончанием, которое принимается единодушно, является **-ōi* (ср. Семереньи 1980:199). На первый взгляд трудно здесь представить фонетическое объяснение, тем более, что дифтонг **-ōi* в Lsg дает *-ě*. Несмотря на это, существует несколько теорий, считающих славянскую флексию результатом специфичного звукового развития, а не заимствованием по аналогии.

А. Мейе исключает аналогию потому, что у основ на **-й-* окончание Dsg — *-ovi*, а не *-u*, и более убедительным считает следующее фонетическое изменение: **-ōi* > **-ōu* > *-u*. Правда, данная фонетическая тенденция изолирована, ее нельзя доказать, однако может подтверждаться развитием флексии Ipl в конце слова: **-ōis* > *-u*, и, может быть, Gsg у основ на **-ā-*: **-ās* > *-u* (Мейе 1951:326-327).

Практически такого же мнения придерживается и И. Дуриданов (1968:22-23), который считает, что элемент *i* дифтонга **-ōi* першел веляризацию и лабиализацию, наверно под влиянием предыдущего гласного элемента *ō*.

Менее вероятна концепция Вайана, согласно которой славянское окончание происходит из балтославянского трифтонга **-uoi*. Ни существование трифтонга, ни предложенное Вайаном фонетическое развитие нельзя доказать (ср. Vaillant 1950:213).

Так как перечисленные фонетические объяснения довольно проблематичны, не удивительно, что большинство исследователей ищет морфологического или морфонологического решения данного вопроса.

Морфонологическое решение находим у Й. Хамма (Hamm 1962:166, 1966:46), он предположил, что для сохранения оппозиции L:D, передний элемент дифтонга $*-oi$ был заменен задним:

Lsg $*-oi$: > D $*-ou$

Такая замена является одной из форм манифестации *энтропии*, введенного Хаммом понятия (см. выше).

Шмалстиг подвергает сомнению общепринятое мнение о том, что окончанием Dsg было $*-oi$ (Schmalstieg 1974:194–197). Он считает, что в данном падеже флексия возникла в результате контаминации: она происходит из смешения исходного Dsg $*-ō$ и Lsg $*-oi$. Окончание $*-ō$, в свою очередь, является вариантом по сандхи индоевропейского $*-om$, которое можно найти в латинском и готском языках (Dsg *lupō*, *daga*). В славянском выступает рефлекс $*-om$, который в конце слова переходит в $*-u$ (ср. 1-ое лицо ед. ч. в старославянском: *идѣ* и т. д.), а потом спорадически теряет носовую артикуляцию и дает $-u$. Такое спорадическое развитие — по Шмалстигу — подтверждается следующими параллельными старославянскими формами: *гноусятъ* / *гнѣсятъ*, *моудити* / *мѣдити*, *моудити* / *мѣдити* и т. д. Американский лингвист предполагает, что в литовском местоимении *tamui* (Dsg) тоже проявляется рефлекс флексии $*-om$: $*tom-om > *tom-ō > *tam-uo > *tam-u + i$ ($-i$ наверно из других основ). Фонетические изменения в славянском были иные: $*tom-om > *tom-u > tom-u$. Шмалстиг приводит еще латышское словосочетание типа *tam cilvēkam* (этому человеку) для иллюстрации того взгляда, что флексия Dsg действительно была $*-om$. Следовательно, славянская флексия $*-u$ первоначально выступала как местоименное окончание, которое потом постепенно перешла и в систему прилагательных и существительных (1971:145). Ниже увидим, что автор исходит из этого же суффикса в связи с морфемами Dpl (и Ddu); (ср. Schmalstieg 1974:196).

Мареш предполагает влияние основ на $*-iu$, путем "прогрессивной диссимилиации" и метатезы: $*-iuei > *-uei > *-ieu > *-ü$ (1963:54). Если вообще принимаем существование праславянской

основы на **-iu*, из-за фонетических изменений, предполагаемых Марешом *ad hoc*, такое объяснение остается маловероятным, как на это указывали исследователи (ср. напр. Георгиев 1969:55).

Славянское окончание Dsg **-и* иногда возводят к флексии основ на **-и* Lsg *-и* (< **-ou*), ср. Г. Шелесникер (Schelesniker 1964:20), В.И. Георгиев (1969:40-42, 54-56) и Р. Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:78-80). По Шелесникеру окончание *-и* первоначально употреблялось параллельно как в Lsg основ на **-ѡ*, так и в Dsg, рядом с исходным окончанием Dsg *-ѣ* (которое принимало и функцию Lsg после того, как окончание *-а* стало выполнять функцию родительного падежа); потом *-ѣ*, под влиянием основы на **-ā*, укоренилось в функции местного падежа, в то время как *-и* — в функции дательного. Исходное локативное значение флексии *-и* сохранилось в старославянских наречиях *тоу* и *оу-де*.¹²

Функциональное изменение $L \rightarrow D$, по Айцетмюллеру, синтаксически хорошо объясняемо. У местного падежа первоначально было две функции: он указывал на место действия, но мог указывать и на его направление, ср. стсл. *падѣ къ трънии*, *падъ къ земли* и т. д. Для обозначения направления, кроме локатива, использовали и т. н. *винительный падеж цели*, который функционально совпадал с *местным падежом цели*. Оба падежа включали в себя и достижение цели действия, в то время как третий падеж направления, датив, указывал лишь на его направление, ср. *иде къ князю*. Айцетмюллер считает, что именно на основе сходства функции в предложении стало возможным употребление первоначально локативного окончания в функции датива (1978:78-80).

Подобно вышеупомянутым двум точкам зрения, Георгиев также предполагает заимствование окончания основы на **-й*, чтобы избежать угрозы синкретизма $D = L$, на основе морфологической и семантической связи между основами на **-ѡ* и на **-й* (1969:54-56). Под влиянием основ на **-ā*, *-jā*, *-i*, и частично консонатных

---

¹² Шелесникер замечает, что данное объяснение не ново, и ссылается на Лескина, Эндзелина и Коржинка.

основ, исходное окончание Lsg у основ на *-й стало употребляться и в функции Dsg, рядом с "правильным" -ovi. Отсюда оба окончания перешли в Dsg основ на *-ѡ.¹³ Причину того, что для избежания синкретизма флексией основ на *-й заменили именно флексию Dsg, а не Lsg основ на *-ѡ, болгарский лингвист видит в том, что последняя употреблялась чаще, и поэтому прочнее укоренилась в грамматической системе.

Если принимаем объяснение Шелезникера, Георгиева и Айцетмюллера, которые не исключают, а взаимно подтверждают друг друга, то нет надобности предполагать такие морфологические категории, существование которых доказать нелегко.

2.1.6 Isg: -омъ (на севере -ѣтъ)

Окончание Isg у существительных основ на *-ѡ в индоевропейском праязыке было *-ē/*-ō (ср. Семереньи 1980:199), которому в праславянском соответствовало бы окончание *-а, из-за известных фонетических закономерностей. Так как в Gsg также находим -а, предполагается, что новая флексия *-тъ была введена для избежания нежелательного синкретизма. Существует такое мнение, что остатки старого *-а сохранились в наречиях типа стсл. *въчера* (ср. р. *вчера*) в отдельных славянских языках (ср. Vaillant 1958:32-33; Георгиев 1969:57; Bräuer 1969:23), в то время как рефлексy *-ē обнаруживаются в наречиях типа стсл. *дѣръѣ* (Мейе 1951:327).

Элемент -т- вероятно оказывался в Isg основ на *-ѡ из другой парадигмы, или из других форм той же парадигмы (ср. Мейе 1951:312-313; Bräuer 1969:23). Mareš (Mareš 1963:65) и Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:80) предполагают влияние основ на *-й, а Георгиев — влияние местоименного склонения (1969:57).

Флексию *-ѣтъ, встречаемую в северных славянских диалектах, Фурдал (Furdal 1961:62) считает инновацией, в то время

---

¹³ Флексия -ovi в парадигме существительных на *-ѡ играла только вторичную роль (на месте -и).

как Станг утверждает, что из окончаний **-омь* и **-ѣть* последнее является более древним, в западных и восточных языковых областях употреблялось исключительно оно (кроме чешской и словацкой), варианта **-омь* там не было. Поэтому южную форму следует считать праславянским диалектальным вариантом (Stang 1964:191-192).

2.1.7 Lsg: -ě

Славянское окончание обычно принимается за продолжение индоевропейского Lsg **-oi* (ср. Семереньи 1980:199). Такого мнения придерживаются например Мейе (1951:327), Вайан (Vaillant 1958:30-31), Бройер (Bräuer 1969:23-24), Мареш (Mareš 1963:65) и Георгиев (1969:13), предполагая регулярное фонетическое изменение.

По мнению Шелезникова славянское окончание Lsg *-ě* не унаследовано из индоевропейского языка, а является инновацией по аналогии основ на **-ā*, как об этом писали уже Ягич и Педерсен. Окончание Lsg *-ě* у существительных на **-ā* первоначально выступало как флексия Dsg, так как в данной парадигме, как и в других индоевропейских языках, не было самостоятельной морфемы Lsg. Окончание *-ě* основ на **-ō* также следует считать флексией Dsg, которая — по аналогии основ на **-ā* — стала выполнять и функцию локатива, поскольку первоначальные флексии Lsg (*-a* и *-y*) постепенно приобрели функцию Gsg. Для функционального изменения D → L морфологическое обоснование можно найти у основ на **-ī*, где два падежных окончания с самого начала были тождественны, несмотря на интонационные различия (1964:18). Подобное объяснение предлагает и Г. Гольцер (Holzer 1980:12).

Айцетмюллер сомневается в правильности такого мнения, так как невероятно, что датив, будучи падежом направления (Richtungskasus), одновременно выполнял и статичную функцию локатива (Ortskasus). Кроме того, трудно доказать, что окончание Gsg *-a* действительно происходит из Lsg, а не из отложительного падежа. Влияния основ на **-ā* австрийский славист не исключает.

Айцетмюллер в свою очередь окончание *-ě* считает региональной (балто-славянской, индоиранской) инновацией (Aitzetmüller 1978:81).

Заслуживает внимания мнение, согласно которому в индоевропейском языке не было самостоятельного окончания местного падежа, а вначале одна флексия (основа + **-i*) обозначала как датив, так и локатив. Таким образом более правильно говорить о падеже D-L, который лишь позже разделился в истории отдельных славянских языков (ср. Kuryłowicz 1964:190-196; Кузнецов 1961a:26, 35; Топоров 1961:285, 349). Курилович приводит следующие аргументы за данную точку зрения: 1) окончание локатива **-i* и окончание датива **-oi* являются лишь аблаутными вариантами; 2) часто встречается колебание в употреблении двух флексий например в Ригведе; 3) в греческом D и L функционально совпали; 4) в современных "аналитических" языках наблюдается возникновение нового датива, который выражается через предлоги, управлявшие первоначально местным падежом (ср. *ad* в романских языках, *to* в английском, *aan* в голландском, *at* в шведском, *til* в датском)(190-191).

На основании такой теории возможно объяснить не только синкретизм Dsg = Lsg у основ на **-i*, но и взаимодействие между двумя падежами в других парадигмах, т. е. ту морфологическую и семантическую базу, на которой строятся несколько вышеприведенных объяснений по аналогии (в связи с флексией как Dsg, так и Lsg).

2.1.8 Npl m: *-i*

Индоевропейское окончание Npl у существительных с основой на **-ō* было **-ōs* (в среднем роде **-ā*), но в целом ряде языков (в староирландском, греческом, латинском, балтийских и славянских языках) доказуема инновация **-oi*, которая по Семереньи происходит из системы местоимений (посредством прилагательных)(1980:197-198).

Что же касается его дальнейшего развития на славянской почве, то мнения ученых расходятся. *Мейе* (1951:327-328, 122) считает, что окончание *-i* могло возникнуть фонетическим путем из дифтонга **-oi*, также как окончание *-ě*. Разнонаправленное развитие, однако, нельзя приписать отличиям в интонации, а настоящая причина остается нераскрытой.

В последнее время только *Бройер* (Bräuer 1961:103-104; 1969:25) придерживается мнения, что судьба флексии **-oi* в славянском зависела от качества интонации. Если данное окончание было под нисходящей интонацией (Lsg), то результатом морфологического изменения был **-ě*, а под восходящей интонацией — **-i*. Такой взгляд основывается в первую очередь на данных греческого языка, но оставляет без внимания следующее: 1) в литовском восходящая интонация встречается лишь в Npl прилагательных, а у существительных выступает нисходящая интонация; 2) окончание 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения, происходившее из индоевропейского опатива **-oi*, в славянском было **-i*, хотя и в греческом, и в литовском находим нисходящую интонацию (ср. Schmalstieg 1983:75-76).

Шмалstieg ищет причины различных рефлексов в различающихся условиях динамического ударения. По его мнению вначале обе морфемы могли быть ударными или безударными, и отдельные окончания лишь позже закрепились за конкретными падежными категориями. Тем не менее, американский лингвист не исключает возможности влияния на различное фонетическое развитие морфологических или семантических факторов.

Гылыбов выводит окончание Npl *-i* из предположенного им **-ois* следующим образом: **vylkois* > **vylkēs* > **vylkis* > **vylki* (ср. стсл. вѣцѣи), так как флексия **-oi* фонетически перешла бы в *-ě*, точно так, как в Lsg. Согласный *-s* по Гылыбову происходит из индоевропейского **-ōs*, и подобно Марешу (Mareš 1963:55) болгарский славист предполагает контаминацию между окончаниями местоимений и существительных: **toi vylkōs* > **tois vylkois* > **ti vylci* (Gălăbov 1973:14-15). Если, однако, допускаем существование конечного **-s*, и его влияние на фонетические процессы, то не можем объяснить литовскую форму Npl *vilkai* (ср. Георгиев 1969:57).

Фейнберг предлагает морфонологическое объяснение (Feinberg 1978:116). Он считает, что тематический гласный флексии **-o + i* в определенных условиях, в силу морфологических причин, чередовался с *-u*. В Npl, где нужно было избежать нежелательного синкретизма, развитие было следующее: **-o-i* > **-ui* > **-əi* > **-ī* > *-i*. Доказать существование дифтонгов **-ui* и **-əi* в праславянском языке, конечно, нелегко, поэтому теория Фейнберга тоже не без проблем.

Из-за фонетических трудностей, пожалуй, более вероятным кажется морфологическое объяснение. Вайан (Vaillant 1958:33-34), Георгиев (1969:57) и Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:81-82) одинаково придерживаются мнения, что дифтонг **-oi* (**-ai*) в славянском монофтонгизировался в *-ě*, поэтому окончание Npl *-i* может происходить лишь из основ на **-jō*. Такой взгляд морфологически приемлем, но не дает объяснения форм 2-го лица императива на *-i* (*-oi*) типа стсл. бери, неси и т. д.

2.1.9 Apl m: *-y*

Реконструированное индоевропейское окончание — это **-ons* (ср. Семереньи 1980:198), из которого праславянское окончание возникло фонетическим путем. Так считают например Мейе (1951:121), Вайан (Vaillant 1958:34-35), Бройер (Bräuer 1969:27), Кузнецов (1961a:63), Арумаа (Arumaa 1964:116), Мареш (Mareš

1963:53), Шмалstieg (Schmalstieg 1983:77), Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:82), Фейнберг (Feinberg 1978:112-114), Велчева (1980:325), Добрев (1982:30, 32), Шевелов (Shevelov 1964:333), Гылыбов (Gäläbov 1973:10), Шелезникер (Schelesniker 1964:35), Труммер (Trummer 1978:260) и Принц (Prinz 1977:263).

Кажется, только В. Георгиев не принимает фонетическое объяснение, поскольку в рамках его теории **-ons* и в конце, и в середине слова должно измениться в *-o* в славянском. Поэтому он и здесь предлагает морфологическое объяснение, исходя из того, что Apl существительных мужского рода в праславянском был **-ōs* (вариант окончания **-ons* по сандхи), который фонетически перешел бы в **-a*. Так как такое окончание совпадало с флексией NAdu, на его месте возникла новая флексия Apl *-u* (из основ на **-ī*, ср. 1969:58, 43). Так как Георгиев не может убедительно опровергнуть развитие **-ons* > у, здесь незачем предлагать морфологическое решение вместо фонетического. Поведение любого сочетания звуков внутри слова не может определять его поведение в конечном положении — это очевидно по данным многих языков.

Изменение же **-jons* > *-je* в отдельности не доказывает исключительности процесса **-ons* > **-o*. Задние носовые гласные, как известно, более неустойчивы, чем их передние эквиваленты (ср. Мейе 1951:121, 52).

2.1.1 Gpl: -ь

Данное окончание характеризует не только существительные с основой на **-ō*, но все типы склонения, за исключением мягких парадигм, где оно выступает как *-ь*. Индоевропейская флексия Gpl была **-ōm/-ōm* (ср. Семереньи 1980:170, 198).

Часть исследователей придерживается мнения, что окончание *-ь* у основ на **-ō* является окончанием **-ōm* (ср. Mareš 1963:55; Мажюлис 1965:24-26; Hamm 1966:48; Horálek 1967:156; Prinz 1977:268; Wernke 1984:145), которое впоследствии сократилось. Неясно, однако, что вызвало данное изменение в количестве

гласного, потому что реконструированная нисходящая интонация вряд ли могла оказать такое влияние (ср. *Meiße* 1951:315)¹, а флексия **-ōm* вероятно першла бы в *-y* (ср. *Vaillant* 1958:36). Поэтому более распространен взгляд, что исходное индоевропейское (и праславянское) окончание было кратко: **-ōm* (ср. еще *Bräuer* 1969:26; *Schelesniker* 1964:33; *Кузнецов* 1961a:68-72; *Топоров* 1975:290-291; *Kortlandt* 1978:294; *Aitzetmüller* 1978:82; *Trummer* 1978:260; *Добрев* 1982:117, 196-199; *malstieg* 1983:76-77). Существительные с основой на **-ō* и **-ā*, по всей вероятности, заимствовали данное окончание из других основ. Кроме того, оно первоначально не было окончанием родительного падежа ввиду того, что генитив — как мы это отметили в связи с *Gsg* — сравнительно молодая морфологическая категория. Универсальность флексии **-ōm* также указывает на более общую функцию: *Бройер* и *Шелезникер* считают ее несклоняемым суффиксом прилагательных, *Добрев* — притяжательным показателем, *Кортландт* — формой сказуемого, которая позже перешла в притяжательное прилагательное, а *Айцетмюллер* — локативной частицей. Все соглашаются, однако, с тем, что флексия **-ōm* лишь позже стала окончанием *Gpl*.

Вышеуказанные различные мнения имеют важный общий признак: они все принимают изменение в конце слова **-ōm* > **-ь*, которое совпадает с фонетической историей *Asg m* (ср. 2.1.3). Поэтому неудивительно, что *Георгиев*, который вообще отрицает существование особых фонетических законов в конце слова, и здесь предполагает морфологическое развитие. Он считает возможными два объяснения: а) славянское окончание *-ь* является продолжением диалектального **-m̃*, которое выступало в консонантных основах (вероятно в тех случаях, где ударение падало на корень); б) славянская флексия *Gpl* первоначально представляла собой морфему *Lpl* в местоименном склонении и в парадигме основ на **-os/*-es*, которая позже получила и функцию *Gpl*, и распространилась и в других парадигмах (1969:134-136). Что касается первой возможнос-

---

¹ К подробному объяснению см. *Kortlandt* 1978:281-282.

ти, сам Георгиев признает, что положенное им окончание **-m* отсутствует в остальных индоевропейских языках, поэтому его существование трудно доказать.

Второе его объяснение исходит из окончания **-sū*, которое у основ на **-os/*-es* действительно дает рефлекс **-ъ*, ввиду того, что согласный **-s-* устраняется из флексии, в соответствии с законом открытого слога: **nebhes-su* > **nebesъ*. Такая словоформа, однако, не встречается в функции Lpl¹⁵, лишь как Gpl. (Опять-таки, если принимаем изменение **-ōm* > *-ъ*, форму Gpl *nebesъ* можно фонетическим путем вывести из **nebhesōm*.) Итак, нет непосредственного доказательства того, что окончание генитива действительно происходит из локатива. Помимо того, поскольку флексия **-sū*, за исключением основ на **-os/*-es*, везде четко отделяется от основы, согласный элемент *s* пропал бесследно даже в основах на гласный. Также неясно: 1) почему именно основы на **-os/*-es* принимают окончание Lpl и в Gpl 2) каким было исходное окончание Gpl 3) почему оно пропало без следа

Из-за приведенных трудностей морфологического объяснения, фонетическое — (особенно **-ōm* > *-ъ*) кажется более вероятным и приемлемым.

2.1.11 Ipl: -y

Индоевропейское окончание реконструировано как **-ōis* (ср. Семереньи 1980:198-199), оно выступало исключительно в данной функции, поэтому восстановление фонетического развития нелегко.

Мейе считает, что развитие **-ōis* > **-ū* > *-y* было возможным, так же как процесс **-ōi* > *-u* в Dsg (см. 2.1.5), причем два изменения подтверждают друг друга (1951:123). Вайан ищет тоже фонетического решения, но он пытается вывести славянское окончание из балто-славянской морфемы **-uois* (**-ōis*) (Vaillant 1958:37,

---

¹ Уже в старейших памятниках выступает окончание из основ на **-ī* (*-иѣ*, *-ѣхѣ*, ср. Diels 1932:171).

1950:213). По мнению *Дуриданова* (который, в свою очередь, ссылается на *Педерсена*) данная флексия першла следующее развитие: $*-\bar{o}is > *-\bar{u}is > *-\bar{u}us > *-\bar{u} > -y$ (1968:23-24). *Добрев* реконструирует фонетическое изменение следующим образом: $*-\bar{o}is > *-\bar{o}s > -y$, без каких-либо комментариев (1982:30, 33).

Согласно другим подходам, славянское окончание *Ipl* $-y$ не могло возникнуть фонетическим путем из ие. $*-\bar{o}is$, следовательно, тут следует предположить морфологическое решение. *Бройер* (Bräuer 1969:27) и *Гылыбов* (Gălăbov 1973:15) равным образом предполагают влияние по аналогии основ на $*-j\bar{o}$, где окончание *Ipl* $-i$ является результатом регулярного фонетического развития.¹

Поскольку в других падежных категориях твердые и мягкие варианты определенных окончаний четко отличаются друг от друга (ср. $-\bar{z} : -\bar{z}' : -ot\bar{z} : -et\bar{z}$ и т. д.), и в *Ipl* восстанавливается оппозиция: $-y : -i$. *Айцетмюллер*, однако, указывает на то, что задний эквивалент переднего окончания в славянском был не $-y$, а $-\bar{e}$, как об этом свидетельствует и флексия *Lsg* (Aitzetmüller 1978:82), поэтому влияние основ на $*-j\bar{o}$ маловероятно.

Георгиев предполагает влияние основ не на $*-j\bar{o}$, а на $*-\bar{u}$ (1969:60-61, 75-76). Правда, у основ на $*-\bar{u}$ первичным окончанием *Ipl* обычно считается $-\bar{u}mi$, а $-y$ приписывается влиянию со стороны основ на $*-\bar{o}$, по Георгиеву оба окончания возникли внутри парадигмы существительных на $*-\bar{u}$ как варианты по сандхи: $-\bar{u}mi/-y < *-\bar{u}mis/*-\bar{u}ms$, путем регулярного фонетического развития.

олгарский лингвист подкрепляет свое предположение тем, что в литовском языке можно найти варианты окончания в нескольких парадигмах, напр. $\bar{s}\bar{u}numis/\bar{s}\bar{u}num\bar{u}ns$. *Мажюлис*, однако, указывает на то, что литовская флексия $-\bar{u}ns$ является вторичной, так как происходит из $-\bar{u}mis$ (1973:20), поэтому точку зрения Георгиева нельзя доказать.

---

¹ о Гылыбову из $*-\bar{o}is$ также возникает $-i$.

Ввиду того, что предположение влияния ни со стороны основ на **-jǫ*, ни со стороны основ на **-ǫ* не решает удовлетворительно проблемы возникновения флексии *-у*, фонетическое объяснение кажется более приемлемым, хотя вопрос пока остается открытым (ср. Кузнецов 1961а:75-78).

В заключение отметим морфологическую теорию Фейнберга (Feinberg 1978:116), согласно которому тематический гласный *-и-* окончания **-o-is* выступает в ступени чередования *-и-*, потом возникшее таким путем окончание **-и-is* перходит в *-у*. Чередование *o ~ и*, по мнению Фейнберга, в данном случае может быть обосновано тем, что необходимо было избежать синкретизма с GLdu и Dsg. Фонетическая часть данного объяснения — вне рамок теории американского слависта — является проблематичной, ведь развитие **-uis > -у* не убедительнее, чем вышеуказанное **-ōis > -у*.

2.1.12 Lpl: - ѣ ъ (- ъ во всех парадигмах)

Окончание Lpl в индоевропейском языке было **-oisu*, элемент *-oi-* в нем происходит из местоименного склонения (ср. Семереньи 1980:198). Индоевропейской флексии в праславянском соответствовала флексия **-ěxъ*, как результат фонетического развития. Рядом с реконструированным окончанием довольно рано встречается в славянских памятниках и окончание *-охъ*, которое Жеховска считает архаизмом, древним окончанием основ на **-ǫ* (ср. Górowska 1966:35 и сл.). Из-за реконструированной флексии и потому, что в ранних памятниках *-охъ* встречается почти исключительно в существительных с основой на **-ǫ* (ср. Diels 1932:157), где предположение изменения *ъ > o* фонетически обосновано (на основе положения редуцированного гласного), данное мнение не пользуется популярностью.

Окончание **-oisu* является сложным по составу: *-oi-* может происходить или из местоименного склонения, или из Lsg (ср. Aitzetmüller 1978:82), *-s-* выступает как показатель множественного числа, а *-и-* — как частица (ср. Schmalstieg 1983:78). С точки зрения

фонетического развития структура окончания не имеет значения, предположение праславянской формы *-ǣxъ* фонетически безусловно оправдано (ср. Мейе 1951:316-317; Vaillant 1958:36; Bräuer 1969:27-28; Mareš 1963:64).

По мнению Мажюлиса (1973:18-21) общая балто-славянская флексия была **-ais*, которая выполняла функцию как творительного, так и местного падежей (), а в дальнейшем она стала выступать как окончание *Ipl* в балтийских языках, и как окончание *Lpl* (с прибавлением элемента *-u* (*< *-su*) из атематического склонения) в славянском. Точке зрения Мажюлиса противоречит тот факт, что синкретизм *Ipl=Lpl* чужд славянскому склонению.

Славистов давно занимает вопрос старочешских топонимов типа *Dolás*, *Polás*. Некоторые исследователи считают данные словоформы существительными *Lpl*, которые сохранили первоначальное индоевропейское окончание **-su* (*> -sъ > -s*), подобно местоимениям *nasъ*, *vasъ* (ср. Мейе 1951:339; Vaillant 1958:188; Bräuer 1969 II:49-50; Mareš 1963:59). Штибер (Stieber 1979:135-136) разделяет такой взгляд, но предполагает, что данное архаичное окончание встречалось не только на чешской территории, но и на южнославянской, ср. например сбх. *Vrbas*. Более правдоподобным кажется нам мнение Роспонда, который считает, что толкование вышеупомянутых топонимов как форм *Lpl* (**Doljan-su > *Dolešъ > Dolás*) ошибочно ввиду следующих факторов: 1) топонимы не подходят для морфологической реконструкции; 2) в источниках, написанных на латинском языке, славянские топонимы встречаются в именительном падеже; 3) окончание *-as* выступает лишь в названиях определенных местностей на смежных чешско-немецких территориях, часто в нелокативном контексте; 4) окончание *-as* является результатом морфологической субституции: *-an* + немецкое *-s* (Rospond 1969:5-26).

2.2 Флексии существительных с основой на **-ā*

В соответствии с выше уже сформулированными принципами, и в этой парадигме мы коснемся происхождения лишь некоторых, довольно спорных окончаний, а именно: Gsg, NApl.

2.2.1 Gsg: -у

Реконструированное индоевропейское окончание — **-ās*, а славянская флексия происходит наверно не из него, а из морфемы **-āns*, более позднего происхождения, ср. Семереньи 1980:202¹.

Некоторые исследователи пытались вывести праславянское окончание -у из ие. **-ās*, предполагая сужение гласного перед -s, ср. Мейе 1951:121, 318; Гылыбов (Gălăbov) 1973:10; Принц (Prinz) 1977:262; Велчева 1980:325. Об изменениях ие. **-nōs*, **-vōs* > стсл. **ны**, **кы** Мейе отмечает, что предположение не очень надежное, так как допустимо, что исходные формы содержали носовые гласные. Таким образом вышеуказанный процесс в конце слова остается без опоры, потому что согласный -s сам по себе не мог вызывать такое сильное сужение предшествующего гласного (ср. Кузнецов 1961a:73).

Мажюлис (1965:21-22; 27) предполагает, что внутри раннего праславянского периода существовал этап, когда у фонемы **ō* было два позиционного варианта: в открытом слоге аллофона **ō̄*, а в закрытом слоге аллофона **ō̌*. Последний вариант путем фонетически регулярного развития стал более узким и перешел в у: так возникло окончание Gsg. На славянской почве, однако, затруднительно доказать существование закрытой аллофоны, без которой предложенное Мажюлисом фонетическое развитие несправедливо.

Другие исследователи придерживаются мнения, что окончание Gsg -у происходит из флексии **-āns*¹⁸, которая совпадает с окончанием Apl, и может считаться как заимствование последнего по аналогии. Присутствие носового согласного -n- дает больше

---

¹ Семереньи основывает свой взгляд на теории Шмалстига (1968).

¹⁸ поскольку окончание **-ās* > **-ā* совпало бы с флексией Nsg.

основания для особого изменения в конце слова, чем *-s-* один, ср. *Вайан* (Vaillant) 1958:81; *Бройер* (Bräuer) 1969:103-104; *Мареш* (Mareš) 1963:56, 68; *Добрев* 1982:33; *Труммер* (Trummer) 1978:260. Толчком заимствования *Apl* → *Gsg*, может быть, послужил синкретизм *Gsg=Npl=Apl* у основ на **-ī*, посредством или без посредства основ на **-jā*.

Уравнение по аналогии иного типа предполагает *Шмалстиг* (Schmalstieg 1968, 1971, 1983:89), приписывая важное значение окончаниям членных форм прилагательных. Суть теории Шмалстига следующее: окончанием *Apl* членных форм прилагательных женского рода было **-āNs-jāNs*, которое в результате удлинения и деназализации в конечном слоге стало выступать в форме **-āNs-jās*; поскольку флексия *Apl* существительных с основой на **-ā* (**-ās* < **-āNs*) совпадало с флексией *Gsg* **-ās*, и прилагательные приняли флексию *Apl* **-āNs-jās* вместо первоначального окончания *Gsg* **-ās-jās*. После того как назализация опять стала возможной в конечном положении, на месте **-āNs-jās* появилось **-āNs-jāNs*, и окончание **-āNs* прилагательных перешло и в *Gsg* существительных, не только в *Apl*. В конечном итоге эта флексия **-āNs*, подобно флексиям *Apl* у основ на **-ō*, **-ā* и **-ū*, дала *-у*. Хотя данное объяснение довольно новое, его в принципе нельзя исключать: если принимаем, что флексии местоимений могут оказать влияние на парадигмы существительных, то такую возможность следует допускать и в связи с прилагательными.

Существует и такое мнение, согласно которому изменение **-āns* > *-у* фонетически невозможно, славянское окончание *Gsg* могло возникнуть только из флексии **-ōNs*, ср. *Топоров* 1975:289-293 (ссылаясь на Кноблоха) и *Гольцер* (Holzer) 1980:10. Гольцер принимает предположение Леманна о происхождении флексии **-ōns* из основ на **-n*: **цод-ōns* > *vody* (ройер тоже не исключает такой возможности, ср. 1969:14). *Кузнецов* (1961a:73) из-за мягкого варианта также считает первоначальное окончание **-ōns* наиболее вероятным, поэтому нет причин для влияния со стороны основ на

*-и, если на такое влияние в системе склонения ничего другого не указывает.

Топоров исходит из того, что при допущении в Gsg наличия элемента *-m* + окончания *-s*, можно единым образом объяснить происхождение двух различных флексий (*-у* в твердой и *-ѣ* в мягкой парадигме). В деклинационной системе индоевропейского праязыка Gpl является единственным падежом во множественном числе, в котором отсутствует окончание *-s*. В славянском склонении *-s* прибавляется к Gsg: Gsg **-om-s* : Gpl **-om*. Флексия **-om-s* либо вытеснила первоначальную **-ās*, либо последнего окончания вообще не существовало. Что касается внутренней структуры флексии **-om-s*, Топоров указывает на то, что элемент *-m-* ассоциируется с винительным падежом, а *-s-* — с именительным. Таким образом, данная морфема Gsg отражает отношение между падежами внутри структуры склонения, где генитив мотивируется как именительным, так и винительным падежами, в то время как аккузатив — лишь именительным падежом (ср. Kuryłowicz 1964:188). Свою теорию Топоров подкрепляет параллельными типологическими данными из разных славянских и неславянских, индоевропейских и неиндоевропейских языков. С методологической точки зрения работа Топорова заслуживает особого внимания, в первую очередь потому, что она подчеркивает большое значение типологического анализа в сравнительно-исторических исследованиях.

Менее убедительно предположение Георгиева (1969:87-89) о происхождении славянского окончания Gsg *-у* из флексии Ablsg (отложительного падежа единственного числа) **-ū(d)* у основ на **-ū*. Несмотря на то, что такой подход фонетически возможен, трудно принимать существование окончания **-ū(d)*, с одной стороны, и влияние непродуктивной основы на **-ū*, с другой.

Интересно, хотя не совсем оригинально объяснение Шелесникера (Schelesniker 1964:22-29, 1967:125), согласно которому окончание Gsg у основ на **-ā* (*-у*) происходит оттуда же, откуда и окончание Gsg у основ на **-ō*: из старой флексии Lsg (см. 2.1.4). Локативный характер морфемы *-у* находит синтаксическую под-

держку в выражениях типа стсл. *оу жены, до земли*. Шелезникер реконструирует фонетическое развитие следующим образом: **-ōt* (> **-ūt*) > -у. Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:86-87), который принимает теорию Шелезникера, такое решение вопроса более правдоподобно, чем предположение *Apl* → *Gsg* по аналогии основ на **-ī*. Ввиду того, что вышеизложенная точка зрения объясняет происхождение окончаний в парадигмах основ на **-ō*, **-jō*, **-ā* и **-jā*, с должной синтаксической аргументацией, с ней обязательно следует считаться как одним из возможных решений данной проблемы.

Наконец напомним теорию Фейнберга (Feinberg 1978:115-116), посвященную флексии *Gsg*, в которой идет речь и о происхождении окончаний *NApl* и *Gpl* у основ на **-ā/*-jā*. Американский славист считает, что до падения конечного **-s* в парадигме основ на **-ā* в функции *Nsg* выступала нулевая морфема, в *Asg* — **-N*, в *Gsg* — **-s*, в *Npl* — также **-s*, в *Apl* — **-Ns*, а в *Gpl* — **-N*. По Фейнбергу после утраты **-s* окончание **-N* стало общим (за исключением *Nsg*). Между тем появился вариант *ū* тематического гласного *ō* во всех окончаниях кроме *Nsg* и *Asg*:

	sg	pl
N	<i>*-ō-∅</i>	<i>*-ū-N</i>
A	<i>*-ō-N</i>	<i>*-ū-N</i>
G	<i>*-ū-N</i>	<i>*-ū-N</i>

Вариант *u* чередования *o ~ u* появляется в следующих случаях (с учетом того, что мы отметили в связи с основами на **-ō*, см. 2.1.1): в именительном и винительном падеже существительных мужского и женского рода, в родительном падеже у основ на **-ō* и **-ā*, и в творительном падеже у основ на **-ō*. (Может быть, и в *Ipl* и *Npl* (m) у существительных с основой на **-ō*.)

Строго структурная теория Фейнберга, которая безусловно имеет нечто общее с теорией о морфологической энтропии Хамма, непременно заслуживает внимания и дальнейшего анализа.

2.2.2 : -

Первоначальная индоевропейская флексия была **-ās* (ср. Семереньи 1980:202), из которой, по мнению некоторых славистов, возникла соответствующая славянская флексия путем сужения гласного (ср. Мейе 1951:121, 318-319; Gălăbov 1973:10; Prinz 1977:262). У славистов все-таки большей популярностью пользуется мнение, что окончание Npl -у представляет собой заимствование флексии Apl **-āns*, по образцу основ на **-ī* и атематической парадигмы (ср. Vaillant 1958:83-84; Mareš 1963:56, 68; Bräuer 106-107; Trummer 1976:260; Holzer 1980:10; Hamm 1966:48; Дуриданов 1968). Хотя данные индоевропейских языков и в Apl указывают на реконструированное окончание **-ās*, возможно, что праславянский язык по аналогии восстанавливал исходную морфему **-āns*, подобно греческому и итальянским языкам.

Шмалстиг объясняет происхождение Npl -у так же, как Gsg, но как альтернативное решение отмечает еще одну возможность (см. 2.2.1). Итак, он допускает, что в Apl имелось два стилевых варианта окончания: флексия **-ās* (в быстрой речи) и ее разновидность **-āNs* (в более медленной речи). На основе варианта **-ās* флексию Apl стали отождествлять с окончанием Npl и Gsg. По Шмалстигу **-āns* переходит в -у путем регулярного фонетического развития (1983:92).

Шелезникер (1964:36-39) и *Айцетмюллер* (1978:88) равным образом придерживаются такого мнения, что окончание NApl -у нельзя вывести ни из морфемы **-ās*, ни из **-āns*, а тут следует предполагать заимствование по аналогии. Флексия Apl существительных с основой на **-ō* (**-ons* > -у) стала употребляться и в функции Apl у основ на **-ā*, откуда она распространилась и на Npl. *Георгиев* (1969:93-94) считает, что фонетическим рефлексом

*-āns в славянском не может быть -у, поэтому он предлагает морфологическое объяснение. Как в случае окончания Gsg, болгарский лингвист и здесь предполагает влияние основ на *-ī: *-ūns > *-ūs > -у. Георгиев приписывает основам на *-ī подобную роль в связи с основами на *-ā, какую имели основы на *-ī в связи с основами на *-ǫ. Такое мнение, однако, является довольно проблематичным.

3 Заключение

Историческая морфология славянских языков является слишком молодой дисциплиной для того, чтобы сделать суммирующие выводы эпохального значения на ее нынешнем этапе. В связи с рассмотрением вопросов, поставленных во второй главе, без сомнения можно утверждать, что существует еще много открытых, ожидающих своего решения проблем, вопреки огромной — старой и новой — литературе, трактующей даже самые трудные случаи. Однако, в последнее время все конкретнее выделяется круг работ, действительно применимых к решению самых непростых вопросов. Все яснее вырисовывается теоретическая база, необходимая для успешной научной деятельности в области диахронной морфологии. Разные, возникшие во второй половине нашего столетия нередко независимо друг от друга теоретические работы, которые взаимно подтверждают друг друга, все больше подчеркивают правильность того пути, который предложил Роман Якобсон еще несколько десятилетий тому назад для решения проблем исторической лингвистики. Вслед за значительными результатами в описании языков и в исторической фонологии, *структурные методы* получили права гражданства и в диахронной морфологии. Благодаря этому уже существует теория для всестороннего анализа комплексных проблем, встречающихся на практике. Морфологические изменения открываются перед исследователями не как множество случайных, изолированно происходящих явлений, а как тенденции, осмысливаемые на основе определенной системы точек зрения. Эти тенденции пока далеко не предсказуемы ни в пер-

спективном, ни в ретроспективном направлении, но для них безусловно можно очертить границы, и идентифицировать их.

В исследовании грамматических *оппозиций*, в раскрытии их синхронных и диахронных отношений — особенно по поводу истории отдельных славянских языков — уже есть несомненные результаты, которые очевидны например в работах уравлева (1977), Деяновой и Станишевой (1976) или Комри (Comrie, 1978). Выяснилось, что проблемы морфологии нельзя решить без учета ее тесных связей со смежными языковыми уровнями — фонологией и синтаксисом. Также необходимо принимать во внимание семантические факторы и общие, действующие на всех языковых уровнях тенденции (упрощение, унификацию, симметрию и т. д.). Диахронное применение описательных принципов с использованием приведенных аспектов привело к тому, что на практике была доказана правильность структурного теоретического подхода, по крайней мере в связи с диахронным рассмотрением на письме хорошо отраженных языковых состояний.

Исследование раннего праславянского периода выдвигает новые проблемы, требующие введения новых, более специфичных средств их изучения, при соблюдении вышеуказанных методологических принципов. Возникающие в ходе реконструкции вопросы и трудности, которые до сих пор не удалось удовлетворительно решить, указывают на то, что сравнительно-исторические методы нуждаются в дополнении. Действенную помощь может оказать, прежде всего, *языковая типология*, применяемая в работах например Якобсона (1958а), Топорова (1975), Добрева (1982) и других. *Инварианты*, обнаруженные в системе и развитии различных языков, способны дальше ограничить набор подходов, применимых к решению отдельных вопросов (ср. статьи Гринберга и других в монографии *Universals of Language*, 1963). Историческая типология тоже представляет собой еще оформляющуюся дисциплину, которая тем не менее сулит серьезные результаты. Предстоит и создание морфо(фо)нологической теории чередования флексий, зародыши которой можно найти в работах Хамма (1966) и Фейнберга (1978).

Приведенный здесь краткий обзор, конечно, нельзя считать исчерпывающим, его можно — и следует — дополнить ценными работами Георгиева, Мареша и прочих славистов. Поскольку в первой (и отчасти второй) главе подробно говорится о релевантных сочинениях, нет смысла повторять их здесь.

Наконец, важно отметить, что необходимость новой методологии не означает неkritичного отказа от всех ранее применявшихся средств и методов. Поэтому не могут увенчаться успехом те попытки, которые направлены на опровержение звуковых законов и аналогии — двух основных принципов младограмматиков. Несмотря на то, что еще немало нерешенных вопросов в связи с аналогией, закономерное повторение фонетических изменений, впервые описанное Остгофом и ругманном, было и осталось одним из важнейших тезисов сравнительно-исторического языкознания. Нам кажется, что в исследовании грамматических морфем *приоритет и впредь принадлежит фонетическому анализу*: описание фонологического, а затем морфологического уровней языка должно основываться на адекватном фонетическом анализе.

Литература

Объяснение сокращений:

<i>AnzfsI Ph</i>	<i>Anzeiger für slavische Philologie</i>
<i>DS</i>	<i>Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatæ. Dissertationes Slavicae</i>
<i>FS</i>	<i>Folia Slavica</i>
<i>IJSLP</i>	<i>International Journal of Slavic Linguistics and Poetics</i>
<i>KZ</i>	<i>Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Begründet von A. Kuhn.</i>
<i>RES</i>	<i>Revue des études slaves</i>
<i>RS</i>	<i>Rocznik slawistyczny</i>
<i>ScSl</i>	<i>Scando-Slavica</i>
<i>SEEJ</i>	<i>Slavic and East European Journal</i>
<i>SEER</i>	<i>Slavonic and East European Review</i>
<i>TCLP</i>	<i>Travaux du Cercle linguistique de Prague</i>
<i>WdSl</i>	<i>Die Welt der Slaven</i>
<i>WslJb</i>	<i>Wiener slavistisches Jahrbuch</i>

Ахманова, О.С.

1969 Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. (Москва)

Балаж, Г.

1983 Иконичность в истории русского склонения, *DS, Sectio linguistica* XV, 107-115.

1984 Опыт применения семиотических средств в исторической славистике, *DS XVI*, 131-143.

Барнет, В.

1966 О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии, *Travaux linguistiques de Prague* 2, 193-205.

Бернштейн, С.Б.

- 1958 *Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках*, Творительный падеж в славянских языках, под редакцией С.Б. Бернштейна (Москва), 5-40.
- 1968 *Введение в славянскую морфонологию*, Вопросы языкознания 4, 43-59.
- 1974 *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы.* (Москва)

Булаховский, Л.А.

- 1956 *Грамматическая индукция в славянском склонении*, Вопросы языкознания 4, 14-30.
- 1957 *Грамматическая индукция в славянском склонении*, Вопросы языкознания 3, 3-19.

Велчева, Б.

- 1980 *Отново за праславянския изглас*, В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания по случай седемдесет години от рождението му, под ред. К. Чолакова и др., 323-328. (София)

Георгиев, В.И.

- 1968 *Фонематический и морфематический подход к объяснению флексии славянских языков*, Вопросы языкознания 4, 32-42.
- 1968а *За произхода на няколко славянски морфеми*, Славистични изследвания. Сборник, посветен на VI международен славистичен конгрес, 5-10. (София)
- 1969 *Основни проблеми на славянската диахронна морфология* (София)
- 1978 *Принципи на славянската диахронна морфология*, Славянска филология XV, 5-16.

Деянова, М. & Станишева, Д.

- 1976 *Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса* (= Славянско езикознание 1, София)

Добрев, И.

1982 Старобългарска граматика. Теория на основите (София)

Дуриданов, И.

1968 *За праславянския вокализъм*, Славистични изследвания. Сборник, посветен на VI международен славистичен конгрес, 17-25. (София)

Журавлев, В.К.

1976 *Введение в диахроническую морфологию*, *Linguistique Balkanique*/Балканско езиковедие 19.2, 49-71; 19.3, 23-47.

Казлаускас, И.

1968 *О балто-славянской форме дательного пад. мн. и дв. ч.*, *Baltistica* IV (2), 179-183.

Кузнецов, П.С.

1961 *Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке*, Исследования по славянскому языковедению, под редакцией Н.И. Толстого, 114-164. (Москва)

1961а *Очерки по морфологии праславянского языка* (Москва)

Мажюлис, В.

1965 *Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии*, *Baltistica* I (1), 17-30.

1966 *К балто-славянской форме датива (мн. и дв. ч.)*, *Baltistica* II (1), 43-53.

1973 *Происхождение балто-славянских тематических форм instr. pl.*, *RS* 34, 17-21.

Мейе, А.

1951 *Общеславянский язык*. Перевод с второго французского издания, просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном. Перевод и примечания проф. П.С. Кузнецова. (Москва)

Пауль, Г.

1960 *Принципы истории языка*. Перевод с немецкого под редакцией А.А. Холодовича (Москва)

Рудницький, Я.Б.

- 1982 *До передісторії праслов'янського визвуку*, Symbolæ in honorem Georgii Y. Shevelov. Збірник на пошану проф. д-ра Юрія Шевельова, под ред. W.E. Harkins, O. Horbatsch & J.P. Hursky (= Науковий збірник 7), 360-365. (München)

Русинов, Н.Д.

- 1981 *Зависимость изменений по аналогии от характера избыточности языковых элементов*, Проблемы развития языка, 48-60. (Саратов)

Семереньи, О.

- 1980 *Введение в сравнительное языкознание*. Перевод с немецкого Б.А. Абрамова (Москва)

Топоров, В.Н.

- 1961 *Локатив в славянских языках* (Москва)
1975 *Несколько соображений о происхождении флексий славянского генитива*, Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm, под ред. Ф.В. Мареша и др., 287-296. (Wien)

Якобсон, Р.

- 1958 *Морфологические наблюдения над славянским склонением. Состав русских падежных форм*, Selected Writings II, 154-183.

Aitzetmüller, R.

- 1978 *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft* (Freiburg i. Br.)

Andersen, H.

- 1971 *Osnovno problemi na slavjanskata diaxronna morfologija*. By VLADIMIR GEORGIEV., *Language*, Vol. 47, No. 4, 949-954.

Arumaa, P.

- 1964 *Urslavische Grammatik: Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen*. I.: Einleitung; 1. Teil: Vokalismus, 2. Teil: Betonung (Heidelberg)

Birnbaum, H.

- 1979 *Common Slavic. Progress and Problems in its Reconstruction*. Reprint (Columbus: Slavica)

Birnbaum, H. & Merrill, P.T.

- 1985 *Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic (1971-1982)* (Columbus: Slavica)

Bräuer, H.

- 1961 *Slavische Sprachwissenschaft*. I: Einleitung, Lautlehre (= Göschen 1191/1191 a; Berlin: W. de Gruyter)
1969 *Slavische Sprachwissenschaft*. II: Formenlehre, 1. Teil (= Göschen 1192/1192 a/1192 b; Berlin: W. de Gruyter); III: Formenlehre, 2. Teil (= Göschen 1236/1936 a; Berlin: W. de Gruyter)

Cowgill, W.

- 1963 *A Search for Universals in Indo-European Diachronic Morphology*, *Universals of Language*, ed. J. Greenberg (Cambridge, Mass.: M.I.T.)

Diels, P.

- 1932 *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*. I: Grammatik (Heidelberg)

Feinberg, L.E.

- 1978 *Thematic Vowel Alternation in Common Slavic Declension*, FS 2, 107-121.

Ferrell, J.

1965 *Some Observations on the Form of the Nominative and Vocative Singular of the *ǫ- and *jǫ-stems in Common Slavic*, ScSl 11, 93-109.

1967 *On the Prehistory of the Locative Singular of the Common Slavic Consonant Stems*, To Honor Roman Jakobson. (Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966) I, 654-661. (Mouton)

1971 *On the Slavic Nom.Sg. Masculine and Neuter of the Present Active Participle and the Problem of ě Tertium*, Studia Paleoslovenica, 85-93. (Prague)

Gălăbov, I.

1973 *Urslavische Auslautsprobleme*, WslJb 18, 5-17.

Greenberg, J.H. & Osgood, Ch.E. & Jenkins, J.J.

1963 *Memorandum Concerning Language Universals*, Universals of Language, ed. J. Greenberg, XXIII-XXIV. (Cambridge, Mass.: M.I.T.)

Hamilton, W.S., Jr.

1974 *Deep and Surface Changes in Four Slavic Noun Systems*, Linguistics 127, 27-73.

Hamm, J.

1962 *Iz prošlosti slavenske fleksije*, Slavica Pragensia IV, 157-169.

1966 *Entropy in Slavic Morphology*, IJSLP 10, 39-51.

Hoenigswald, H.M.

1963 *Are There Universals of Linguistic Change?*, Universals of Language, ed. J. Greenberg, 30-52. (Cambridge, Mass.: M.I.T.)

Holzer, G.

1980 *Die Urslavische Auslautgesetze*, WslJb 26, 7-27.

H. Tóth, I.

1983 *A szlavisztika újabb eredményei*, Szegedi Bölcsészmuhely '82, szerk. Róna-Tas András, 127-142.

Jakobson, R.

1929 *Remarques sur l'évolution du russe comparée à celle des autres langues slaves*, (= TCLP II) Selected Writings I, 7-116. (Mouton, 1971)

1931 *Principes de phonologie historique*, (= TCLP IV) Selected Writings I, 202-220.

1932 *Zur Struktur des russischen Verbums*, Selected Writings II, 3-15.

1958a *Typological Studies and their Contribution to Historical Comparative Linguistics*, Selected Writings I, 523-532.

Kortlandt, F.

1978 *On the History of the Genitive Plural in Slavic, Baltic, Germanic, and Indo-European*, *Lingua* 45, 281-300.

Koschmieder, E.

1956 *N. van Wijks Einwand gegen die 2. Metatonie*, *Festschrift für Max Vasmer*, 235-244.

Kuryłowicz, J.

1964 *The Inflectional Categories of Indo-European* (Heidelberg)

Lüdtke, H.

1966 *Gibt es Urslavische Auslautgesetze?*, *Annali dell'Istituto Universitario Orientale, Sezione Slava*. Napoli 9, 117-141.

Mańczak, W.

1969 *Nieregularny rozwój fonetyczny spowodowany częstością użycia w prasłowiańskim*, *Slavia* 38, 52-62.

1970a *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego* (Wrocław-Warszawa-Kraków)

1970b *W sprawie końcówek prasłowiańskich*, *Slavia* 39, 218-222.

Mareš, F.V.

1963 *Vznik a raný vývoj slovanské deklinace*, *Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii*, ed. B. Havránek, 51-69. (Prague)

1963a *Powstanie i wczesny rozwój deklinacji słowiańskiej*, *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego* 60 (= *Prace językoznawcze* 5), 423-428.

- 1967 *The Historic Development of the Slavic Noun Declension I. The System of Categories*, *Slavia* 36, 485-506.
- 1968 *The Historic Development of the Slavic Noun Declension II. The Development of Forms*, *Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze*, ed. B. Havránek, 37-46. (Prague)
- Orzechowska, H.
- 1966 *Locativus pluralis na *-охъ w językach słowiańskich*, *RS* 26, 35-50.
- Prinz, J.
- 1977 *Die Entwicklung des slavischen Auslauts bis zum Wirksamwerden des Gesetzes der offenen Silben*, *Commentationes Linguisticæ et Philologicæ Ernesto Dickenmann, Iustrum claudenti quintum decimum*, ed. F. Scholz et al. (Heidelberg)
- Rospond, S.
- 1969 *Rzekomy staroczeski loc. plur. na -as*, *RS* 30, 5-26.
- Rudnyčij, J.B.
- 1966 *The Problem of Nom.Sg. Endings of ō-stems in Slavic*, *Orbis Scriptus. Dmitrij Tšižewskij zum 70. Geburtstag*, ed. D. Gerhardt, W. Weintraub & H.J. zum Winkel, 655-658. (München)
- Schelesniker, H.
- 1964 *Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen* (Graz-Köln)
- 1967 *Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen*, *AnzfsIPh* 2, 122-130.
- Schmalstieg, W.R.
- 1965 *Slavic ō- and ā- Stem Accusatives*, *Word* 21, 238-243.
- 1967 *A Note on Certain Balto-Slavic Accusatives*, *Baltistica* III/1, 47-55.
- 1968 *Slavic Morpheme Alternants in ě/ę and a/y*, *SEEJ*, Vol. XII, No. 1, 44-52.
- 1971 *Die Entwicklung der ā- Deklination im Slawischen*, *ZfsIPh* 36, 130-146.

- 1974 *Some Morphological Implications of the Indo-European Passage of *-oN to *-ō*, KZ 88, 187-198.
- 1983 *An Introduction to Old Church Slavonic*. Second Edition. Revised and Expanded (Columbus: Slavica)
- 1983a *Morphological Considerations on the Balto-Slavic Problem*, American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, Vol. I: Linguistics, ed. M.S. Flier, 269-276. (Columbus: Slavica)
- Schmidt, K.H.**
- 1977 *Zum Problem des Genitivs der ö- Stämme im Baltischen und Slavischen*, Commentationes Linguisticæ et Philologicæ Ernesto Dickenmann, Iustrum claudenti quintum decimum, ed. F. Scholz et al., 335-344. (Heidelberg)
- Shevelov, G.Y.**
- 1964 *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic* (Heidelberg)
- 1965 *On Endings with Nasal Consonants after Palatal and Palatalized Consonants. An Inquiry into the Allophonic Structure of Common Slavic*, WdSl 10, 233-244.
- Stang, C.S.**
- 1964 *De l'instrumental singulier des thèmes en -o- en slave commun*, RES 40, 191-194.
- Stieber, Z.**
- 1971 *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Część II, Zeszyt 1: Fleksja imienna* (Warszawa)
- 1979 *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich* (Warszawa)
- Trummer, M.**
- 1978 *Zu den slavischen Nasalvokalen und den Partnern -y/-a:-ę/-ě in der Flexion*, WslJb 24, 254-261.
- Vaillant, A.**
- 1950/66 *Grammaire comparée des langues slaves. I: Phonétique*, 1950; II: Morphologie, 1. Flexion nominale, 2. Flexion pronominale, 1958, I & II (Lyon-Paris); III: Le Verbe, 1966 (Paris)

Žuravlev, V.K.

1977 *Die Dynamik baltoslavischer morphologischer Oppositionen,*
Indogermanische Forschungen 82, 191-225.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИНЛЯНДСКОГО ОТРЫВКА № 22 (ПОД СИГНАТУРОЙ 4. 9. 21)

Иштван Пожгаи

Описание и история рукописи

Финляндский отрывок № 22 (под сигнатурой 4. 9. 21) хранится в Библиотеке Российской Академии наук. Рукопись представляет собой неполные чтения Пролога первой (краткой) редакции на 8(?), 10(?), 11-12 ноября.¹ Ее размер 1° (30,3х24 см), она состоит из 2 листов. Материал рукописи является пергаменом. Она была вывезена из России во время Ливонской войны (в 1581–1595 гг.)² Ее использовали в качестве обложки для деловых бумаг в Финляндии.³ Памятник был возвращен в Россию в 1869 г. профессором Нордквистом.⁴ Рукопись сохранилась в плохом состоянии, в искаженном виде. Инициалы нарисованы чернилами и раскрашены киноварью.⁵ На краю 2-го столбца листа 1⁶ находится черная полоса, повидимому от огня, препятствующая полному прочтению этого столбца. Внизу листа 2^а видно пятно от химического реактива, при помощи которого хотели прочесть рукопись в XIX в..⁶ И в остальных листах

---

¹Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.), главный редактор С.О. Шмидт, Москва 1984. с. 271.

И. И. Срезневский: Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, Санкт-Петербург 1876. с. 12.

²Н. Ю. Бубнов: Русские и славянские пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. В книге "Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР". Ленинград 1978. с. 198–199.

³см. 1.

⁴И. Х. Тот: К изучению Финляндских отрывков (in *Studia Slavica Hungarica* XXVII. 1981), Akadémiai Kiadó Budapest 3. о.

⁵см. 1.

⁶Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР, составители: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская. Ленинград 1976. с. 56–57.

мы можем видеть пятна от огня. На нижней части листа 1^б находится шведская надпись с датой и номером дела: 1614 n°22. На нижнем краю л. 2^б находится запись с названием дела об обязательстве Нильса Ионсона (Nils Jonsson) на 1615 г..

По рукописи до сих пор были проведены лишь частичные палеографические анализы, точнее, были даны краткие описания о ней. Ею занимались следующие исследователи: Maria Widnäs: *Les synoxaires slavo-russes des "Fragments Finlandias"*. (In *Commentationes humanorum litterarum Societas Scientiarum Fennica*. Helsinki, 1966, vol. 38, N 1 pp. 62-66.) Она не уделила отдельного внимания анализу Финляндского отрывка № 22, только опубликовала фотокопии о листах 1^а и 1^б. И.И. Срезневский: *Сведения о малоизвестных и неизвестных памятниках*. СПб. 1876.

Каталоги: Исторический очерк и обзор Фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, выпуск. 2, М.-Л. 1958. Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР. Археографический ежегодник за 1965 г. М. 1966. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI-XIII вв.) гл. редактор: С.О. Шмидт, Москва 1984, с. 271. Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР, составители: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская. Ленинград 1976. с. 56-57.

Палеография

Размер текста 25,5х19,5 см. Высота букв 4 мм. Текст списан небрежным мелким уставом в 2 столбца по 34 строки. Строки не всегда прямые, и столбцы могут быть не совсем прямыми. В рукописи употребляются следующие буквы: а, б, в, г, д, е, ж, з, и (встречается только 2 раза, и еще 3 раза в числовом значении) н, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ѡ, ѱ, ц, ч, ш, ѣ, ѥ, Ѧ, ѧ, ю, ѩ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ, ѯ, Ѱ. Следующие буквы обозначают числа: ā=1, āī=11, ēī=12, z̄=6, k̄=20, t̄=300.

Квадратность и пропорциональность букв неточно соблюдаются. Их размер нередко изменяется. Буквы часто выходят из строки. В очертании букв нередко наблюдается наклон вправо, иногда и влево, придающий почерку неуравновешенный характер. Для правой верхней части букв у, х характерны завитки (росчерки), выполненные сильным нажимом пера. У некоторых букв мы можем наблюдать ограничительные штрихи. Они более-менее регулярно употреблены писцом даже у букв а, г, н, к, л, м, н, ф, ч. Новые предложения начаты буквами приблизительно полтора раза большего размера. Если такая большая буква находится в начале строки, она немножко вынесена из столбца. Более подробный анализ букв мы будем проводить по алфавитному подряду.

а: Стержень пишется с небольшим наклоном влево. Наблюдаются случаи, когда стержень совершенно вертикален (2 строка 1 столбца л. 1^а). Петля узкая, часто с сильным наклоном вправо. Нам может казаться, что сильный наклон петли уравнивает вертикальность стержня, так как по нашим наблюдениям, где встречается вертикальный стержень, там усиливается наклон и кривость петли вправо. На верхней части стержня вообще мы можем видеть ограничительный штрих, возникший нажимом пера. Иногда и внизу наблюдается ограничительный штрих.

б: Имеется вариант, когда мачта пишется с легким наклоном вправо или влево. Верхняя горизонтальная черточка иногда может быть длиннее мачты, и заканчивается большим утолщением, а петля, наоборот, становится малой, сравнивая с верхней горизонтальной

черточкою и утолщением (1. 1. л. 1^б, 29. 2. л. 1^а). Таким образом во многих случаях ее пропорциональность и квадратность исчезает.

к: Мачта обыкновенно пишется с легким наклоном влево. Верхняя часть буквы меньше нижней. Верхняя петля иногда может быть заполненной чернилами. В случае буквы большего размера начинающей предложение, две петли могут и не встречаться.

г: Наблюдаются случаи, когда мачта пишется с небольшим наклоном влево, редко вправо. Иногда верхняя горизонтальная черточка длиннее мачты (14. 2. л. 2^б). Утолщение на верхней горизонтальной черточке обыкновенно большое. Мачта может иметь внизу ограничительный штрих.

д: Буква не помещается в строке, ее ножки выходят из строки. На верхней части буквы имеется ограничительный штрих. Мы можем найти случаи, когда две косые линии не одинаковы. Нижняя горизонтальная черточка намного тоньше косых линий.

е: Начертание буквы в большинстве случаев угловатое, оно не сходно с буквой с. Нам кажется, что буква вместо овала часто имеет ограничительные штрихи вверху и внизу. Однако, встречается и овальное начертание. Оба варианта довольно узковаты. Средняя горизонтальная черточка не всегда попадает в середину буквы (28. 2. л. 1^а). Эта же черточка вообще тоньше остальных частей буквы, что является архаизмом.

ж: Нижняя часть буквы обычно шире верхней части. Ее ширина преобладает над высотой, и тем самым потеряна пропорциональность. Буква пишется в 4 или 5 приемов.

з: Нижняя часть буквы выходит под строку, когда поворачивается вниз, и неоднократно представляет собой вертикальную линию. Эта нижняя часть тоньше остальных частей буквы.

и: Буква встречается всего 5 раз, но три раза обозначает число. В одном случае буква наверху приблизительно 2 раза толще нижней части (19. 2. л. 1^а).

и: Две вертикальные линии имеют вверху ограничительные штрихи. Перекладина вообще горизонтальна и тонка. Она ставится выше середины буквы, приблизительно в две трети ее высоты. Перекладина иногда может присоединяться к правой вертикальной линии повыше, т.е. она чуть-чуть косая. Имеется вариант, когда

перекладина начинается ниже середины и касается правой линии в самом ее верху (23. 2. л. 2^а).

к: Мачта иногда может иметь вверху ограничительный штрих. Правая часть буквы примыкает к левой ниже середины мачты. Имеется случай, когда правая часть не достигает левой части (10. 2. л. 1^а). Обе линии правой части имеют утолщение.

л: Буква имеет вверху ограничительный штрих. Левая линия обычно более косая, чем правая. Можно наблюдать широкий и менее широкий варианты.

м: Буква наверху имеет ограничительные штрихи. Ее незакругленная петля неоднократно длиннее стержней, и выходит под строку. Иногда, наоборот, стержни длиннее, но они не выходят под строку. Петля представляет собой овал, являющийся часто довольно широким. Петля пишется более тонко. Стержни немного наклонены друг к другу. Буква более-менее симметрична.

н: Буква вверху имеет ограничительные штрихи. Перекладина тонкая. Она обычно начинается немножко ниже верхнего конца левой мачты, и касается правой мачты немного ниже ее середины, поэтому буква является н-образной.

о: Имеются два варианта. Первый вариант представляет собой правильный круг, второй же — овал. Наблюдается один вариант с точкой в середине круга (28. 2. л. 1^а).

п: Две вертикальные мачты соединены горизонтальной перекладиной наверху. Перекладина является более тонкой. Иногда мачты стоят не совсем правильно. Редко перекладина может продолжаться немного за мачты.

р: Головка буквы относительно большая, она образует овал, верхняя часть которого уже нижней. Головка неоднократно скорее похожа на треугольник, чем на овал (7. 1. л. 1^а). Иногда наблюдается мачта с легким наклоном вправо. Мачта внизу выходит под строку. Она имеет как короткий, так и более длинный варианты.

с: Буква обычно представляет собой незакругленный овал или полукруг. Местами правая ее часть почти закрывается (1. 2. л. 1^б).

т: Обе части горизонтальной линии имеют утолщение, спускающееся вниз. Эти утолщения обыкновенно неравны, правое часто крупнее левого, но бывает и наоборот.

ϣ, ϣ: Гласный [u] передается буквами ϣ и ϣ. Первый компонент буквы ϣ уже был охарактеризован выше у буквы ϣ. Так мы переходим на второй компонент, который сходен с буквой ϣ. Различие лишь в том, что над буквой ϣ всегда находятся две точки, и она всегда находится в конце строки. (Но и буква ϣ может стоять там же.) Правая косая линия имеет сверху завиток. Иногда левая косая линия имеет наверху ограничительный штрих. Чаша буквы иногда скорее походит на четырехугольник, чем на треугольник. Имеются случаи, когда правая часть буквы толще левой, а иногда левая часть толще правой (34. 2. л. 1^a), но чаще всего обе части одинаковы. Нижняя часть правой косой линии спускается под строку.

ϣ: Мачта наверху имеет ограничительный штрих. Верхняя часть мачты немного выходит над строкою, а нижняя часть — под строку. Боковые овалы буквы косо потянуты вниз. Имеется случай, когда они несимметричны.

ϣ: Идущая вправо вверх линия пересекает другую выше середины строки, приблизительно у двух третей этой линии. У правой линии сверху наблюдается завиток. А другая линия наверху имеет ограничительный штрих. Иногда и внизу можно его наблюдать. Неоднократно встречается буква, у которой правая линия наверху согнута. Обе линии спускаются под строку.

ϣ: Эта буква одна из тех букв, которые имеют датирующие приметы. Она совсем не похожа на греческую букву ω, а скорее представляет собой незакрытую сверху (даже иногда закрытую) форму полумесяца. Эта форма может быть более или менее вытянутой. Ширина буквы приблизительно в два раза больше ее высоты. Тут квадратность вовсе пропадает. Нам кажется, что такое начертание буквы ϣ уже не уставное, а скорее обладает характером греческой минускулы начала XII в.⁷ Учитывая особую форму буквы и то, что она фактически не имеет средней вертикальной черточки, можно высказать, что она совсем не архаична.

---

⁷ von V. Gardthausen: Griechische Paleographie, zweiter Band: Die Schrift, Unterschriften und Chronologie im Altertum im byzantinischen Mittelalter, Leipzig 1911, Taf. 8.

щ: Три вертикальные линии толсты, а горизонтальная соединительная линия тонка. Средняя вертикальная линия немножко спускается под строку.

ц: Нижняя часть буквы выходит под стоку. Две вертикальные линии часто написаны с небольшим наклоном, и они вверху могут иметь ограничительные штрихи.

ч: Буква помещается в строке. Она довольно изменчивая, то совсем симметрична, и ее чаша представляет собой равнобедренный треугольник, то несимметрична и/или ее стержень стоит непрямо. Обе косые линии наверху имеют ограничительный штрих.

ш: Буква часто является несимметричной. Или три вертикальные линии помещены неравномерно, или они не имеют одинаковой высоты, или они косые. На уровне нижней строки они соединяются тонкой черточкою.

ъ: Мачта пишется с наклоном вправо. Петля среднего размера касается мачты около ее середины или немножко выше. Размер и форма петли изменчивые. Она может быть кругловатой и, реже, треугольной (26. 2. л. 2^б). Горизонтальная черточка вверху имеет крючок, сделанный сильным нажимом пера.

ы: Первая часть буквы пишется также, как предыдущая буква. Вторая же часть иногда может иметь наверху ограничительный штрих.

ь: Мачта вообще прямая, но может иметь небольшой наклон как вправо, так и влево. Она часто имеет вверху ограничительный штрих. Петля такая же, как у буквы **ъ**, но иногда обладает треугольной формой.

ѣ: Эта буква тоже имеет датирующие приметы. Мачта прямая, с легким наклоном вправо. Она неоднократно имеет внизу ограничительный штрих, а наверху реже (24. 2. л. 2^б). Иногда наблюдается и вертикальная мачта без наклона (30. 2. л. 2^б), но встречается и мачта с наклоном влево (22. 1. л. 2^б). Верхняя часть мачты немного поднимается над строкою. Петля малая, касающаяся мачты ниже ее середины, или около середины строки, иногда и ниже середины строки. Величина петли неустойчива. Форма петли более-менее представляет собой треугольник. Имеется случай, когда петля заполнена чернилами. Коромысло, не касающееся петли, ставится

на верхней строке. Оно на обоих концах имеет утолщение, выполненное сильным нажимом пера. Коромысло иногда может быть кривым (29. 2. л. 1^а). По этим признакам возможно высказать, что буква не является архаичною.

ю: Перекладина изменчивая и тонкая, что является архаичною чертою. Имеется вариант, когда она начинается с середины мачты и достигает середины буквы о, то есть она представляет собою прямую горизонтальную черточку. Но в большинстве случаев перекладина начинается приблизительно с двух третей мачты или по крайней мере выше ее середины, а дальше она имеет двоякий путь: либо остается горизонтальной черточкой, либо становится косою и касается буквы о повыше.

я: О перекладине можно сказать то же самое, что у буквы ю, с той разницею, что наблюдается такой вариант, где перекладина начинается почти с верхнего конца мачты и касается штриха на верхней части буквы а (6. 2. л. 2^а). Мачта иногда может быть слегка наклоненной вправо.

ю: Опять то же самое мы можем сказать, что уже было сказано нами о буквах ю и е. Но можно добавить, что наблюдается и такой вариант, где перекладина начинается ниже середины мачты (34. 1. л. 2^б), а выше ее середины очень редко начинается (4. 1. л. 1^а). Учитывая особенности перекладыны трех последних букв, можно прийти к выводу, что эти буквы не архаичны.

▲: Две косые наклоненные друг к другу линии не встречаются, а они соединены короткой горизонтальною черточкою. Язычок находится более-менее в середине буквы. Буква не всегда симметрична.

ѣ: Буква встречается лишь однажды: (при) маѣимнѣ (5. 2. л. 2^а).

ү (yžica): Буква встречается всего три раза: югуптьскыѣ (32. 1. л. 1^а), купраннѣ (17. 2. л. 2^б), прозвүтеръ (21. 1. л. 2^а). Она по начертанию сходна с буквой ү [u], но обозначает гласный [ü] или [i].

Небрежность почерка, неустойчивость оформления и размера большинства букв, часто наблюдающееся отсутствие пропорциональности, квадратности и симметричности, неоднократно бросающееся в глаза колебание мачт, изменчивость перекладин, много-

образность петель, выход над строкою буквы **ѣ**, а так же особенности очертания буквы **ѡ** позволяют нам прийти к выводу, что буквы лишены архаичности, и рукопись с большой долей вероятности была списана после XII в..

Графика и офрография

По нашим наблюдениям из графической системы изучаемой рукописи отсутствуют буквы: **Ѣ**, **Ѥ**, **Ѧ** и **Ѩ**. Буква **і** встречается 5 раз, но лишь в двух случаях передает гласный [i], а в остальных случаях она применена для обозначения числа. Буква **у** как ижица наблюдается три раза в иностранных (в греческих) словах. Но как буква, передающая гласный [u] употребляется шире, 10 раз. В этом случае она всегда находится в конце строки, и имеет над собою две точки, поставленные над правой частью. (Точки не всегда видны.) Быть может, она употреблена вместо буквы **Ѣ**. Ее употребление могло бы объясняться старанием писца соблюдать одинаковую длину строк, но строки все-таки часто не одинаковы по длине. В конце строки может встречаться и буква **ѣ**, даже чаще (в 13-и случаях). Буква **у** может писаться и на месте этимологического гласного [o], напр.: **югѣ** (10. 2. л. 1^а).

Так как носовые гласные в древнерусском языке уже к XI веку исчезли, постепенно стали не употребляться буквы, обозначающие их. Согласно этому из графической системы рукописи отсутствуют буквы **Ѣ**, **Ѥ**, **Ѧ**, и употребляется лишь буква **ѧ**. Таким образом наша рукопись является одноюсовой. Отсутствие буквы **ѧ** из графической системы древнерусских рукописей может являться датирующим признаком. Оно характерно в первую очередь для памятников конца XI в.⁸ Можно было бы предположить, что данная рукопись была списана не с древнеболгарской, а древнерусской рукописи конца XI в., но этому противоречат другие, более значительные факты, которые будут изложены в главах "Фонетика" и "Морфология".

Буква **ѧ** по нашим наблюдениям употребляется вместо буквы **ѧ** после согласного. Она встречается как на месте этимологического гласного [e] напр.: **сѧ**, так и на месте этимологического гласного [ʼa]

---

⁸И.Х. Тот: Малонизвестный фрагмент служебной минеи на месяц октябрь (in *Studia Slavica Hung.* 33/1-4. 1984.) Akadémiai Kiadó Budapest, 21. o.

напр.: **цѣлаѣ**/т(сѣ) (8-9. 2. л. 2^б), **манастира** (23. 1. л. 2^а), **нзѣа** (6. 2. л. 1^а), **цра** (27. 1. л. 1^а). Слово **костантина** (14. 1. л. 2^а) является исключением, так как в них применение буквы **а** или мы можем рассмотреть как употребление вместо **ѣ**, или как ошибку, или же надо предположить, что буква **а** может обозначать и гласный [а], хотя это последнее предположение кажется весьма невероятным. В некоторых примерах имперфекта (напр.: **нмаше** (20. 1. л. 1^а) буква **а** стоит вместо буквы **ѣ**, возникшей путем стяжения из формы **нмѣаше**. Наконец имеются случаи, когда на месте этимологического гласного [(j)e] в начале слова или после гласного стоит буква **ѣ**, а после согласного буква **а** напр.: **ѣтъ** (15. 2. л. 2^а), **ѣтъ** (6. 2. л. 1^б), **ѣаѣ** (22. 1. л. 1^б), **ѣгуптскыѣ** (32. 1. л. 1^а) и **ѣлгоуѣтъѣ** (17. 1. л. 2^а). Но последние два примера скорее могут считаться контаминацией древнеболгарского и древнерусского окончаний **-ѣа** и **-ѣѣ** (см. главу "Морфология").

Характерной чертой орфографии рукописи является последовательное употребление буквы ю и после палатализованных согласных ж, щ, ч, ш: *чюса* (31. 1. л. 1^а), *ставшю* (30. 2. л. 1^б), *блговолншю* (9. 1. л. 2^а), *соушю* (22. 1. л. 2^а), *межюрами* (27. 1. л. 2^б), *чюдна* (1. 2. л. 2^б), *чюса* (29. 2. л. 2^б). После этих букв не употребляются остальные йотированные буквы. А буква ю употребляется и после остальных палатализованных согласных, после [l', s'], напр.: *ксю* (34. 2. л. 1^а), *любодѣиствкю* (25. 1. л. 2^а) а для [s'] примера нет. Но другие йотированные буквы в изучаемой рукописи не могут стоять после никакого согласного, они (буквы ѡ и ѣ) всегда употребляются после гласных (разумеется и после редуцированных), или в начале слова. Согласно этому принципу в слове *море* (33. 1. л. 1^а) вместо буквы ѣ пишется буква е, а вместо буквы ѡ после согласного употребляется буква ѡ, напр.: *цѡ* (27. 1. л. 1^а). Однако любопытно, что даже буква ѡ не употребляется после буквы ш, напр.: *нзрѣзаша* (17. 2. л. 2^а), невзирая на то, что тут этимологически было бы правильным ее употребление. Этот принцип может объясняться тем, что буква ѡ применяется исключительно вместо буквы ѡ после согласных, и если буква ѡ по правилам данной рукописи не может употребляться после букв ж, щ, ц, ч, ш, следовательно и буква ѡ не может употребляться после этих букв, поскольку ѡ=ѡ после согласных. Из

черточку (правда, очень редко). Буква **и** когда стоит одиноко, либо как союз, либо как местоимение, или стоит в начале слова, или внутри слова после гласного, или в конце слова после гласного почти всегда обладает точкой, напр.: **и** (22. 1. л. 1^б), **и́зъ/тъ** (5-6. 1. л. 1^б), **ми́хайлъ** (6. 1. л. 1^б), (**при**) **а́нтонии** (13. 2. л. 2^а). Буква **о**, когда употребляется одиноко как предлог, или находится в начале слова, внутри слова после гласного, почти всегда имеет над собою точку — где нет точки, там наверно ее отсутствие вызвано плохой сохранностью рукописи: **о́** (**нема́**) (4. 1. л. 2^б), **о́гнь** (12. 1. л. 2^б), **гедео́нь** (13. 1. л. 1^б). О букве **оу** можно сказать то же самое, но она как предлог встречается всего однажды, и внутри слова не наблюдается после гласного: **оу́** (**престола́**) (6. 2. л. 2^б), **оу́мърца́ють** (12-13. 1. л. 2^б). Над буквой **а** встречается точка, когда она стоит обособленно как союз, или находится в начале слова или внутри слова после гласного: **а́** (12. 2. л. 2^а), **а́ще** (30. 1. л. 1^б), **патриа́рха** (21. 1. л. 2^а). Над буквой **ѡ** ставится точка в следующих словах: **ѡ́дъ** (20. 1. л. 2^б), **ѡ́да** (3. 1. л. 1^а), **ѡ́дмъ** (1. 1. л. 1^б), **ѡ́снованиа** (23. 2. л. 1^а), **ѡ́строва** (18. 2. л. 2^б).

По нашим наблюдениям над йотированными буквами (исключая тот случай, когда буква **ю** стоит после согласного, напр.: **бл҃говоли́шю** (9. 1. л. 2^а), **соу́цю** (22. 1. л. 2^а)) всегда имеется точка, хотя из-за плохой сохранности рукописи иногда не видна. Точка обычно ставится над вторым компонентом йотированных букв, напр.: **ѡ́ко** (8. 2. л. 2^а), **многѡ́у** (15. 1. л. 2^б), **ноѡ́ви** (11. 1. л. 1^а), **дѡ́зновѣ́ниа** (9. 1. л. 2^б).

Точка над буквой в одном случае указывает на отсутствующую букву или буквы: (**с**) **ни́** (29. 1. л. 1^а). Иногда кажется, что точка встречается и над согласными (5-6 раз), но в этих случаях точка или не видна хорошо, или она наброшена нерешительно, или ее цвет отличается от цвета окружающих ее букв. Таким образом в нас возникает сомнение, что такая точка является ли знаком? Быть может, она попала туда из-за невнимательности писца, или просто она является загрязнением, так как в их употреблении мы не видим никакой закономерности.

Об употреблении одной точки мы можем предположить, что она может облегчать чтение, когда она находится над первой или последней буквой (обозначающею либо гласный, либо йотирован-

ный гласный) слова, или когда она ставится над буквою, стоящею обособленно как союз или предлог. К этой системе примыкает и то обстоятельство, что редуцированные, за исключением 7 случаев, пишутся регулярно в конце слова, но перед словом, начинающимся гласным или йотированным гласным, редуцированный ни в одном случае не выпал. Таким образом становится более легким распознавание границ слов. Однако остается неясной функция точки внутри слова. В случае же нейотированных букв можно предположить, что точка указывает на то, что гласный произносится без всякого протетического согласного. Быть может, йотированные буквы внутри слова имеют над собою точку лишь по традиции. А в начале слова точка могла бы указывать на то, что гласный произносится независимо от конечного гласного (или редуцированного гласного) предыдущего слова, значит, и в этом случае гласный произносится без протетического согласного, и тем самым точка обозначает начало нового слова.

Одна точка около середины строки по нашим наблюдениям обладает функцией знаков препинания. После точки остается пустым небольшое место с размером приблизительно одной буквы. Заслуживает внимания тот факт, что новое предложение начинается буквой приблизительно полтора раза большего размера. Этот принцип строго выдержан писцом. Напр.:

"ѣсть на нѣхъ. Първѣи ми-
хѣиъ показа свою славу
на земли вземъ ѿ неѣ
бжтвнаго юнохѣ пренесе
и на мѣсто чтиго радѣ. ѿко
не видѣти юмоу общенна
члв[к]мъ всемъ смрти"
(4-10. 1. л. 1^а)

Буквы, обозначающие число всегда стоят между двумя точками и под титлом, напр.: ·ā· (11. 1. л. 2^а).

Две точки ставятся над буквой ү, когда она обозначает гласный [u]. Она всегда находится в конце строки. Однажды встречаются две точки и над буквой і в конце строки: оукрашающіі (24. 1. л. 2^б), но в слове ісѣ (19. 2. л. 1^а) над буквою і нет двух точек. В одном

случае наблюдаются две точки над буквой ѣ в слове (судари) ѣго (26. 1. л. 1^б). Встречены две точки однажды и над буквою а: нѣа кокомъ (28. 1. л. 1^а).

Три точки с трубкообразною косою черточкою наблюдаются в конце глав и в конце заглавий. Три точки размещены треугольно-образно. Косая черточка имеет в середине очень маленькую, ее пересекающую черточку. Заглавия и новые главы начинаются инициалами.

Титло ставится над сокращениями или над числами. Оно представляет собой горизонтальную линию, и вообще имеет небольшой штрих или около правого конца, или около середины, обычно на правой половине титла, пересекающий или не пересекающий его. Под титлом не найден нами вынос буквы над словом.

Титло, имеющее формы дуги ставится только над сокращениями. Дуга или имеет под собою маленькую горизонтальную черточку, или под нею встречается вынос буквы над словом. Однажды наблюдается вынос буквы без дуги: кидите (1. 1. л. 1^а). А в остальных случаях вынос буквы встречается не в начале слова, и под дугой, и могут быть вынесенными лишь буквы, обозначающие согласные. Когда под дугою находится вынос буквы над словом, тогда дуга не может иметь под собою маленькую горизонтальную черточку. Быть может, что эта черточка поставлена вместо выноса буквы над словом, возможно в тех случаях, когда надо было бы вынести буквы, обозначающие гласные, или целый слог.

В изучаемой рукописи встречаются следующие сокращения:

1. Под титлом: гѣ (1. 1. л. 1^а), гѣтъ (1. 1. л. 1^а), анѣли (2. 2. л. 1^а), ѡца (3. 1. л. 1^а), бжтвнѣго (7. 1. л. 1^а), смрти (10. 1. л. 1^а), нзлѣѣи (30. 1. л. 1^а), анѣла (12. 2. л. 1^а), гѣла (13. 2. л. 1^а), вѣко (13. 2. л. 1^а), нзла (15. 2. л. 1^а), бѣ (29. 2. л. 1^а), гѣ (32. 2. л. 1^а), бѣ (1. 1. л. 1^б), ѡцѣмѣ (1. 1. л. 1^б), нзлѣю (2-3. 1. л. 1^б), нзла/тѣ (5-6. 1. л. 1^б), нзла (23+24. 1. л. 1^б), дѣдѣ (25. 1. л. 1^б), дѣдѣ (30. 1. л. 1^б), дѣда (32. 1. л. 1^б), гѣ (6. 2. л. 1^б), анѣлѣ (7. 2. л. 1^б), гѣ (7. 2. л. 1^б), бѣ (13. 2. л. 1^б), нзла (13. 2. л. 1^б), арханѣла (14. 2. л. 1^б), стѣмѣ (17. 2. л. 1^б), стѣмѣ стѣхѣ (26. 2. л. 1^б), блг[оу]стникѣ (31-32.

2. л. 1^б), глѣ (4. 1. л. 2^а), глѣхъ (7. 1. л. 2^а), бл҃гоколикшю (9. 1. л. 2^а), ѡца (11. 1. л. 2^а), бл҃гочѣнхъ над сложным словом и дуга находится с маленькой черточкою (17. 1. л. 2^а), ѡца (19. 1. л. 2^а), стѣхъ (31. 1. л. 2^а), бл҃гочѣн над сложным словом и дуга находится с маленькой черточкою (33. 1. л. 2^а), (о) бѣѣ (34. 1. л. 2^а), гоу (1. 2. л. 2^а), днѣ (2. 2. л. 2^а), стѣн (12. 2. л. 2^а), стѣюю (25. 2. л. 2^а), стѣн (26-27. 2. л. 2^а), днѣ (32. 2. л. 2^а), ѡ (32. 2. л. 2^а), М[лѣстѣн] (33. 2. л. 2^а), бѣн (2. 1. л. 2^б), бѣу (19. 1. л. 2^б), ѡца (20. 1. л. 2^б), ан҃глы (25. 1. л. 2^б), дѣца (2. 2. л. 2^б), бѣ (12. 2. л. 2^б), ѡца (13. 2. л. 2^б), снѣ (16. 2. л. 2^б), ѡца (19-20. 2. л. 2^б), ѡца (20. 2. л. 2^б), бѣу (23. 2. л. 2^б), (вѣ) стѣствѣ (30. 2. л. 2^б).

2. Сокращения, встречающиеся под дугообразным титлом с маленькой горизонтальной черточкою, без выноса буквы над словом: нѣхъ (4. 1. л. 1^а), чѣнаго (8. 1. л. 1^а), члѣ[к]мъ (10. 1. л. 1^а) — Это слово можно рассмотреть и с выносом маленькой буквы о (члѣ[к]мъ), хотя довольно сомнительно, что эта большая точка над словом представляет ли собой букву о. Она может быть загрязнением или пятном. Поскольку, по нашим наблюдениям, буквы, обозначающие гласные, не выносятся над словом под дугою, мы склонны эту возможную букву о не принять за букву. — црѣ (17. 1. л. 1^а), црѣ (27. 1. л. 1^а), нѣлѣтѣ (34. 1. л. 1^а) — Тут под дугою не видна черточка, и слово удивило бы нас и тем, что оно и слова с тем же корнем в остальных случаях пишутся под титлом. Можно предположить, что эта дуга или является ошибкою, или писец хотел написать титло, но оно так получилось. В этом случае мы имеем дело с кривым титлом. — црѣ (5. 2. л. 1^а), нѣхъ (19. 22. л. 1^а), црѣмъ (9. 1. л. 1^б), постѣкѣша (17. 1. л. 1^б) — Это слово не является сокращенным, так может возникнуть вопрос, какую функцию имеет здесь дуга? Вероятно, она является опиской, или попала сюда из оригинала, где тоже могла быть опиской. — бѣ (24. 1. л. 1^б), црѣмъ (2. 2. л. 1^б), црѣ (3. 2. л. 1^б), црѣн (10. 2. л. 1^б), црѣ (11. 2. л. 1^б), нѣрѣлма (23. 2. л. 1^б), хѣу (30. 2. л. 1^б), спѣнѣ (9. 1. л. 2^а), Мѣца (11. 1. л. 2^а), црѣтѣо (14. 1. л. 2^а), (вѣ) црѣн/градѣ (14-15. 1. л. 2^а), црѣтѣо (17. 1. л. 2^а), бл҃гочѣнхъ (17.

1. л. 2^а), бѣы (20. 1. л. 2^а), бѣы (21. 1. л. 2^а), бѣы (22. 1. л. 2^а), бѣы (24. 1. л. 2^а), црѣоу (26. 1. л. 2^а), бѣы (26. 1. л. 2^а), црѣе/ю (26–27. 1. л. 2^а), црѣгрѣа (28. 1. л. 2^а) — Заслуживает внимания, что над первым компонентом сложного слова употребляется дуга с черточкой, а над вторым компонентом дуга с выносом буквы над словом. — бѣы (29. 1. л. 2^а), црѣмѣ (30. 1. л. 2^а), бѣы (32. 1. л. 2^а), бл҃гочѣти (33. 1. л. 2^а), црѣи (5. 2. л. 2^а), бѣы (8. 2. л. 2^а), хрѣи/нѣ (8–9. 2. л. 2^а), бѣы (9. 2. л. 2^а), црѣи (13. 2. л. 2^а), бѣы (15. 2. л. 2^а), хѣа (16. 2. л. 2^а), бѣы (20. 2. л. 2^а), бѣы (22. 2. л. 2^а), хрѣиана (23. 2. л. 2^а), (о) м[л]тѣи (32. 2. л. 2^а), чѣиа (8. 1. л. 2^б), нѣиаѣ (16. 1. л. 2^б), в[л]а (16. 1. л. 2^б), црѣа (17. 1. л. 2^б), нѣиѣи (20. 1. л. 2^б), црѣа (6. 2. л. 2^б), Мѣа (13. 2. л. 2^б), црѣаграда (15. 2. л. 2^б), мѣтѣаго (14. 2. л. 2^б), црѣмѣ (25. 2. л. 2^б), мѣтѣа (34. 2. л. 2^б), мѣти (34. 2. л. 2^б).

3. Под дугообразным титлом с выносом буквы над словом (или иначе под буквенным титлом) находятся следующие сокращения (лишь буквы, обозначающие согласный могут выноситься над словом, и они обладают совсем маленьким размером. Эта малюсенькая буква ставится над словом между двумя буквами, и обычно стоит перед той буквою, после которой она в действительности следует.): вѣдѣа (1. 1. л. 1^а), тѣо (10. 1. л. 1^а), дрѣи ла (21. 1. л. 1^а), чѣюса (31. 1. л. 1^а), грѣи/нѣхѣ (9. 2. л. 1^а), рѣе (26. 2. л. 1^а), нашѣи (28. 2. л. 1^а), рѣе (28. 22. л. 1^а), рѣе (32. 2. л. 1^а), рѣе (7. 1. л. 1^б), зѣа/тѣю (22. 1. л. 1^б), рѣе (6. 1. л. 2^а), тѣо (11. 1. л. 2^а), прѣи/бѣго (11. 1. л. 2^а), лѣѣ (18. 1. л. 2^а), брѣа (20. 1. л. 2^а), лѣѣ (22. 1. л. 2^а), рѣа (27. 1. л. 2^а), црѣгрѣа (28. 1. л. 2^а), рѣа (31. 1. л. 2^а), тѣѣ (2. 2. л. 2^а), мѣоу (2. 2. л. 2^а), стѣѣ (4. 2. л. 2^а), грѣа (28. 2. л. 2^а), грѣа (28. 2. л. 2^а), тѣѣ (31. 2. л. 2^а), сѣо (32. 2. л. 2^а), зѣа/доу/ста (32. 2. л. 2^а), бл҃гѣи (5. 1. л. 2^б), нѣа (9. 1. л. 2^б), чѣѣѣ (18. 1. л. 2^б), рѣе (19. 1. л. 2^б), лѣѣѣ (28. 1. л. 2^б), тѣо (13. 2. л. 2^б), прѣи/бѣго (13. 2. л. 2^б), чѣамѣ (20. 2. л. 2^б), жѣи/ѣа (24–25. 2. л. 2^б), чѣюса (31. 2. л. 2^б).

В слове глагоу/оу (31. 2. л. 2^а) последний слог повторяется, что вероятно может быть ошибкой.

В слове ю/пѣскѣи (5–6. 2. л. 2^а) буква ю наверно является

опиской вместо **египтскѣй**, хотя надо учесть и то, что в греческом произношении этого времени (или скорее раньше, т. е. в ту пору, когда возник первый перевод оригинала с греческого языка) это слово могло и так звучать: [ejüptikos или ejiptikos].

Строки всегда оканчиваются на гласный, согласно правилу слогоразделения.

Фонетика

Вокализм

Редуцированные гласные

Редуцированные в слабой позиции

Редуцированные в слабой позиции были отмечены нами в следующих случаях:

1. Слабые редуцированные непереднего ряда

а) В первом слоге:

В корнях: (перед частицей же под дугой) т̣ъ (2. 2. л. 2^а), т̣ъ (31. 2. л. 2^а).

В префиксах: в̣шедъ (24. 2. л. 1^а), в̣роу/жена (25–26. 2. л. 1^а), в̣зумо/гшемъ (3–4. 1. л. 1^б), в̣звѣщай (21. 1. л. 1^б), в̣звѣде (5. 2. л. 1^б), в̣звѣде (7. 2. л. 1^б), в̣змоуцаше (27. 2. л. 1^б), в̣змеже (5. 1. л. 2^а), в̣звращенъ (26. 1. л. 2^а), в̣схущеннй (7. 2. л. 2^а).

В предлогах (предлог со следующим словом составляет одно фонетическое единство, т. е. проклитику (хотя можно его рассмотреть как и конец слова), и тут мы будем перечислять лишь односложные предлоги): в̣ъ (16. 1. л. 1^а), в̣ъ (30. 1. л. 1^а), в̣ъ (8. 2. л. 1^а), в̣ъ (31. 1. л. 1^б), в̣ъ (24. 2. л. 1^б), в̣ъ (11. 1. л. 2^а),

в̣ъ (14. 1. л. 2^а), в̣ъ (14. 1. л. 2^а), в̣ъ (16. 1. л. 2^а), в̣ъ (18. 1. л. 2^а), в̣ъ (28. 1. л. 2^а), в̣ъ (34. 1. л. 2^а), в̣ъ (14. 2. л. 2^а), в̣ъ (27. 2. л. 2^а), в̣ъ (27. 1. л. 2^б), в̣ъ (13. 2. л. 2^б), в̣ъ (25. 1. л. 1^б), в̣ъ (1. 2. л. 2^а), в̣ъ (23. 2. л. 2^б), с̣ъ (28. 1. л. 1^а), с̣ъ (28. 1. л. 1^б), с̣ъ (8. 2. л. 1^б), с̣ъ (1. 1. л. 2^а), с̣ъ (4. 1. л. 2^а), с̣ъ (15. 1. л. 2^б).

б) Внутри слова (т.е. не в первом слоге):

В корнях: 0

В суффиксах: 0

В префиксах (во втором слоге). (О префиксах или предлогах ѿ мы не знаем, имеют ли они редуцированный, или нет, потому что пишутся при помощи выноса буквы т над буквой ѡ.): *предѣстон/тъ* (3-4. 1. л. 2^б), *предѣ/стоѡщи* (5-6. 2. л. 2^б), *предѣстонтъ* (8. 2. л. 2^б).

Во флексиях, если редуцированный непереднего ряда не находится в конце слова: 0

в) В конце слова:

(В конце односложных слов: *тъ* (33. 2. 1^а), *тъ* (13. 2. л. 1^б). Эта позиция является спорной, и мы склонны принимать ее скорее за сильную, чем слабую (см. главу "редуцированные в сильной позиции"), поэтому в дальнейшем мы не будем считаться с нею.)

Во всех остальных случаях редуцированные непереднего ряда удерживаются, напр.: *нхъ* (2. 1. л. 1^а), *помощникъ* (14. 1. л. 1^а), *закономъ* (3. 2. л. 1^а), *соупостатъ* (27. 2. л. 1^а). Исключениями являются слова: *ѡн* (же) (28. 2. л. 1^а) и *сѡдим* (сѡ) (7. 2. л. 2^б). Быть может, что частица страдательного залога сѡ произносились вместе с предыдущими словами, и таким образом редуцированные непереднего ряда находились внутри фонетического слова.

2. Слабые редуцированные переднего ряда

а) В первом слоге:

В корнях: 0

б) Внутри слова:

В корнях: 0

В суффиксах:

В суффиксе -ѡн-: *бжѣтѡнаго* (7. 1. л. 1^а), *беззаконни/къ* (23-24. 1. л. 1^а),

[приста]вѣ/ница (34. 2. л. 2^а, 1. 1. л. 2^б), бещисльница (31. 2. л. 1^а)
В суффиксе -ск-: магнамыскы/мъ (8-9. 1. л. 1^б), мнишскыи (8. 1. л. 2^а), але/ксандраскыи (26-27. 2. л. 2^б).

В суффиксе -ств-: подобствова/вѣ (29-30. 2. л. 2^б), (вѣ) стѣствѣ (30. 2. л. 2^б).

Во флексиях, не в конце слова: 0

в) В конце слова:

В конце слова редуцированные переднего ряда пишутся регулярно за исключением слов: (в) нем (же) (21. 2. л. 1^а), наш (ли) (26. 2. л. 1^а), [ѡ]/ѡшт (сѡ) (3-4. 2. л. 1^б), ѡклаѣ/т (сѡ) (8-9. 2. л. 2^б), ѡверзѡт (сѡ) (16. 1. л. 2^б). И в этих случаях можно предположить, что эти слова с частицами же, ли также с частицей (или уже с постфиксом?) сѡ образуют энклитики, то есть они произносятся вместе как одно фонетическое целое.

Редуцированные выпали в слабой позиции в следующих случаях:

1. Выпавшие редуцированные непереднего ряда

а) В первом слоге:

В корнях: кнѡземь (29. 1. л. 1^а), многа (31. 1. л. 1^а), многотомленъ (32. 1. л. 2^а), срѣте (8. 2. л. 1^а), двою (26. 2. л. 2^а), кнѡ/земь (28-29. 2. л. 2^а), много (9. 1. л. 2^б), многою (15. 1. л. 2^б), птица (34. 1. л. 2^б) много (30. 2. л. 2^б), многа/ѡ (33-34. 2. л. 2^б). Слабые редуцированные в этих словах без исключения находились в изолированном положении.

В префиксах: вземъ (6. 1. л. 1^а), смѣрти (10. 1. л. 1^а), сказа(сѡ) (22. 1. л. 1^а), створи (31. 1. л. 1^а), скрѣши (10. 2. л. 1^а), ство/ри (12-13. 1. л. 1^б), смѣтениѣмь (18. 1. л. 1^б), спице(сѡ) (23. 2. л. 1^б) взло/жи (1-2. 1. л. 2^а), створити (5. 1. л. 2^а), свѣщати(сѡ) (25. 1. л. 2^а) списавъ (34. 1. л. 2^а), створи (22. 2. л. 2^а), внигда (7. 2. л. 2^б), внидапоу (7. 2. л. 2^б), ство/рь (31-32. 2. л. 2^б), спрощенъ (26. 2. л. 2^б).

В слове **здѣракъ** (19. 2. л. 2^а) уже явно видно следствие падения редуцированных. После выпадения редуцированного непереднего ряда звук [s] озвончился под регрессивным влиянием звонкого согласного [d].

В предлогах (предлог составляет одно фонетическое единство со след. словом): **Ѣ** (1. 2. л. 1^а), **ѣ** (20. 2. л. 1^а), **ѥ** (30. 2. л. 1^а), **Ѧ** (21. 2. л. 1^б), **ѧ** (18. 1. л. 2^а), **Ѩ** (24. 1. л. 2^а), **ѩ** (30. 1. л. 2^а), **Ѫ** (4. 2. л. 2^а), **ѫ** (7. 2. л. 2^а), **Ѭ** (18. 2. л. 2^а), **ѭ** (17. 1. л. 1а), **Ѯ** (31. 1. л. 1^а), **ѯ** (11. 1. л. 1^б), **Ѱ** (9. 2. л. 1^б).

б) Внутри слова:

В корнях: **изгнанъ** (24. 1. л. 2^а), **изгнанъ** (29. 1. л. 2^а). Слабые редуцированные находились в изолированном положении.

В префиксах: **подвизаѣ** (33. 1. л. 2^а).

В суффиксах:

В суффиксе **-ѣ-ш-**: **хотѣша** (27. 1. л. 1^а), **стакшо** (30. 2. л. 1^б), **бл҃говолишю** (9. 1. л. 2^а).

В суффиксе **-ѣ-ш-**: **вѣзмо/гшемъ** (3-4. 1. л. 1^б).

В суффиксе **-ѣ-к-**: **легка** (22. 1. л. 2^б), **кроткымъ** (31. 1. л. 2^б), **легка** (5. 2. л. 2^б).

В суффиксе **-ѣ-л-**: **свѣтлости** (24. 2. л. 2^б).

в) В конце слова:

В конце односложных слов: 0

В конце остальных слов выпадение редуцированного непереднего ряда тоже не отмечается за исключением слов: **ѣн** (**же**) (28. 2. л. 1^а), **судим** (**сѣ**) (7. 2. л. 2^б) (об этом см. выше!).

2. Выпадающие редуцированные переднего ряда

а) В первом слоге:

В корнях: **всемъ** (10. 1. л. 1^а), **что** (32. 2. л. 1^а) (изолированное положение), **всю** (34. 2. л. 1^а), **мсти/тъ** (22–23. 1. л. 1^б), **лвсвъ** (22. 2. л. 1^б), **всак[...]** (26. 2. л. 1^б), **всакъ** (15. 1. л. 2^а), **(при) лве** (31. 1. л. 2^а), **жгомъ** (10. 2. л. 2^а), **тмоу** (11. 1. л. 2^б), **что** (34. 1. л. 2^б) (изолированное положение), **всего** (1. 2. л. 2^б), **зритъ** (2. 2. л. 2^б) (изолированное положение), **все** (21. 2. л. 2^б), **все** (22. 2. л. 2^б).

б) Внутри слова:

В корнях: **ничто** (31. 1. л. 2^б) (изолированное положение), **сщениа** (9. 1. л. 1^а), **пожрети** (29. 2. л. 2^а).

В суффиксах:

В суффиксе **-ън-**: **прсно** (13. 1. л. 1^а) (тут по всей вероятности редуцированный выпал еще в общеславянскую эпоху, поскольку это слово уже в древнейших древнеболгарских памятниках писалось без редуцированного), **застоу/пникъ** (13–14. 1. л. 1^а), **помощникъ** (14. 1. л. 1^а), **иноплемницѣхъ** (23. 1. л. 1^б), **блѣ[овѣ]стникъ** (31–32. 2. л. 1^б), **при/сно** (4–5. 1. л. 2^б) (см. выше), **подобны** (18. 1. л. 2^б), **чюдна** (1. 2. л. 2^б), **не/скоудно** (32–33. 2. л. 2^б).

В суффиксе **-ък-**: **дружка** (2. 1. л. 2^б).

В суффиксе **-ъц-** (<ьк): **първѣнца** (32. 1. л. 1^а), **ико/ноборци** (31–32. 1. л. 2^а).

В суффиксе **-ъч-** (<ьк): **ко/нчиноу** (11–12. 2. л. 2^а).

в) В конце слова:

В конце слова редуцированные переднего ряда пишутся регулярно за исключением слов (о них уже было сказано нами выше): **(к) нем (же)** (21. 2. л. 1^а), **наш (ли)** (26. 2. л. 1^а), **[ѡ]/ѡшет (сѡ)** (3–4. 2. л. 1^б), **ѡжерзакт (сѡ)** (16. 1. л. 2^б).

Редуцированные в сильной позиции

Редуцированные гласные в сильной позиции превратились в гласные полного образования во всех случаях за исключением слов *тъм[ници]*? но это слово недочитаемо (34. 2. л. 1^б), *ѣгуптъскыѣ* (32. 1. л. 1^а) и *ѣю/птъскыѣ* (5-6. 2. л. 2^а). (в последних двух случаях сильные редуцированные стоят перед напряженными редуцированными причем и слова являются иностранными). Также являются исключения сочетания *търт, ѣрт, тѣлт, ѣлт; трѣт, трѣт, тѣт, ѣт*. Лишь в одном случае имеется пояснение сочетания *търт*: *черкъ* (13. 1. л. 2^б).

1. Прояснившиеся редуцированные непереднего ряда

а) В первом слоге:

В корнях: 0

В префиксах: 0

В предлогах (предлог со следующим за ним словом образует одно фонетическое целое): *ѡ* / (тѣ днѣ) (1-2. 2. л. 2^а), *ѡ* (тѣ днѣ) (31-32. 2. л. 2^а), *ѡ* / (что) (33-34. 1. л. 2^б).

б) Внутри слова:

В корнях: 0

В суффиксах: 0

Во флексиях (тут гласный полного образования мог появиться и под воздействием древнеболгарского языка): *нѣкокомъ* (28. 1. л. 1^а), *мнѣи/лѣкомъ* (18-19. 1. л. 1^б), *мнѣи/лѣомъ* (17. 2. л. 1^б), *ѣко/мъ* (30-31. 1. л. 2^б), *родомъ* (16. 2. л. 2^б). (Все слова находятся в творительном падеже ед.ч.)

в) В конце односложных слов: *но* (14. 2. л. 1^а), *но* (33. 1. л. 2^б), *то* (31. 1. л. 1^б) (это слово можно рассмотреть как и союз), *тѣ* (10. 1. л. 1^а), *то (же)* (25. 1. л. 1^а), хотя последние два примера могут рассматриваться как и союз *теже*. Возможно, что частицу *же* со словом *то* составляет энклитику, но в этом случае редуцированный на-

ходилъ бы в слабой позиции, но тогда прояснение слабого редуцированного было бы необъясняемым. В нашей рукописи имеются и такие примеры, когда партикула же с предыдущим словом составляет энклитику. Следует учесть, что в тексте имеется и местоимение **тъ**, когда редуцированный не прояснился в гласный полного образования: **тъ** (33. 2. л. ^а), **тъ** (13. 2. л. 1^б), **тъ** (2. 2. л. 2^а, 31. 2. л. 2^а).

2. Прояснившиеся редуцированные переднего ряда

а) В первом слоге:

В корнях:

1) На месте праславянского слогового плавного: **чѣръкъ** (13. 1. л. 2^б). На основе этого единственного примера мы можем определить, что наш памятник мог возникнуть лишь после 1164 г..

2) В остальных случаях: **лѣгка** (22. 1. л. 2^б), **лѣгка** (5. 2. л. 2^б).

б) Внутри слова :

В корнях: **къземъ** (6. 1. л. 1^а, **къшѣдъ** (24. 2. л. 1^а), **ѡшѣдъ** (18. 1. л. 2^а), **пришѣствидъ** (27. 1. л. 2^а).

В суффиксах:

В суффиксе -ѣц-: **старѣцъ** (6. 1. л. 2^а).

Во флексиях:

В творительном падеже ед.ч. у существительных с основой на -іо- (тут надо иметь в виду и древнеболгарское влияние): **кнѣземъ** (29. 1. л. 1^а), **сгнемъ** (10. 2. л. 2^а) — слово первоначально склонялось по основе -і- — **кнѣ/земъ** (28-29. 2. л. 2^а).

В дательном падеже мн.ч. у основ на -і-: **трѣмъ** (18. 2. л. 1^б), **людѣмъ** (26. 2. л. 2^б).

В местном падеже мн.ч. у гетероклитического склонения: (**в**) **болгарѣ/хъ** (30-31. 1. л. 2^а).

Подведение итогов

По нашим наблюдениям редуцированные в сильной позиции (за исключением сочетаний типа *тыrt, тыrt, тыlt, тыlt; trыt, trыt, tlыt, tlыt*, но и здесь в одном случае отмечен переход в гласный полного образования: *чёркѣ* (13. 1. л. 2^б)) не учитывая некоторых примеров односложных слов и трех вышеупомянутых примеров, см. под главой "Редуцированные в сильной позиции" во всех случаях прояснились в гласные полного образования (в [o] и [e]). А редуцированные в слабой позиции удерживались в 49 случаях и выпали в 85 случаях, не принимая во внимание редуцированных в конце слова. Видимо редуцированные в конце слова ставятся по традиции и быть может по графической причине, чтобы обозначать абсолютный конец слова, и таким образом облегчать чтение. В одном случае вследствие выпадения редуцированного переднего ряда произошла ассимиляция по звонкости-глухости: *здравѣ* (19. 2. л. 2^а). Подытоживая наши выводы можно высказать, что переход сильных редуцированных (за исключением сочетаний типа *тыrt, тыrt, тыlt, тыlt; trыt, trыt, tlыt, tlыt*) уже завершился, а падение редуцированных подходит к конечному этапу. Наши наблюдения может проиллюстрировать следующая таблица:

Редуцированные в слабой позиции

		ред. непереднего ряда		ред. переднего ряда	
		удерживались	выпали	удерживались	выпали
в пер- вом слоге	в корнях	2	11	0	15
	в преф-ах	10	18	—	—
	в пред-ах	25	14	—	—
внут- ри слова	в корнях	0	2	0	3
	в преф-ах	3	1	—	—
	в суфф-ах	0	8	9	13

Эта таблица показывает, что из всех сохранившихся редуцированных лишь два приходится на корни, а остальные находятся в префиксах, в предлогах и суффиксах, таким образом они всегда стоят на границах морфем. Учитывая эти факты и наш единственный пример на прояснение сочетания типа *tyrt* (черк *чёрк* (13. 1. л. 2⁶)) а также то обстоятельство, что все сильные редуцированные перешли в гласные полного образования, в языке писца редуцированные звуки уже не могли произноситься.

Редуцированные выпали между следующими согласными. (Тут не учитываем 7 случаев конца слова, о них уже однажды было сказано. Предлоги составляют одно фонетическое единство со следующим за ними словом. Причем в предлогах редуцированные выпали лишь в том случае, если следующее слово начиналось согласным.)

Выпавшие редуцированные не-
переднего ряда:

дк: 2

ск: 1

са(за): 1

ск: 4

см: 2

сн: 2

сп: 3

ср: 1

ст: 5

мн: 6

вн: 4

гн: 2

кн: 2

вш: 3

гш: 1

гк: 2

пт: 1

тк: 1

та: 1

кб: 1

вз: 2

кк: 1

вп: 3

вр: 1

вс: 2

кт: 1

рц: 1

Выпавшие редуцированные
переднего ряда:

кс: 7

зр: 1

мс: 1

чт: 3

лв: 2

жг: 1

жк: 1

бц: 1

сн: 3

пн: 1

цн: 2

мн: 1

тн: 1

бн: 1

дн: 1

тм: 1

нч: 1

нц: 1

жр: 1

Распределение выпавших редуцированных по звонкости-глухости окружающих их согласных звуков

Редуцированные непреднего
ряда выпали между следую-
щими звонкими или сонорны-
ми согласными:

дв: 2

кв: 1

кз: 2

кн: 4

кр: 1

гн: 2

мн: 6

Редуцированные переднего ря-
да выпали между следующими
звонкими или сонорными со-
гласными:

бн: 1

дн: 1

жг: 1

жр: 1

зр: 1

мн: 1

лв: 2

Между глухими согласными:

пт: 1

ск: 4

сп: 3

ст: 5

тк: 1

Между глухими согласными:

чт: 3

Между звонкими (или сонорными) и глухими согласными или обратно:

БК: 1
КТ: 1
ВШ: 3
ГК: 2
ГШ: 1
КН: 2
СД(ЗА): 1
СМ: 2
СР: 1
ТЛ: 1

Между звонкими (или сонорными) и глухими согласными или обратно:

БЩ: 1
КС: 7
ЖК: 1
МС: 1
НЦ: 1
НЧ: 1
ПН: 1
РЦ: 1
СН: 3
ТМ: 1
ТН: 1
ЦН: 2

Распределение выпавших редуцированных по месту образованию окружающих их согласных звуков

Редуцированные выпали между следующими зубными (или губно-зубными) согласными:

БЗ: 2
ВН: 4
ВС: 2
КТ: 1
ДВ: 2
СК: 1
СД(ЗА): 1
СН: 2
СТ: 5
ТЛ: 1

Редуцированные выпали между следующими зубными (или губно-зубными) согласными:

КС: 7
ДН: 1
ЛВ: 2
НЦ: 1
СН: 3
ТН: 1

Между губными и зубными (или губно-зубными) согласными или обратно:

кб: 1

кп: 3

мн: 6

пт: 1

см: 2

сп: 3

Между зубными (или губно-зубными) и передненебными согласными или обратно:

кш: 3

кр: 1

ср: 1

Между губными и передненебными согласными или обратно:

0

Между зубными (или губно-зубными) и задненебными или обратно:

кк: 1

гн: 2

кн: 2

ск: 4

тк: 1

Между губными и зубными (или губно-зубными) согласными или обратно:

бн: 1

мн: 1

мс: 1

пн: 1

тм: 1

Между зубными (или губно-зубными) и передненебными согласными или обратно:

цн: 2

нч: 1

зр: 1

чт: 3

Между губными и передненебными согласными или обратно:

бц: 1

Между зубными (или губно-зубными) и задненебными или обратно:

0

Между передненебными и задненебными согласными или обратно:

гш: 1

Между передненебными и задненебными согласными или обратно:

жг: 1

жк: 1

Между задненебными согласными:

гк: 2

Между задненебными согласными:

0

Между передненебными согласными:

0

Между передненебными согласными:

жр: 1

Из проведенного выше группирования можно заключить лишь то, что имеется 7 случаев, когда по крайней мере один из двух окружающих выпавший редуцированный звуков является зубным или губно-зубным согласным (из 85 примеров), пока у сохранившихся редуцированных нет ни одного случая, когда хоть один из двух звуков, окружающих сохранившийся редуцированный, не являлся бы зубным или губно-зубным согласным (из 49 примеров). По звонкости-глухости подобной пропорции невозможно составить.

Мена редуцированных **ѣ** и **ь** ни в одном случае не наблюдается. В конце флексии 1-го лица ед.ч. настоящего времени у атематических глаголов употребляется буква **ь**, а в древнеболгарских памятниках тут неоднократно наблюдается мена редуцированных (напр.: Супрасльская рукопись). У тематических и атематических глаголов в 3 л. ед.ч. ставится буква **ь** согласно с правилами древнерусского языка. А для 3-го лица мн.ч. имеется лишь один пример, так как в другом случае, когда мы находим такую форму, редуцированный выпал между глаголом и энклитической формой **са**. После палатализованных согласных буква **ѣ** ни разу не найдена нами.

*Сочетания **тыт**, **тыт**, **тыт**, **тыт** за исключением слова **оумръ/цѣають** (12-13. 1. л. 2^б)*

Сочетания **тыт**, **тыт**, **тыт**, **тыт** за исключением слова **оумръ/цѣають** (12-13. 1. л. 2^б) показывают древнерусские рефлексy: **пыръкѣ** (4. 1. л. 1^а), **жырътвѣхъ** (12. 1. л. 1^а), **пыръкѣнцѣ** (32. 1. л. 1^а), **вълхѣ** (5. 2. л. 1^а), **дыржаща** (3. 2. л. 1^б), **пылка** (15. 2. л. 1^б), **пыръкѣи** (31. 2. л. 1^б), **вълхѣгоша** (18. 2. л. 2^а), **вълхѣ** (21. 2. л. 2^а, 22. 2. л. 2^а), **растырѣгоша** (26. 2. л. 2^а), **дыръновѣннѣ** (9. 1. л. 2^б), **жырътвѣ** (11-12. 2. л. 2^б). Лишь в одном случае отмечено проявление редуцированного в слове **чыръкѣ** (13. 1. л. 2^б), но этот единственный пример убедительно может определить нижнюю границу датировки, согласно чему наш текст мог быть списан только после 1164 года, после возникновения знаменитого Добрилова Евангелия, где впервые зарегистрирован переход редуцированных в гласные полного образования в этих сочетаниях.

Сочетания **тыт**, **тыт**, **тыт**, **тыт** не представляют собою особенного интереса, так как они в изучаемой рукописи имеют лишь 4 рефлекса: **кыръкѣ** (9. 2. л. 1^б), **стыръгѣнѣ** (8-10. 2. л. 2^а), **скыръжѣтѣ** (14. 1. л. 2^б), **бѣлѣщаннѣ** (27-28. 1. л. 2^б).

Напряженные редуцированные

Напряженные редуцированные [y̑, ȋ/ѣ, ѣ] могут передаваться буквами **ы**, **и**, **ѣ** и однажды **ѣ**. В слабой позиции они отмечены в следующих случаях:

Напряженные редуцированные непереднего ряда: **ы̑гыптъскы̑ (32. 1. л. 1^а), **бѣ̑гочѣ̑тъскы̑** (17. 1. л. 2^а), **ы̑юптъскы̑** (5-6. 2. л. 2^а).**

Еще был напряженный редуцированный в слове **бѣ̑нѣсѣ** (3. 1. л. 1^а), но здесь он перешел в гласный [y], хотя он находился в слабой позиции. Переход в гласный [y] характерен как для южных древнерусских говоров, так и для древнеболгарского языка. Но надо обратить внимание и на то, что в данном случае гласный [y]

смог появиться и другим фонетическим путем. Если в слове [vʲinu] напряженный редуцированный переднего ряда в слабой позиции выпал, осталось сочетание твердого согласного [v] и гласного переднего ряда [i]. Так как согласный [v] представляет собою префикс и смягчение согласного [v] вызвало бы его отождествляемость, гласный [i] стал гласным заднего ряда [y]. Явление можно было бы рассмотреть как вмешательство морфологического уровня языка. Подобный процесс был и в таких словах как *предыдущий*, *розыгрыш*, *розыск*, *сыграть* и т.д., т.е. гласный переднего ряда [i] ассимилировался по твердому согласному префикса. Еще можно сравнить современное произношение таких сочетаний как *в Иркутске*, *в Италии* [vʲirkuckʲ, vʲitalʲjʲ]. В слове *вѣстину* (17. 1. л. 2^б) редуцированный в слабой позиции превратился в гласный [o] (а не в гласный [y]), что может подтверждать древнерусский характер языка рукописи. Но этот гласный [o] смог бы появиться на месте искусственно восстановленного редуцированного [ъ], хотя такие явления скорее связываются с т.н. вторым южнославянским влиянием.

Напряженные редуцированные переднего ряда:

- 1) передающиеся через букву ѣ: *общѣніа* (9. 1. л. 1^а), *ніаковоѣ* (28. 1. л. 1^а), *ѡснованіа* (23. 2. л. 1^а), *знаме/ніе* (14–15. 1. л. 1^б), *бросѣніеѣ* (8. 2. л. 1^б), *нѣр[лѣмѣ]* (10. 2. л. 1^б), *нѣрѣла* (23. 22. л. 1^б), *цѣленіа* (29. 2. л. 1^б), *спініе* (9. 1. л. 2^а), *оученіа* (16. 1. л. 2^а), *садоукиѣ* (18. 1. л. 2^а), *тарасніа* (20. 1. л. 2^а), *прішествіа* (27. 1. л. 2^а), *вѣкентіа* (3. 2. л. 2^а), *(в) котоуліи* (7. 2. л. 2^а), *пріа* (11. 2. л. 2^а), *(при) аѣтоніи* (13. 2. л. 2^а), *(вѣ) нѣталіи* (14–15. 2. л. 2^а), *хѣли/іеѣ* (20–21. 2. л. 2^а), *бѣіа* (2. 1. л. 2^б), *вѣсхѣщніа* (7. 1. л. 2^б), *дѣрзновѣніа* (9. 1. л. 2^б), *Лѣтеніе* (23. 1. л. 2^б), *мѣжюрамніе* (27. 1. л. 2^б), *(вѣ) блѣщаніи* (27–28. 1. л. 2^б), *іе/пифаніа* (16–17. 2. л. 2^б), *хотѣнію* (19. 2. л. 2^б), *хотѣніе* (22. 2. л. 2^б), *оуг[ож]е/ніе* (23–24. 2. л. 2^б), *жѣнѣ* (24–25. 2. л. 2^б), *нѣракніеѣ* (25. 2. л. 2^б), *правленію* (28. 2. л. 2^б), *поставленіе* (28–29. 2. л. 2^б), *пріа* (29. 2. л. 2^б).
- 2) передающиеся буквой ѡ: *нощѣю* (16–17. 1. л. 1^б), *зѣатѣіе* (22.

1. л. 1^б), голыѡ/доу (25-26. 1. л. 1^б), голыѡдѡ (29. 1. л. 1^б), (ѡ) оу/рѡнѣ (33-34. 1. л. 1^б), (по) прѣлюбоудѣи/нѣи (34. 1.-1. 2. л. 1^б), коупельнѣ (28. 2. л. 1^б), велью (4. 1. л. 2^а), бѣнѣ (9. 2. л. 2^а) (тут напряженный редуцированный получился из [e] под влиянием [j (i)] через посредство [i]: < *bej-), радостѣю (15. 1. л. 2^б).

Все напряженные редуцированные, передающиеся буквой ѡ, находятся в слабой позиции, но не все напряженные редуцированные, передающиеся через букву и, находятся в сильном положении.

В сильных позициях нельзя точно решить, что буквы у и и передают ли еще напряженные редуцированные [û, î/î, ê], или уже передают гласные полного образования [y, i], хотя весьма вероятно, что напряженные редуцированные уже прояснились. Русские рефлексy [о, е] не найдены нами в сильном положении.

Буква ѣ на месте ѣ

1. В континуантах общеславянских сочетаний *tert, telt*: пренесе (7. 1. л. 1^а), прѣстави (сѡ) (16. 2. л. 1^а), по/гребѣ (17-18. 2. л. 1^а), прѣдасть (2. 1. л. 1^б), прѣлюбоудѣи/нѣи (34. 1.-1. 2. л. 1^б), прекорми (25. 2. л. 1^б), (на) престолѣ (3. 1. л. 2^а), некреже/нѣ (21-22. 2. л. 2^а), прѣсѣкрашающіи (24. 1. л. 2^б), престола (6. 2. л. 2^б). В этих сочетаниях употребление буквы ѣ вместо ѣ является исключительным за исключением слова плѣнающимъ (5. 1. л. 1^б).
2. В остальных корнях без сочетаний: тобѣ (30. 2. л. 1^а) дательный п. ед.ч., пожрети (29. 2. л. 2^а). Слово вець (5. 1. л. 2^а) является спорным, и только М. Фасмер дает древнеболгарскую форму через ѣ.⁹ В остальных случаях ѣ употребляется правильно, напр.: изрѣзаша (17. 2. л. 2^а).

---

⁹М. Фасмер: Этимологический словарь русского языка, т. I. Москва 1987. с.309.

3. В суффиксе [-епіj-]: *общенія* (9. 1. л. 1^а), *знаме/ніе* (14–15. 1. л. 1^б), *сма/тениіе* (18. 1. л. 1^б), *цѣленія* (29. 2. л. 1^б), *оученія* (16. 1. л. 2^а), *лѣтение* (23. 1. л. 2^б), *правленію* (28. 2. л. 2^б). Но этот же суффикс встречается и с буквой **ѣ**: напр.: *хотѣнію* (19. 2. л. 2^б).
4. Во флексии местного падежа ед.ч. (при) *лѣе* (31. 1. л. 2^а), но в остальных случаях пишется **ѣ**, напр.: (*къ*) / *градѣ* (3–4. 2 л. 1^а). Во флексии винительного п. дв.ч. среднего рода у кратких прилагательных: *златѣ* (23. 1. л. 2^б), *златѣ* (3. 2. л. 2^б); у существительного: *бѣдрѣ* (18. 2. л. 2^а). Но отмечены нами и случаи правильного употребления буквы **ѣ** в этих же формах, напр.: *крилѣ* (25. 1. л. 2^б) и *златѣ* (28. 1. л. 2^б).
5. В основе наст. вр. повелит. накл. *бѣдѣте* (19. 1. л. 1^б).

Ссылаясь на немногочисленные примеры мены букв **ѣ** и **ѣ** мы можем прийти к выводу, что в языке писца эти две фонемы еще могли различаться.

Начальные буквы ѣ, ѣ

Буква **ѣ** стоит на месте первоначального гласного [а], напр.: *ѣко* (8. 1. л. 1^а), *ѣви (сѣ)* (19. 1. л. 1^б). Для первоначального гласного [ѣ] пример не найден нами. Слово *ѣзѣ* (28. 2. л. 1^а, 6. 1. л. 2^а) представляет собой исключение. Также пишется буква **ѣ** в иностранных словах: напр.: *ѣвремѣ* (18. 1. л. 1^а), *ѣнѣли* (2. 1. л. 1^а).

Буква **ѣ** не может стоять в начале слова, только буква **ѣ**. Правильно действительно и для такого иностранного слова как *ѣксѣ/трѣмѣтѣ* (18–19. 1. л. 1^а). В иностранных словах, начинающихся йотированным гласным, перед йотированной буквой часто находится еще и буква **ѣ**, напр.: *ѣйѣкомѣ* (28. 1. л. 1^а), *ѣерѣлѣ* (10. 2. л. 1^б), *ѣерѣлѣ* (23. 2. л. 1^б).

Сочетания tort, tolt, tert, telt

Эти сочетания в изучаемой рукописи ничем не обращают на себя внимания. Они во всех случаях дают южнославянские рефлексy, напр.: здравъ (19. 2. л. 2^a), златъ (29. 1. л. 2^b), властелина (17. 2. л. 2^b). В случае сочетаний tert, telt вместо буквы **ѣ** обычно пишется буква **е**, напр.: пренесе (7. 1. л. 1^a), некреже/нъ (21-22. 2. л. 2^a), но: плѣнающимъ (5. 1. л. 1^b).

Сочетания ort, olt под нисходящей интонацией

Эти сочетания без исключений дают южнославянские рефлексy, напр.: рабѣу (32. 2. л. 1^a). На сочетание olt примера нет.

Консонантизм

Рефлексы общеславянских сочетаний tj, dj и kti

Сочетание tj и kti всегда дают древнеболгарский рефлекс **џ**, не только в суффиксах действительного причастия настоящего времени, но и в корнях некоторых глаголов и в именах существительных, напр.: **хоџеть** (12. 2. л. 2^б), **сѣџа/ми** (15-16. 1. л. 1^б), **вѣџь** (5. 1. л. 2^а), **пе/џь** (18-19. 2. л. 2^а), **ноџю** (17. 1. л. 1^б), **ты/сѣџь** (17-18. 1. л. 1^а) (этот последний пример представляет собой древнерусский вариант, по-древнеболгарски он был бы так: **тъкъџь**) и т.д.

Наоборот, сочетание dj во всех случаях дает восточнославянский рефлекс **ж**, что отражает живую речь писца, и может указать на то, что текст был списан еще до второго южнославянского влияния, т.е. до XIV в.: **режь (сѣ)** (15. 1. л. 2^а), **поноуже/нъ** (15-16. 2. л. 2^а), **некреже/нъ** (21-22. 2. л. 2^а), **поноуженъ** (29. 2. л. 2^а), **межюрамнѣ** (27. 1. л. 2^б).

Сочетание ст на месте сц перед ѣ дифтонгического происхождения

В результате второй палатализации сочетание sk перед гласными [ě] и [i] дифтонгического происхождения изменилось в **сц**. Но в изучаемой рукописи наблюдается только вариант **ст** перед **ѣ**, (возникший в результате диссимиляции еще в общеславянский период¹⁰) а перед **и** примера нет: (**Ѧ поу/стѣни же**) **синаистѣи** (1-2. 2. л. 1^а), (**вѣ**) **агоусни/стѣмь** (гр ^Ѧ **а**) (27-28. 2. л. 2^а).

---

¹⁰George Y. Shevelov: A prehistory of Slavic, Heidelberg 1964. p. 297.

Явление ассимиляции

1. Ассимиляция, происшедшая в результате падения редуцированных: в одном случае наблюдается ассимиляция по звонкости-глухости *здракъ* (19. 2. л. 2^а). Согласный [s], в результате исчезновения редуцированного непереднего ряда, подвергся озвончению.

2. Ассимиляция, происшедшая независимо от падения редуцированных, т.е. после согласного не было редуцированного, а если был редуцированный, он не являлся этимологическим:

а) Ассимиляция по глухости-звонкости (оглушение): *вѣсхъщнѣ* (7. 2. л. 2^а), *исъ тѣмъ[ници]* (34. 2. л. 1^б), *растъргоша* (26. 2 л. 2^а).

б) Полная ассимиляция, сначала по глухости-звонкости, потом по месту образования и тем самым по мягкости-твердости: *бѣщисльная* (31. 2. л. 2^б) = *бѣзчисльная*. Буква *щ* в данном случае может обозначать или звук [št'] и звук [šč'] или [š].у, хотя из согласных [z>s+č'] фонетическим путем трудно было бы получить звук [št']. Можно предположить, что буква *щ* в графической системе изучаемой рукописи во всех случаях передает согласный [šč'] или [š], который вовсе не чужден древнерусскому языку, так как из общеславянского сочетания sk+j возник звук [šč'] или [š].

Вставочный л'

Вставочный л' внутри слова (т.е. не в первом слове) пишется правильно с точки зрения древнерусского языка: *земли* (6. 1. л. 1^а), *многотомленъ* (32. 1. л. 2^а), *ѡбклаѣтъ (сѡ)* (8-9. 2. л. 2^б), *прѡвлѣннѡ* (28. 2. л. 2^б), *поставленнѣ* (28.-29 л. 2^б). Слово *оумръ/цжаѣтъ* (12-13. 1. л. 2^б) является исключением, которое могло попасть в рукопись из древнеболгарского протографа. (В памятниках древнеболгарского языка часто наблюдается отсутствие вставочного л' в не первом слове (напр. ср. Супрасльскую рукопись), а позже он безвозвратно исчез.

Мелкие явления

Обнаружено выпадение согласного [z], вызванное стремлением избежать двойных согласных: *беззаконни/къ* (23-24. л. л. 1^а). Подобным явлением является пропуск слога *ен* в слове *иноплеменицѣхъ* (23. л. л. 1^б) (от слова *иноплеменикъ*).

В существительном *побосника* (20. л. л. 1^а) целый слог выпал с редуцированным переднего ряда в слабой позиции: [робојьника] > [робоника], и потом, чтобы выпадения слабого редуцированного вместе с звуком [j] компенсировалось, звук [о] мог получить заместительное удлинение, которое отражено двумя буквами *оо*.

В слове *сѣдоукиѣ* (18. л. л. 2^а) (вин. п. мн.ч.) звук [е] после [j] мог получиться из древнерусского т. н. "третьего" (или "назального") [ѣ], что является характерным в первую очередь для южных диалектов древнерусского языка.¹¹ Буква *ѣ* ни в коем случае не могла попасть сюда из древнеболгарского оригинала, потому что в древнеболгарском языке (где в вин. п. мн.ч. этой же основы наблюдается флексия *-ѣ*) переход *je > je* не имеет места. Хотя в Никольском Евангелии, списанном в Сербии, встречается форма *сѣдокуиѣ* (вин. п. мн.ч.),¹² где такой переход закономерен, но в изучаемой рукописи появление буквы *ѣ* не может рассматриваться как сербское влияние в силу отсутствия в памятнике других сербизмов.

---

¹¹ А. А. Шахматовъ: Очеркъ древнейшаго періода исторіи русскаго языка. В серии "Энциклопедія Славянскої филологіи. Петроградъ 1915. с. 114-115.

¹² Slovník jazyka staroslověnského 36. Praha 1983. p. 6.

Морфология

Имена

Имена существительные

1. Существительные с основой на -ǫ/-iǫ-

Существительные с основой на -ǫ/-iǫ- склоняются правильно. Во флексиях творительного падежа ед.ч. первоначальные редуцированные гласные [ъ, ь] перешли в гласные полного образования [о, е], но они могли попасть сюда и из древнеболгарского оригинала. В винительном п. мн.ч. у мягкого варианта замечена гибридная флексия, образовавшаяся путем контаминации древнеболгарского окончания **-а** и древнерусского окончания **-ѣ**: **първѣнца** (32. 1. л. 1^а). По нашим наблюдениям очень редко взяты окончания из других основ: **ножѣ** (11. 1. л. 1^а) (дательный п. ед.ч.), **ма/ножѣ** (20-21. 2. л. 1^а) (дат.п. ед.ч.) — окончания взяты из существительных с основой на -ǫ-. У существительных твердого варианта этого склонения еще употребляется двойственное число для парных предметов, напр.: **криѣ** / (**голубѣ** **посрекрѣ**) (25-26. 1. л. 2^б), (**сконма**) **криѣма** (10. 2. л. 2^б). Форма **моѣ** (17. 2. л. 1^а) (дат.п. ед.ч.) кажется трудно объясняемой. Быть может окончание **-и** представляет собою сокращение флексии дат.п. ед.ч. существительных с основой на -ǫ-, и получилось из вторичной флексии **-ѣ**. (Хотя возможно, что в самом деле у основы -ǫ- был мягкий вариант.) Еще окончание **-и** может быть взятым и из существительных с основами на -i- и на согласный, хотя это кажется нам маловероятным, так как имя **моѣ** оканчивается на [j+ъ], пока у существительных с основами на -i- и на согласный корни не оканчиваются на [j+ъ] в им. падеже.

Слово **огнеѣ** (10. 2. л. 2^а) от основ на -i- вероятно перешло в основы на -iǫ-, хотя эту форму можно объяснить и прояснением редуцированного.

Процесс унификации дательного падежа мн.ч. и местного

падежа мн.ч. по данным изучаемой рукописи еще не начался. Флексии дат.п. мн.ч. еще остаются -омъ, -емъ, и нет примера для окончаний -амъ, -амъ, напр.: *закномъ* (3. 2. л. 1^а). В местном падеже мн.ч. отмечена лишь флексия -ѣхъ, напр.: *(ѣ) вратѣхъ* (8. 2. л. 1^а). Эти факты могут служить датирующими признаками. Первые примеры унификации, отмеченные Соболевским, встречаются в Парамейнике 1271 г.¹³ Таким образом нашу рукопись мы с большой долей вероятности можем отнести до 1271 г. Не наблюдается унификация и между твердым и мягким вариантами по окончанию местного падежа ед.ч., напр.: *при лве* (sic!) *нко/ноборци* (31-32. 1. л. 2^а). Не отмечена и замена окончания именительного падежа мн.ч. окончанием творительного п., напр.: *англи* (2. 1. л. 1^а), *раби* (7. 2. л. 1^а).

У существительного *садоукиѣ* (18. 1. л. 2^а) окончание вин. п. мн.ч. по всей вероятности возникло из древнерусского окончания -ѣ. Такое явление характерно для южных диалектов древнерусского языка.

Категория одушевленности-неодушевленности уже налицо, при живых лицах винительный падеж автоматически заменяется родительным, но лишь в случае имен существительных в единственном числе, а во множественном числе и при местоимениях сохраняется винительный падеж, напр.: в ед. числе: *вземъ ѿ неѣ бжтвнаго юноха* (6-7. 1. л. 1^а), во мн. числе: *пресукрашающі англи* (24-25. 1. л. 2^б), у местоимений: *пренесе ѿ* (7-8. 1. л. 1^а), при живых существах, но не лицах: *сумрь/цѣлѣть черкѣ* (12-13. 1. л. 2^б) (у последнего примера следует учесть, что это слово вначале не принадлежало к основе на -іѡ-, и оно могло осмысляться как нечто неположительное и очень незначительное существо.

---

¹³ И. Домбровский: Историческая грамматика русского языка II. Budapest 1977, с. 49.

2. Существительные с основой на **-ā/-iā-**

У существительных с основой на **-ā/-iā-** окончание творительного п. ед.ч. еще не сократилось. Во всех случаях представлены окончания **-ю**, **-ю**, напр.: **црѣ/ю ирнѣ** (26-27. 1. л. 2^а). Не наблюдается унификация между твердым и мягким вариантами по дательному и местному падежам ед.ч., напр.: **Ѧ поу/стѣни** (1-2. 2. л. 1^а).

3. Существительные с основой на **-ī-**

Большинство существительных мужского рода с основой на **-ī-** стоит в им. падеже ед.ч.. У существительного **людѣмъ** (26. 2. л. 2^б) в дат.п. мн.ч. или редуцированный переднего ряда в сильной позиции уже превратился в гласный полного образования [e], или возможно что слово уже перешло в основу на **-iō-**. Существительные женского р. с основой на **-ī-** не вызывают замечания.

4. Существительные с основой на **-ŷ-**

Существительное с основой на **-ŷ-** отмечено нами всего один раз: **чнѣ** (8. 1. л. 2^а), но мы не можем узнать, что оно действительно склонялось ли по этому склонению. Иностранные личные имена **ноѣки** (11. 1. л. 1^а) и **ма/ноѣки** (20-21. 2. л. 1^а) (дат. п. ед.ч.) показывают флексию основы на **-ŷ-**.

5. Существительные с основами на согласный

Эти существительные ничем не вызывают от нас особого интереса, причем их количество небольшое. Все-таки можно тут упомянуть существительное **пламѣни** (19. 2. л. 1^б), которое еще хранит свой вин. п. ед.ч.. У существительного гетероклитического склонения в местном п. мн.ч. редуцированный переднего ряда в сильной позиции перешел в гласный полного образования [e]: (**Ѧ**) **болгарѣ/хъ** (30-31. 1. л. 2^а). (Во мн.ч. оно склоняется как существительные с основами на согласный.)

6. Существительные с основой на -ǫ-

Для основы на -ǫ- существует только один пример, но вероятно он уже перешел в основы на согласный (хотя нет в нашей распоряжении формы именительного п.), но еще не перешел в основы на -й-: (с) **крьѣ** (9. 2. л. 1⁶).

Прилагательные

1. Краткие прилагательные

Краткие прилагательные в большинстве случаев употреблены в функции именной части составного сказуемого, напр.: тако великъ ю/сть чинъ мнишскыи (7-8. 1. л. 2^а). Иногда обнаруживаются краткие прилагательные и в функции определения: многа (ч^а са) (31. 1. л. 1^а), (кри^акъ им^акъ/ющи) злате (22-23. 1. л. 2^б), (кри/а^акъ имоущи) злате (2-3. 2. л. 2^б), бѣло (и/моущи лице) (3-4. 2. л. 2^б); в функции обстоятельства (что близко к функции определения, иногда их трудно различать): (нзице) здракъ (19. 2. л. 2^а).

2. Полные прилагательные

Все формы уже стянуты. В винительном/родительном падежах ед.ч. мужского р. стоит древнеболгарское окончание -аго вместо древнерусского -ого, напр.: студийскаго (13. 1. л. 2^а). В род.п. ед.ч. ж.р. наблюдается лишь гибридное окончание -ѣа возникшее путем смещения древнерусского окончания -ѣѣ и древнеболгарского -ѣа, напр.: блѣгочѣѣѣа (17. 1. л. 2^а). В винительном падеже мн.ч. м.р. тоже употребляются смещанные флексии, напр.: (Първѣѣѣѣѣа) югуптскыѣа (32. 1. л. 1^а).

Категория определенности-неопределенности по нашим наблюдениям кажется разрушенной. Полное прилагательное уже может выступать и с неопределенным предметом, напр.: бещисльнѣа (ч^а са стѣо/рѣ) (31-32. 2. л. 2^б). Это стоит сопоставить с выражением многа (ч^а са) (31. 1. л. 1^а).

Согласования являются правильными, не найдены нами примеры для их нарушения, напр.: въ вратѣхъ / грѣнѣхъ (8-9. 2. л.

1^a), всю силу хананѣискѹ/ю (34. 2. л. 1^a – 1. 1. л. 1^b), ѿ
юю/птыскыѣ страны (5–6. 2. л. 2^a), ою/мѣ кроткымы (30–31. 1. л.
2^b), крнѣ / голоубнѣ (25–26. 1. л. 2^b).

Местоимения

В личном местоимении *az=* (28. 2. л. 1^a, 6. 1. л. 2^a) буква *а* пишется без йотации, значит эта форма является древнеболгарской. В дательном падеже ед.ч. 2 лица *тоѣ* (30. 2. л. 1^a) вместо буквы *ѣ* находится буква *ѡ*. Этот вариант с гласным [о] в корне является древнерусскою формою.

Указательное местоимение *ѣа* (27. 1. л. 2^b) род.п. ед.ч. ж.р. является смешанной формой. См. также (*ѡ*) *неѣа* (6. 1. л. 1^a). Форма винительного п. мн.ч. м.р. *на* (16. 1. л. 1^b) представляет собою древнеболгарскую форму. (Быть может, что эти местоимения уже скорее являются личными местоимениями, чем указательными, что подтверждается и контекстом.)

Окончание род.п. ед.ч. ж.р. местоимения *такоѣа* (11. 2. л. 2^b) является смешанной формой. По-древнерусски оно было бы так: *такоѣѣ*.

Флексия род. п. ед.ч. притяжательного местоимения *своѣа* (1. 1. л. 2^b) тоже представляет собой гибридную форму.

Глагол

Настоящее время

В настоящем времени окончание 3 лица ед.ч. и мн.ч. является древнерусским, так как в конце окончания стоит редуцированный переднего ряда, напр.: *просить* (5. 1. л. 2^б), *мститъ* (22-23. 2. л. 1^б). Для 3 лица мн.ч. имеется лишь один пример (*да*) *боуду/тъ* (6-7. 2. л. 1^а), так как в другом случае редуцированный выпал между глаголом и частицей: *ѿтверждѹтъ (сѧ)* (16. 1. л. 2^б). Уже в главе "Фонетика" мы отметили, что частица (или уже постфикс) *сѧ* по всей вероятности прильнулся к глаголу, так как в трех случаях редуцированный выпал между глаголом и частицей *сѧ*. В третьем случае глагол встречается в сокращенном виде под дугою: *вндѣ* (2. 1. л. 1^а). У атематических глаголов в 1 и 3 лицах ед.ч. окончание мягкое, (пока в древнеболгарских памятниках в 3 л. ед.ч. всегда твердое, и в 1 л. часто имеется колебание, см. Супрасльскую рукопись): *ѣсмь* (28. 2. л. 1^а), *предастъ* (2. 1. л. 1^б). Окончание 2 лица ед.ч. тематических глаголов замечено лишь однажды: *велиши* (32. 2. л. 1^а).

Прошедшие времена

1. Аорист

Аорист представляется шире всех претеритальных форм, всего 84 раз (вместе с формами 3 л. ед.ч., а 2 лица ед.ч. нет в изучаемой рукописи), что объясняется церковным характером текста. Формы аориста (разумеется, когда глаголы не во 3 лице ед.ч.) представляют собою два типа сигматического аориста:

- а) сигматический аорист без соединительного гласного, (но в нашей рукописи этот тип отмечен почти только у инфинитивной основ, оканчивающихся на гласный, (значит в этой группе все аористы являются "-ch аористами" за исключением глаголов

ѡлатъ (6. 2. л. 1^б), приѡ (11. 2. л. 2^а, 29. 2. л. 2^б)): вѣдѣхъ (6. 1. л. 2^а), глѣхъ (7. 1. л. 2^а), бѣхъ (10. 1. л. 2^а), ѡзрѣхъ (17. 2. л. 2^а), ѡзвѣрѣхъ (23. 2. л. 2^а), сѣхъ (30-31. 2. л. 2^а),

б) сигматический аорист с соединительным гласным [о] (т. е. -осх аорист), напр.: падосхъ (23. 2. л. 1^а), придохъ (29-30. 2. л. 1^а), посѣхъ (17. 1. л. 1^б) ѡздохъ (9-10. 1. л. 2^а), растѣхъ (26. 2. л. 2^а).

В рукописи простой аорист (кроме 3 лица ед.ч.) и сигматический аорист старого типа у глаголов с инфинитивной основой, оканчивающейся на согласный не найдены нами, что еще раз подтверждает поздний характер текста.

У глаголов с инфинитивной основой, содержащей древнерусский континуант праславянского носового гласного [ѣ] претеритальное окончание 3 лица наблюдается лишь один раз: ѡлатъ (6. 2. л. 1^б), а в остальных случаях употребляются формы без личного окончания: приѡ (11. 2. л. 2^а, 29. 2. л. 2^б). Глаголы с односложной инфинитивной основой (в изучаемой рукописи мы можем найти примеры лишь для глагола бѣти) во всех случаях имеют личное окончание 3 л., на которое указывает то, что аорист этого глагола всегда находится под дугой; напр.: бѣ (9. 2. л. 2^а).

2. Имперфект

Имперфект имеет только стяженные формы, и он употребляется сравнительно редко, 11 раз, напр.: баше (13. 1. л. 1^а, 11. 1. л. 1^б), ѡмаше (20. 1. л. 1^а), сѣча/ше (2-3. 2. л. 1^а), о/блнчаше (32-33. 1. л. 1^б), сѣкараше (12. 2. л. 1^б), вѣзмосѣаше (27. 2. л. 1^б), даѣше (33. 2. л. 2^б). Однажды наблюдается и древнеболгарский вариант (спрягаемый как сигматический аорист) бѣ (13. 2. л. 2^а), который мог попасть сюда из древнеболгарского протографа. Обнаружена нами и другая древнеболгарская форма бѣше (21. 2. л. 1^а), встречающаяся и в Саввиной книге.¹⁴ В одном случае замечено личное окончание и в 3 л. ед.ч.:

---

¹⁴И Ван-Вейк: История старославянского языка, Москва 1957. с. 319.

(Ѡ)/ѡшет (сѡ).

3-4. Перфект и плюсквамперфект не наблюдаются в рукописи.

Причастия

1. Причастия настоящего времени действительного залога

В косвенных падежах у причастий наст.вр. дейст.з. отмечены только древнеболгарские формы с суффиксом **-ѡ**, напр.: **дърѡѡѡ** (3. 2. л. 1^б). Древнерусская форма с суффиксом **-ѡ** не встречается. В именительном п. ед.ч. м.р. у основ настоящего вр. на **-ѡ/ѡ-** тоже встречается древнеболгарская форма: **нѡѡѡ** (22. 1. л. 1^а). Последний пример доказывает и то, что еще не происходило выравнивание основ внутри парадигмы. В случае глаголов с основой наст. вр., оканчивающейся на **-ѡ/ѡ-** (напр.: **кѡѡѡѡѡѡ** (21. 1. л. 1^б), **пѡѡѡѡѡѡ** (сѡ) (33. 1. л. 2^а)) невозможно решить, что причастие является ли древнеболгарскою или древнерусскою формою, так как в графической системе рукописи не наличествует буква **ѡ**. У формы **гѡѡ** (4. 1. л. 2^а) тоже нельзя решить, какою формою оно является, древнеболгарскою или же древнерусскою, ведь в графической системе рукописи буква **ѡ** может употребляться только после гласных, и нет буквы **ѡ**.

Краткие формы согласуются правильно, они встречены нами и в косвенных падежах. Значит они еще не застыли в именительном падеже ед.ч. м.р. и не стали деепричастиями, что может служить датирующим признаком, ведь колебания в согласовании обнаружены лишь в XIII в.¹⁵ Отмечено нами появление новообразованной основы настоящего времени у действительного причастия наст.вр.: **нѡѡѡѡѡѡ** (22-23. 1. л. 2^б) (основа на **-ѡ/ѡ-**), но в большинстве случаев имеются старые формы **нѡѡѡѡѡѡ** (24. 2. л. 2^б, 3. 2. л. 2^б, 3-4. 2. л. 2^б).

---

¹⁵И. Домбровский: ст. 109., П.Я. Черных: Историческая грамматика русского языка, Москва 1954, ст. 263.

Появление основы на -je/jo- у атематического глагола **имѣти** в косвенных падежах краткой формы причастия наст. вр. характерно прежде всего для древнерусских памятников. В древнеболгарских памятниках тут мы находим форму **имѣш-**, а форма **имѣшци-** встречается толчко в Супрасльской рукописи.¹⁶

2. Причастия прошедшего времени действительного залога

У действительного причастия прошедшего времени в двух случаях наблюдается образование при помощи суффикса **-иш-** и у глаголов с инфинитивной основой на гласный (по образцу глаголов с инфинитивной основой на согласный как напр.: **вземъ** (6. 1. л. 1^а), **режъ** (32. 2. л. 1^б): **режъ (сѣ)** (15. 1. л. 2^а), **ствѣрь** (31-32. 2. л. 2^б) вместо **редикъ (сѣ)** и **ствѣрижъ**. Такое образование у глаголов с инфинитивной основой на гласный считается очень архаичным, по всей вероятности эти примеры попали сюда из протографа. Краткие формы могут склоняться, и они согласованы, что еще раз подчеркивает, что они не стали деепричастиями (**бѣу /**) **бѣгоукоушю** (8-9. 1. л. 2^а). Это тоже может служить датирующим признаком (см. выше).

3. Причастия настоящего времени страдательного залога

Краткие причастия наст.вр. стр.з. обычно употребляются в функции именной части составного сказуемого, напр.: **бѣдиши (ѣсть)** (6. 1. л. 2^б). Но встречается случай, когда причастие теснее сочетается с подлежащим: (**великъ съ нѣмера.../**) **моучишъ (пріа ко/нчишю)** (6-7, 11-12. 2. л. 2^а). Еще в функции определения отмечено: **свѣдѣишъ (та рѣшишъ сѣ/зъ)** (10-11. 1. л. 2^б).

Полные формы не отмечены нами.

---

¹⁶ А. Вайан: Руководство по старославянскому языку, Москва 1952. с. 350.

4. Причастия прошедшего времени страдательного залога

Краткие причастия прош.вр. стр.з. используются в функции именной части составного сказуемого, напр.: *многоготмленъ* (*бъ*) (32. 1. л. 2^а), *ѣтъ* (*бъ*) (15. 2. л. 2^а), *оубѣдѣнъ* (*бъ*) (8. 2. л. 2^а). Но краткая форма обнаруживается и в функции определения: (*конна*) *въоросѣ*/жена (25–26. 2. л. 1^а), причем она и склоняется.

Полная форма, встречающаяся всего однажды, употребляется как определение: (*нижнѣформы*/ *црѣмъ*) *оубиѣнѣмъ* (29–30. 1. л. 2^а). Написание с *-нн-* вместо *-н-* не встречается.

5. Причастия перфекта на -л-

Причастия перфекта на -л- встречаются лишь 2 раза, и употребляются для выражения условного наклонения: (*бъ*!!!!) *по/разнѣ* (30–31. 1. л. 1^б), (*бъ*/ *сѣ*) *палѣ* (31–32. 1. л. 1^б).

Супин

Супин встречается всего 2 раза: *клатѣ* (14. 2. л. 1^а), *п[о]ви/тѣ* (14–15. 2. л. 1^а).

Наклонения

1. Изъявительное наклонение ничем не вызывает интереса.

2. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение, выраженное синтетическим путем встречается лишь во 2 л. ед.ч., мн.ч. и дв.ч., напр.: (*нѣ*) *погосѣ* (13. 2. л. 1^а), *пони* (8. 1. л. 1^б), (*нѣ*) *плачѣ* (*сѣ*) (33. 2. л. 1^б) – в последнем случае наблюдается своеобразное выравнивание основы наст. вр. по форме 2 л. дв.ч. изъявительного наклонения, поскольку вместо бук-

вы и тут мы находим букву **ѣ**, хотя она может являться и опиской, или могла попасть сюда и по ошибке, ведь двойственное число уже было отмирающей категорией. Такое же выравнивание по форме 2. л. мн.ч. наст вр. изъявительного наклонения отмечено и в случае **бѣдѣте** (19. 1. л. 1^б), где на месте буквы **ѣ** стоит буква **ѣ**, или тоже возможно, что здесь речь идет просто о замене буквы **ѣ** буквой **ѣ**.

Повелительное наклонение, выраженное аналитическим образом встречается только 3 л. мн.ч. однажды: **да бѣдоу/тъ** (6-7. 2. л. 1^а).

3. Условное наклонение

Для выражения условного наклонения употребляется 2/3 лицо ед.ч. аориста глагола **быти** т. е. форма **бы** + перфектное причастие на **-а-**. Условное наклонение отмечено нами два раза: **ѣще бы ѿго дѣдѣ по/разитѣ то къ знакъ бы сѧ палѣ** (30-32. 1. л. 1^б).

Мелкие явления в области морфологии

Заслуживает внимания, что при сложных словах оба элемента склоняются: Вин. падеж ед.ч. (**къ**) **црѣгр а** (28. 1. л. 2^а), Род.п. ед.ч. **црѣграда**, местный п. (**къ**) **црѣградѣ** (14-15. 1. л. 2^а).

Заключение

Определение времени возникновения рукописи

Заключая наш анализ, мы приходим к выводу, что изучаемая рукопись с большой долей вероятности могла возникнуть между концом XII и концом XIII вв. Эта датировка подтверждается следующими фактами:

Факты, не позволяющие возникновение рукописи раньше конца XII в. (или по крайней мере намного раньше):

1. У буквы **w** не наблюдается вертикальная черточка в середине буквы, и буква обнаруживает сходные черты с готической минускулой XII в. У буквы **k** мачта выходит над строкою. Начертание букв в большинстве случаев является не пропорциональным, не квадратным и часто несимметричным. Буквы неоднократно колеблются, они часто стоят с наклоном или вправо (чаще), или влево. Значит буквы лишены архаичности.

2. Имеется один пример прояснения редуцированного в сочетании типа **tyrt** в слове **черкь** (13. I. л. 2⁶).

3. Редуцированные в сильной позиции во всех случаях превратились в гласные полного образования, за исключением трех случаев и сочетаний **tyrt**, **tyrt**, **tylt**, **tylt**; **tryt**, **tryt**, **tylt**, **tylt** (но и тут однажды отмечен гласный полного образования). (Здесь не учитывается конец односложных слов в силу спорности этой позиции.)

4. Редуцированные в слабой позиции выпали в 85 случаях, и удерживались лишь в 49 случаях, не учитывая абсолютного конца слова (без частицы, без постфикса), где редуцированные пишутся по видимому по традиции и, быть может, по графической-орфографической причине.

Факты, не разрешающие возникновение текста позже конца XIII в.:

1. Нет колебаний в согласовании кратких причастий настоящего и прошедшего времен. Только с XIII в. появляются колебания в роде и числе.¹⁷

2. Унификация окончаний дательного п. мн.ч. у существительных с основой на -ѡ/-іѡ- по окончаниям основы на -ā/-īā- не наблюдается, во всех случаях пишутся окончания -омъ/-емъ. Первые примеры унификации зарегистрированы лишь в 1271 г.¹⁸ Также и в местном п. мн.ч. у существительных с основой на -ѡ/-іѡ- нет унификации по окончаниям основы на -ā/-īā-, имеется лишь окончание -ѣхъ. Нет унификации и между твердым и мягким вариантами по окончанию местн.п. ед.ч. у основ на -ѡ/-іѡ-. Еще не отмечена унификация и у основ на -ā/-īā- по окончаниям дат. и местн. падежей ед.ч..

Определение языка рукописи

В результате проведенного над рукописью анализа мы с большой долей вероятности можем высказать, что текст был списан с древнеболгарского протографа, но писец ввел в него огромное количество произносительных и орфографических норм своего языка, в силу чего язык памятника является ни древнеболгарским, ни древнерусским а гибридным языком т. е. русско-церковнославянским. В этом смешанном языке можно разделить три слоя, взаимоотношение которых может характеризоваться следующим: на основной древнеболгарский слой накладываются древнерусский и гибридный слои.

---

¹⁷ см. 11.

¹⁸ см. 10.

Явления, принадлежащие к древнеболгарскому слою языка памятника:

1. В одном случае наблюдается древнеболгарский рефлекс на месте праславянского слогового плавного: *сумрь/цжають* (12-13. 1. л. 2^б).

2. Принимая во внимание что в языке писца редуцированные звуки уже не произносились, и напряженные редуцированные в сильном положении по всей вероятности уже проявились, они (напряженные редуцированные) без исключения дали древнеболгарские рефлексy. (Разумеется, тут не следует проходить мимо того, что и в украинском и белорусском языках существуют те же самые рефлексy).

3. На месте общеславянских сочетаний *tort, tolt, tert, telt*, и *ort, olt* под нисходящей интонацией находятся формы с перестановкой и удлинением (хотя в случае сочетания *tert* это удлинение в подавляющем большинстве примеров отстранено).

4. Сочетание *tj* и *kti* всегда дают древнеболгарский рефлекс *цi*.

5. Сочетания *sk* дают *ст*, но это явление, скорее всего является диссимиляцией.

6. Вставочный *l* отсутствует в слове *сумрь/цжають* (12-13. 1. л. 2^б).

7. Флексия творительного п. ед.ч. у существительных с основой на *-ǫ/-iǫ-* является древнеболгарской (*-смь, -емь*), хотя возможно и фонетическое объяснение.

8. Окончание род. п. м. и ср. р. полных форм прилагательных является древнеболгарским (*-аго*).

9. Личное местоимение *азъ* пишется без йотации.

10. Имперфектные формы *ѣхъ* (13. 2. л. 2^а) и *ѣхше* (21. 2. л. 1^а) являются древнеболгарскими.

11. Им. п. ед.ч. м. р. полной формы причастия наст. вр. действительного залога *идъи* (22. 1. л. 1^а) является древнеболгарским (для им. п. нет больше примеров).

12. Причастия наст. вр. действ. з. образованы при помощи

древнеболгарского суффикса -щ-.

14. У причастий прошедшего вр. действ. з. два раза отмечено образование с помощью суффикса -йш- и при глаголах с инфинитивной основой на гласный (по образцу глаголов с инфинитивной основой на согласный): *рѣжѣ (сѣ)* (15. 1. л. 2^а), *ствѣрь* (31-32. 2. л. 2^б).

Явления, входящие в древнерусский слой языка рукописи:

1. В графической системе нет букв *ѡ*, *ѣ* и *ѧ*, а буква *Ѧ* пишется вместо буквы *ѧ* после согласного, как на месте этимологического гласного [ѣ], так и на месте этимологического гласного [а].

2. По всей вероятности буква *щ* во всех случаях обозначает согласный [šč]. (См. слово *бѣщислѣнаѧ* (31. 2. л. 2^б) выше.)

3. Редуцированные не меняются.

4. Не отмечены примеры для отвердения мягких согласных.

5. На месте бывших слоговых ликвид редуцированные стоят перед плавными за исключением слова *сѹмрь/щѣжѣтъ* (12-13. 1. л. 2^б).

6. Вместо *жд* во всех случаях пишется *ж*.

7. Вставочный *і'* наблюдается не только в первом слоге, но и внутри слова за исключением слова *сѹмрь/щѣжѣтъ* (12-13. 1. л. 2^б).

8. Во флексиях глаголов в настоящем времени в 1 и 3 лицах ед.ч. у атематических глаголов пишется редуцированный переднего ряда. (В древнеболгарских памятниках и в 1 л. ед.ч. часто наблюдается колебание.) В 3 лице ед. и мн.ч. у тематических глаголов тоже пишется редуцированный переднего ряда.

9. Наличествует новообразованная основа настоящего времени при бывшей атематической основы: *имѣю/щи* (22-23. 1. л. 2^б). (Есть и форма *имѹщи*.)

10. Форма дат. п. ед.ч. личного местоимения *тобѣ* (30. 2. л. 1^а) является древнерусской.

11. Окончания у существительных ни в одном случае не пропущены и согласование ни разу не нарушено.

12. В тексте наблюдаются лишь сигматические аористы без

соединительного гласного у глаголов с инфинитивной основой на гласный и с соединительным гласным у глаголов с инфинитивной основой на согласный (-хъ и -охъ аористы) не учитывая 2/3 лица ед.ч..

13. В склонении и спряжении не отмечены нестяженные формы.

Явления, связывающиеся с гибридным слоем языка рукописи:

1. В мягкой разновидности основ на -ѡ/-іѡ- окончание вин. п. оказывается гибридным: **пърѡѡца** (32. 1. л. 1^а)¹.

2. Окончание род. п. ед.ч. ж. р. прономинальных прилагательных является гибридной формой: **-ѡца**.

3. В вин. п. мн.ч. м.р. тоже употребляется смешанная флексия, напр.: **(Пърѡѡца) ѥгуптъскѡѡ** (32. 1. л. 1^а).

4. Род. п. ж. р. указательного местоимения и является гибридной формой, напр.: **ѥѡ** (27. 1. л. 2^б). Винительный п. мн.ч. м.р. представляет собою смешанную форму: **ѡѡ** (16. 1. л. 1^б).

5. Окончание род.п. ед.ч. ж.р. местоимения **ѡѡѡѡ** (11. 2. л. 2^б) является смешанной формой.

6. Косвенные падежи причастий наст. вр. действ. з. при глаголах с основой настоящего вр. на **-e/o-** и **-je/o-** тоже показывают гибридные формы, поскольку в графической системе изучаемой рукописи нет буквы **ѡ**.

Определение места возникновения памятника

Для локализации возникновения рукописи нет в нашем распоряжении достаточного количества данных, но по всей вероятности можно исключить Северную Русь, поскольку мена **ѡ-ч** и другие явления, характеризующие эту территорию, не встречаются в нашем памятнике. Превращение напряженного редуцированного [y̝] в гласный [y] может быть и южнорусской чертой, но и

среднеболгарской, украинской также белорусской. (Гласный [y] мог появиться и другим фонетическим путем, см. слово **вѣнѹ** (З. 1. л. 1^а).). Для более точной локализации памятника один пример удлинения звука [o] кажется слишком гипотетическим. Переход [ѣ] в [e] после [j] в слове **сѣдоукиѣ** (18. 1. л. 2^а) характерен прежде всего для южных диалектов древнерусского языка.

Подытоживая наш анализ мы можем высказать, что изучаемая рукопись с большой долей вероятности была списана где-то на юге Руси между концом XII и концом XIII вв. на русско-церковнославянском (т. е. на гибридном) языке.

Текст рукописи

Чтение на 8(?) ноября. Сказание о чуде архангла Михаила, без начала и конца, так как в начале и в середине книжной тетради отсутствуют листы.¹⁹

1 столбец л. 1^а

- 1   гѣ глѣть не бидите малымъ
- 2   хъ снхъ ангѣлн бо нхъ видѣ а
- 3   въиноу лице шѣа моего иже
- 4   ѣсть на нѣхъ. Парекѣе ми-
- 5   ханѣ показѣ свою славою
- 6   на земли вземѣ ѿ неѣ
- 7   бжтвнаго ѣноха пренесе
- 8   и на мѣсто чтнго раѣ. ѣко
- 9   не видѣти ѣмоу общеннѣ
- 10   члв[к]мъ всемъ смртн. Т^о по-
- 11   вел[ѣ] ноуеи написати за-
- 12   конѣ о жертвахъ. Аврамѣ
- 13   же присно баше застоу-
- 14   пникъ и помощникъ на
- 15   брани. извѣсто бо видѣ-
- 16   въ него югда хѣ долгомора
- 17   црѣ побѣди и с нимъ. тѣ ты-
- 18   сѣи кон. Аврамъ же ѣкстѣ-
- 19   трѣмнстѣи и домачадѣ-
- 20   цѣ имаше побосника
- 21   архн ѣа миханѣа иже послѣ-

---

¹⁹
см. 4.

22 дн сказа сѧ ѿмоу: ндѣи ѿ-
 23 звести лота ѿ беззаконни-
 24 къ: ѿ погроузити содома и
 25 гомора: И пакы то же миха-
 26 нѣл ѿзбави ѿсѧка ѿ гер-
 27 скаго црѧ хотѣвша ѿ оуби-
 28 ти: И сѧ ѿ ѧкокомъ бра сѧ
 29 Снѧ же моисѣѧ княземъ по-
 30 стави въ племени ѿзлѣѣи
 31 многа чѣюса сѧ нимъ створи
 32 Първѣнца ѿгуптскыѧ ѿ-
 33 зби: ѿ море раздѣли на: вѣ-
 34 поутни ѿзлѣѣи проведе ѿ

ВОЗМОЖНО И ТОЖЕ

- 1 фараона погроузи· В поу-
- 2 стѣни же синаистѣи оуча-
- 3 ше моисѣа закономъ· И въ
- 4 градѣ ферзе ѿдеже валакъ
- 5 црѣ призва балама вълхѣа
- 6 проклѣти ѿзлѣа да боуду-
- 7 тѣ ѿмоу рабѣ· Миханѣ
- 8 же срѣте ѿ въ вратѣхъ
- 9 грѣанѣхъ· оселъ же видѣ-
- 10 въ ангѣа скроуши ногѣ
- 11 баламоу· Баламъ же ви-
- 12 дѣвъ ангѣа моли сѣа ѿмѣ
- 13 глѣа не погуби мене вѣко
- 14 оубже бо не клѣтъ но п[о]бѣн-
- 15 тѣ ѿдоу ѿзлѣа ѿкож[е]
- 16 въ· ѿгда же прѣстави
- 17 сѣа моиси миханѣ по-
- 18 гребе тѣло ѿго· И по си-
- 19 хъ ѿгда ѿсѣ на г[рѣ]нѣ
- 20 ѿрихона ѿстоупи в не-
- 21 м же бѣше· ѿ· црѣ хана-
- 22 нѣискихъ ѿгда стѣны
- 23 падоша до ѿснованна·
- 24 И въшѣдъ видѣ михан-
- 25 ла акты война въороу-
- 26 жена· ѿ рѣ ѿмоу наш ли
- 27 ѿси или ѿ соупостатъ

28   наш ѿ ѿн же р ѿе азъ ѿсма
29   коюкода бѣи нѣнѣ при-
30   дохъ в помощь тебе ѿ-
31   моеу же поклони сѧ къ-
32   ѿ р ѿе гѣи что велиши рабоу
33   твоюмоу. И тѣ низложи
34   всю силу хананѣиску-

- 1 ю же ѡбѣща бѣ ѡцмѣ
- 2 и предасть ѿ нѣ
- 3 злѣ. И потомъ възмо-
- 4 гшемъ маднѣмомъ
- 5 и плѣнающимъ изъль-
- 6 ты. Іави са миханѣ
- 7 гедѣоноу и рече: пойми
- 8 .тѣ. кой понди противу
- 9 црмѣ маднѣмскы-
- 10 мѣ ѡрикоу. зижоу. и зе-
- 11 вѣю. с ними же баше
- 12 кон .а. тысящѣ и стко-
- 13 ри тако гедѣонѣ дастъ
- 14 своимъ воємъ знаме-
- 15 ннѣ фндресѣ свѣща-
- 16 ми. И нападе на на но-
- 17 щю и посѣкоша сами
- 18 смѣтениемъ миханѣ
- 19 локомъ. И пакы іави са
- 20 великыи миханѣ ма-
- 21 ноѣви възвѣщаѣ са-
- 22 мсоново зъ атыѣ. и мсти-
- 23 тѣ иноплемницѣхъ и-
- 24 злѣ. іакоже и бѣ. Югда
- 25 же изиде дѣдѣ къ голы-
- 26 доу на бранѣ и оудари ю
- 27 го пращею в лице. Ми-
- 28 ханѣ же порази юго съ

29   ЗАДОУ ꙗ ПАДЕ ГОЛЫДЪ НИ-
 30   ЦА· АЩЕ БЫ ЮГО ДѢДЪ ПО-
 31   РАЗНАТЬ ТО КЪ ЗНАКЪ БЫ
 32   СА ПАЛЪ· ЮГДА ЖЕ ДѢДА О-
 33   БЛИЧАШЕ НАФАНЪ О ОУ-
 34   РЪИНЪ· ꙗ О ПРЕКБОДЪИ-

- 1 нъи карсавинѣ видѣ ми-
- 2 ханна надъ црѣмъ н(а) г(л.а.) ?ме?
- 3 чъ держаща и падъ црѣ (ѡ)-
- 4 іашет сѧ грѣха своѣго (...)
- 5 Нафанъ же възведе и г(л.а.)
- 6 се гъ ѡидѣ грѣхъ твои (...)
- 7 тебе се ангѣлъ гнѣ възведе
- 8 ти сѧ съ оружіемъ (в?..)
- 9 с крѣе При возек(нелѣ) (м)нх(аннѣ)
- 10 црѣи приде на нѣрлмѣ
- 11 нахиримъ црѣ аси ...)
- 12 и и оукараше все (бър...)
- 13 тела бѧ излѣа и тѣ п(...)
- 14 архангѣла своѣго миха(и)-
- 15 ла и оуби ѡ пѣлка (...)
- 16 иска р(и) и п(и) и д(и) и (...)
- 17 га стѣмъ миханомъ (...) с (...)
- 18 ри тремъ отроко(м)ъ (...) в(...)
- 19 вавилонѣ пламенѣ (печк...)
- 20 нъи на росоу прело(ж)и (...)?
- 21 данила в ровѣ ѡ оустѣхъ
- 22 локъ избави И а/л (...)?
- 23 ма ѡ нѣрлма спиче (...)
- 24 въ вавилонѣ прише(...)
- 25 данила прекорми (...)
- 26 стѣи стѣхъ на всѧк (...)
- 27 ма възмоуцаше с н(...)
- 28 амлъ коупелье мн(...)
- 29 цѣлениа твораше...

- 30 ставшю же х̑оу ѿ [...]
31 се бѣ пѣрвѣи бл҃г(оуѣ-)
32 стникъ рекъ же(нама)
33 не плачѣта сѧ про(чеіе сѣи)
34 же и петра ис тѣм(ници)

Продолжение отсутствует.

Предыдущие листы отсутствуют. Чтение на 8 ноября. Слово душеполезное от Патерика, только конец. Первое слово было вѣнѣ/ца.²⁰

1 столбец л. 2^a

1 ца съ главы своѣѣ и взо-
2 жи на главоу ѿмоу. и поса-
3 ди и на престолѣ своѣмъ
4 съ собою глѣ. ѿко велью си-
5 ю вещь възможе створити
6 И рече старецъ азъ видѣхъ и
7 глѣхъ. аше тако великъ ѿ-
8 стъ чинъ мнишскыи бѣу
9 бѣговолившю ми спѣнѣ и-
10 зидохъ и бѣхъ мнихъ.

11 Мѣта тѣмъ въ аѣ про бѣго ѿца
12 нашего феодора игоуме-
13 на стоуднискаго.

Чтение на 11 ноября

14 Въ црѣко константина въ црѣ-
15 градѣ рожь сѣ и всакъ разѣ-
16 мѣ оучениѣ навѣкъ. и въ
17 црѣко ирнны бѣгочтивѣѣ
18 кѣ аѣ ѿшедъ в садоукнѣ въ
19 монастырь ѿ своѣго ѿца
20 брѣ а бѣ мнихъ. и ѿ тараснѣ
21 патриарха бѣ прозвѣтеръ.
22 и аѣ аѣ бѣ игоумень соущю
23 ѿмоу своѣго монастыря

---

²⁰
см. 4.

24 Изгнанъ бѣ въ селюнь зане не
 25 свѣщати сѧ любоудѣнству
 26 црѣву · и възвращень бѣ црѣ-
 27 ю ирною · и пришествѣа рѣ а сра-
 28 чинъ въ црѣгъ а приде · и пакы
 29 изгнанъ бѣ никифоромъ
 30 црѣмъ оубиенъмъ въ болгаре-
 31 хъ · стѣхъ рѣ а иконъ при аве ико-
 32 ноборци многотомленъ бѣ · и
 33 по бл҃гочтѣи подвижаа сѧ и пѣ-
 34 сни о бѣхъ списавъ въ глаубоцѣ

1 старости къ гоу ѿиде:~ Во
 2 тѣ днѣ стѣхъ мѣсу минны вни-
 3 ктора · и вискентнѣ ·~
 4 **В** тѣхъ стѣхъ великий мина
 5 при маѣимнѣ црѣ ѿ юю-
 6 птѣскыѣ страны великѣ
 7 съ нѣмера · в кѣсѣлнѣ гра-
 8 дѣ оуѣдѣнѣ бѣи ꙗко хрѣ-
 9 нѣ съ · бѣиенѣ бѣи и стрѣга-
 10 нѣ и огнемъ жгомъ и вла-
 11 чимъ · мѣчимъ прѣи ко-
 12 нѣиоу · **А** стѣи вискторѣ
 13 бѣи при антоннѣ црѣ ипри
 14 себастнѣи дѣуѣкѣ въ и-
 15 талинѣ ѣтъ бѣи и поноу же-
 16 нѣ ѿреши са хѣи и не по-
 17 вѣиоу са · изрѣзаша ѣмѣ
 18 бедре и въѣргоша и в пе-
 19 щѣи изиде здравѣ · и напою-
 20 нѣ бѣи потворнымъ зѣли-
 21 ѣмъ ѿ вълхѣи и некреже-
 22 нѣ бѣи и створи вълхѣи
 23 хрѣиана · извѣрѣша очнѣ
 24 ѣмоу иглавоу оуѣкнѣи-
 25 ша · **А** стою стѣфандоу
 26 растѣргоша на двѣи · **А** стѣи-
 27 и вискентнѣи в аѣоу снѣи-
 28 стѣмъ грѣи · того же грѣи кнѣи-

29   земь поноуженъ пожрети
 30   и не повинюу сѧ оустѣкнѹ—
 31   ша глаголююу юго .— Во тѣ
 32   днѣ сѧ о іѡ за доуста о мѣстѣни—

33   **Мѣстѣни** ремественница

эти две строки
 восстановлены по
 рукописи XV в. (БАН 24.
 4. 33).²¹

34   цестъ моудра и пристаѡъ—

---

²¹
 см. 4.

1 столбец л. 2^б

- 1 ница ѿста творащимъ ю
- 2 и дружка бѣа ѿста ипри
- 3 сно искръ ѿго предѣстѣи-
- 4 ть. И ѿ немъ хощеть при-
- 5 сно просить блггтн токмо
- 6 обидима ѿста нами ѿ-
- 7 гда ѿ вѣсхъщениа тво-
- 8 римъ ю. А ѿгда чѣна ѿста
- 9 много имъ а дѣрзновѣннѣа.
- 10 И сказаемъ та рѣшнѣа сѣ-
- 11 зѣи и разроушають тмоу
- 12 и гаснѣа огнь и сѣмь-
- 13 цѣають червѣ и изгоннѣа
- 14 тѣ скръжетъ зоубомъ.
- 15 Се и съ многою радостѣю.
- 16 ѿвѣрзѣа сѣ нѣнаѣа всѣа
- 17 црѣа бо ѿста вѣистинѣу.
- 18 подобны члвкы творащи
- 19 бѣу. Бѣудете бо рѣе щедри
- 20 ѣко и ѿцѣа вашѣ нѣнѣи
- 21 щедръ ѿста крѣа та бо
- 22 ѿста и легка крѣа имѣ-
- 23 ющи златѣ. Летѣннѣа н-
- 24 моуци прѣоукрашающѣи
- 25 англы тамо вѣща крѣа
- 26 голоубѣнѣа посребренѣа.
- 27 межюрамнѣа ѿста вѣа бл-
- 28 щаннѣа златѣ. Іакъ ѿ пачѣ

29   голоубъ златъ лѣтающъ
30   вѣкома· назирающъ око-
31   мь кроткымъ ничто же
32   ока того крашеи: Добра ѿ-
33   сть и пасъ за нѣ ксеини во
34   что же· птица бо ѿсть кра-

1 сна и чюдна искръ всего
 2 зрѣтъ. Дѣца бо ѣстъ кри-
 3 лѣ имоуши злате бѣло и-
 4 моуши лице крѣла та ѣ-
 5 сть и тиха и легка предѣ-
 6 стоѣщи оу престола црѣка
 7 Внегда соудим сѧ внезапноу
 8 предѣстоитѣ и ѡблагаю-
 9 т сѧ и изнимають насѣ ѿ
 10 моукы своимъ крѣлома
 11 одѣвающе такоѡ жь-
 12 ртемы хощеть бѣ
 13 Мѡда тѣ о вѣ. вѣ. прп ѡнго ѡца
 ноября.
 14 нашего ижана мл ѡ ваго
 15 патриарха цраграда.
 16 Купранинѣ родомъ снѣ ѡ-
 17 пифаннѣ властелина
 18 того ѡстрова. приелжи
 19 сѧ женѣ по хотѣннѡ ѡ-
 20 ца и чѣ амѣ ѡца бѣвѣ. и о-
 21 стави все женѣ и дѣт(е)-
 22 мѣ. и все хотѣннѣ сво-
 23 ѣ кѣ бѡу доброѣ оуг(о)жѣ
 24 ннѣ свѣтлости ради жѣ и-
 25 ѡ. ираклиемъ црѣмъ
 26 спрошенѣ людемъ але-
 27 ксандрьскымъ. по

Чтение на 12

28 правленію поставлені—
29 не приїдъ подобствова—
30 въ стѣствѣ много лѣтъ
31 бѣщислѣнаѣ ч^юса стко—
32 рѣ и трѣбующимъ не—
33 скоудно даѣше и многѣмъ—
34 ѣ ради мѣтна мѣти (и)

Конецъ отсутствуетъ. В 34-й строке возможно: мѣтнѣ
на/реченѣ²².

---

²² см. 4, с. 57.

[illegible][illegible]

ЧЕСТИ ГЛАВЪ СВОЕИ И ВЪЗЛО-
 ЖИНА ГЛАВОУ ЕМОУ. И ПОСА-
 ДИНА НА ПРЕСТОЛѢ СВОЕМЪ
 СЪ СВОЕИ ГЛА. И АКО ВЕЛЮСИ
 ИДЕШЬ ВЪЗМОЖЕСТИ ВОИТИ
 НА ПЕРВЫХЪ ТЪХЪ ЗАВѢЩАНЪ ТЪХЪ
 ГЛА. АЩЕ ТАКОВАНІЕ ТЪ
 СЪБЪУННА И НИШЬ СЪЗІНЕОУ
 БЛАГОВОЛѢШИ ИЛИ СЛѢПИИ
 ЗНАЮХЪ НЕ БЫХЪ ИЛИ НУЖЪ
 ЦАТОВА. А. ПРІЕМОУЩА
 НАШЕГО ФЕОДОРА И ГОУМЕ-
 ЛІСТА ГОДНИКАГО
 БЫРІ. БОЖЕ ТАНТИ ВЪЗЪПРИ-
 МАДЪ РОЖА. И КСАКА. РАЗУ-
 МАТОУ. УНИИ. НА ВЪКЪ. НЕ ВЪ-
 ЦЕ. ТЕ. И. РИ. Н. М. Б. А. ГО. У. Т. И. В. Ш. И.
 К. А. Х. Б. Ш. Е. Д. В. С. А. Д. И. К. И. Н. Е. Л.
 А. И. А. С. Т. И. Р. Ъ. С. С. В. О. Е. И. Г. І. А. Ц. А.
 К. Р. А. В. Е. Л. И. Н. И. Х. Ъ. И. А. Т. А. Р. А. С. И. А.
 П. А. Т. Р. А. Р. Х. А. В. Ъ. П. Р. О. З. Е. У. Т. Е. Р. Ъ.
 И. А. А. Т. Ъ. И. Н. Г. О. У. А. М. Е. Н. С. О. У. Ц. Ю.
 Т. Е. А. Д. А. Б. О. Г. О. М. А. Н. А. С. Т. И. Р. А.
 И. З. Г. Н. А. Ч. Е. В. І. В. С. Е. А. О. У. Н. І. А. Z. A. N. E.
 С. В. Е. Ц. А. Р. И. С. А. Л. Ю. Б. О. Д. И. Т. Е. В. О. У.
 З. А. В. О. У. И. В. З. В. Р. А. Щ. Е. Н. Ъ. Б. Ъ. Ц. А. Ч. Е.
 Ю. Р. И. К. О. У. И. П. Р. И. Ш. Е. С. Т. Я. И. А. Р. А. С. А.
 У. И. Н. Ъ. В. Ц. Ъ. Б. Г. А. П. Р. И. Д. Е. И. П. А. К. Ъ.
 И. Z. Г. N. А. С. Т. И. И. К. И. Ф. О. Р. О. М. Ъ.
 Ц. Р. А. В. О. С. К. И. М. Е. Н. Ъ. В. Б. А. Г. А. Р. Ъ.
 К. Т. С. Т. Х. А. Р. И. К. И. А. П. Р. А. В. Е. Н. К. О.
 Н. О. Б. О. Р. О. Ц. И. Н. О. Т. О. М. А. Н. Е. Т. Ъ. И.
 П. О. Б. А. Т. И. У. Т. Ъ. П. О. Б. И. Z. А. М. Е. Н. П. Ъ.
 С. И. Н. О. Б. Ъ. С. П. И. С. А. В. Ъ. А. Г. А. О. У. Б. О. У.

[illegible]

спану мѣна сѣ рабѣ бо
 зрѣть дѣла бо не стѣхне
 лѣнѣи оушнѣ за тебѣ слави
 моуши и оушнѣ крилатѣ
 стѣи ти ханѣ гка прѣ
 стоѣиши оу престола црѣ
 вѣ гдѣ соудѣи мѣ вѣна
 прѣдѣ стоѣи ти вѣ аге
 тѣсѣ нѣ знаѣи тѣ на сѣ
 моу ки свѣи мѣ крилатѣ
 одѣваѣи такоу жѣ
 ртѣи хоушѣ пѣвѣ
 цѣи тоу вѣ прѣбѣи
 нашегѣи вѣна мѣ вѣ
 патрѣи архѣи црѣи гдѣ
 прѣи прѣи нѣ вѣ рѣи гдѣи
 пѣи фѣи нѣи вѣи гдѣи
 тоу гдѣи стрѣи вѣи гдѣи
 сѣи жѣи нѣи похѣи ти нѣи
 цѣи гдѣи мѣи оушнѣи вѣи
 ставѣи все жѣи нѣи гдѣи
 мѣи вѣи вѣи гдѣи нѣи
 нѣи вѣи соудѣи сѣи
 нѣи свѣи тѣи нѣи гдѣи
 нѣи рѣи клѣи чѣи гдѣи
 сѣи рѣи нѣи вѣи гдѣи
 нѣи сѣи нѣи рѣи гдѣи
 прѣи вѣи нѣи прѣи гдѣи
 нѣи прѣи гдѣи нѣи
 вѣи вѣи вѣи гдѣи
 вѣи нѣи сѣи нѣи гдѣи
 рѣи нѣи гдѣи нѣи
 сѣи оу гдѣи нѣи
 гдѣи нѣи гдѣи нѣи

ГЛА
КАИ
КИНО
ЕСЬ
КАНА
КАЧ
БАТ
ННА
ПЕНН
УЛВ
ВЕА
КЛЕ
ЖЕО
ПЕМ
БРИ
ВАН
ЧРА
САМ
ТРА
ДЪ
АКО
АКС
ЗВЕ
КТО
БЛО
НАС
СКЯ
ДЫ
СНИ
СТЕ
АНЕ
ПРЕ
РЕН
ПОТ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL. 60607-7090

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ В СЕГЕДЕ

Михай Кочиш

В Центральной библиотеке Университета им. Аттилы Йожефа (г. Сегед, Венгрия) хранятся две церковнославянские рукописи, обе они – под шифром Ms. № 1. Мы называем их Сегедской минеей и Сегедскими листками.

Сегедская минея (в дальнейшем: СМ) представляет собой праздничную минею, чтения которой следуют с 1 сентября по 31 августа. Она состоит из 363 листов.

До начала 70-ых годов СМ принадлежала грекокатолической церкви города Шарошпатак (Венгрия). Об этом факте свидетельствует и подпись, находящаяся под украиноязычной припиской на л. 59а: **П:Ардовскіи** (т.е. парох, священник прихода из села Ардо – в наши дни оно является частью города Шарошпатак). В 1970-ые годы Сегедский университет купил интересующую нас рукопись для своей библиотеки.

СМ находится в ужасном состоянии: переплет сильно поврежден, некоторые листы выпадают, конец кодекса отсутствует. На бумаге наблюдаются износы и следы от свечей.

Судя по водяному знаку, бумага была произведена в 1557 г.¹ Текст написан в один столбец, на каждой стороне по 30 строк. Письмо – каллиграфический вариант полуустава. За исключением оборотной стороны л. 187 и обеих сторон л. 188, вся рукопись была переписана одним и тем же лицом. Эти последние листы, подобно вышеупомянутой приписке, написаны поздней скорописью.

СМ получила свое название от источниковеда-слависта, профессора Сегедского университета Имре Х.Тота. И. Х.Тот составил и предварительное описание СМ, которое было прочитано только в узком кругу специалистов и осталось неопубликованным.

Важнейшие наблюдения И. Х.Тота, с точки зрения палеографии, были следующие:

– Книга получила свой сегодняшний размер в 29х19 см при ее повторном переплетении, когда она была обрезана.

– На некоторых листах под текстом видна старая кириллическая нумерация тетрадей. Новая, выполненная карандашом, и местами ошибочная пагинация читается в середине над текстом.

– Ровный почерк свидетельствует об опытном переписчике.

– Орнамент является довольно скромным. Украшение имеет балканский характер. Текст расчленен инициалами и прописными буквами, выполненными, подобно вязи перед чтениями, киноварью. Инициалы являются простыми: растительные мотивы в их декорации отсутствуют.

– Нижняя часть вынесенных над строкой букв редко выполняет и функцию дуги.

– Оформление букв *з*, *т* и *ѣ* подтверждает датировку скорее веком XVI, а не XVII.²

Для подробного орфографического, фонетического и морфологического анализа нами выбрано чтение на 25 мая, занимающее в СМ лл. 276б–282б.

В орфографическом отношении в СМ наблюдается сильное южнославянское влияние:

– Переписчиком употреблены оба юса. Юс малый смешивается с буквами *а* и *ѧ*, а юс большой – с *оу* и *ю*. Кроме этого, юсы смешиваются и между собой.

– В позиции конца слова на согласный закономерно пишется знак *ь*. На месте праславянских слоготворных **r*, **l* после букв *р*, *л* выступает, наоборот, знак *ь*.

– Нередко читаются буквы *омега* и *ѕ*.³

Следствия евфимиевской реформы, широкое употребление "исправленных" форм, обнаружены и при фонетическом и морфологическом описании. Континуанты носовых звуков и наблюдаемые в тексте антирусизмы (имея в виду историческое значение слова русский), однако, указывают на восточнославянский языковой ареал: в 4 случаях сочетания букв *рь* и *ль* встречаются на

месте этимологических *or, ol*. В 6 примерах этимологический *e*, стоящий после шипящего, передается буквой *o*. Все эти примеры – причастные формы дат.п. мн.ч. Их написание может объясняться либо отражением перехода звука *e* в *o* после исконно мягких согласных, т.е. одной из наиболее отличительных черт украинского языка, либо унификацией в склонении бинарного типа на основе твердой разновидности. Из восточнославянских языков названный процесс, в первую очередь, характерен также для языка украинского.

Имена существительные ср.р. на более раннее *-ъje* в местн.п. ед.ч. и тв.п. мн.ч. по 2 раза получили окончание *-и* (без отражения удлинения перед ним согласного). Эта особенность может указать на карпатские говоры юго-западного наречия украинского языка, в которых окончания *-i* и *-у* в тв.п. мн.ч. встречаются и в наши дни.⁴

Следует, однако, заметить, что данная картина характерна не для целой СМ. По некоторым выбранным орфографическим (отчасти и фонетическим) особенностям – во-первых, по употреблению знака *ъ* или *ь* в предлогах и приставках *въ, въз-* (*въс-*), *къ* и *съ*, во-вторых, по написанию сочетаний букв *ръ, ль* или *рь, лъ* на месте праславянских **ьrt, *ьlt, *ьrt, *ьlt* и **rьt, *lьt, *rьt, *lьt*, и, в-третьих, по встречающимся на месте **ѣ* буквам *а, я, а* или же *с* – СМ делится на три части: в орфографическом отношении резко различаются чтения на сентябрь–октябрь, на ноябрь и на декабрь–август. Следовательно, переписчик пользовался не одним, а несколькими протографами.⁵ (Эти протографы могли различаться и в употреблении надстрочных знаков.⁶) Восточнославянские, даже украинские, языковые особенности встречаются, в первую очередь, в тексте третьей части, т.е. на лл. 109б–363б. Но несмотря на это, возникшая во второй половине XVI века СМ остается все-таки интересным источником изучения истории не только украинской письменности, но и самого языка.

Сегедскими листками (в дальнейшем: СЛ) называются дошедшие до нас отрывки рукописи, по содержанию текста

служебной книги, сохранившиеся в виде бумаг, приклеенных к деревянному переплету Сегедской минеи. Они были открыты в начале 1970-ых годов проф. И. Х.Тотом. Публикаций о них пока не существует.⁷

СЛ находятся в прямом смысле на грани полного уничтожения: на бумагах имеются дыры, края листов отломаны. Кроме этого, некоторые склеенные листы не отделены друг от друга, следовательно, сегодня читаются только две неполные стороны СЛ: наружная сторона листа, приклеенного к передней доске и внутренняя сторона листа нескольких бумаг, плотно склеившихся между собой, но плохо приклеенных к задней доске переплета СМ. Этот факт затрудняет изучение палеографических особенностей памятника.

Письмо, читаемое на СЛ – каллиграфический полуустав. Оформление букв указывает на XVI век.

В орфографии отражается влияние южнославянской письменности: знак ѣ пишется последовательно в позиции конца слова, а знак ѣ в предлогах и префиксах, а также после р, л на месте праславянских

*ьrl, *ьlt, *ьrl, *ьlt и *ryl, *lrl, *ryl, *lrl, перед гласными выступает *ї*, а не *и*, омега употребляется широко, юс малый передает этимологический носовой заднего ряда. Надстрочные буквы характерны для церковнославянских рукописей не XVI, а скорее конца XV века.

Хотя из-за архаизирующего правописания многие формы имеют южнославянский звуковой облик, мы видим и юс малый на месте 'а, и буквы оу, ю на месте прежнего носового заднего ряда – черты, свидетельствующие о том, что СЛ были переписаны на восточнославянской языковой территории. Единственный пример с буквой ж на месте **dj* подтверждает то же самое. С морфологической точки зрения в этом отношении заслуживает внимания стяженная имперфектная форма, написанная через юс малый.

Подытожив все сказанное мы пришли к выводу, что СЛ были переписаны у восточных славян в первой половине XVI века.

Примечания

¹ См. палеографические наблюдения Калмана Бора, записанные по поручению библиотеки и хранящиеся вместе с рукописью.

² Мы благодарны профессору И. Х.Тоту за любезно предоставленную возможность пользоваться текстом его доклада.

³ Михай Кочиш: Среднеболгарские черты в орфографии Сегедской минеи. *Hungaro-Bulgarica V. Szeged*, 1994. 175–183.

⁴ О предистории и о языковом характере памятника см. Михай Кочиш: Сегедская минея – рукопись XVI–XVII века. *Nemzetközi Szlavisztikai Napok V. Szombathely* (в печати).

⁵ Об определении протографов см. Kocsis Mihály: A Szegedi minea protográfjai. *Az ortodoxia története Magyarországon a XVIII. századig. Szeged*, 1995. 77–83.

⁶ О надстрочных знаках в СМ и об их функциях см. Kocsis Mihály: Sor fölötti jelek a Szegedi mineában. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia. Nyíregyháza* (в печати).

⁷ Подробное описание СЛ (вместе с их текстом) находится под редактированием: Михай Кочиш: Сегедские листки. *Rozprawy Komisji Językowej. Łódź*.

"УГРИНЫ" И "УГРИНЦЫ" В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Имре Х. Тот

Известно, что в древнерусской церковной и политической жизни XI в. играли важную роль три человека "угорского происхождения". Мойсей Угрин (ум. 1043) был на службе у князя Бориса. После того, как Борис был убит, Угрин удалился в Киев. После тяжких испытаний он стал монахом знаменитой Киево-печерской Лавры, где он выделился святостью жизни (его память 26 июля). Его брат, который известен под именем Ефрем, тоже служивший князю Борису, после убийства князя убежал на север. Постригшись в монахи, основал Новоторжский Борисо-глебский монастырь, первым игуменом которого стал сам основатель. Ефрем скончался 23 января 1053 г.. (Память его отмечается 28-го января или 11-го июля.) Георгий Угрин, верный отрок Бориса умер героически защищая своего князя; он не был причислен к лику святых, но стал образцом верности, героизма в древнерусской литературе.

Кроме этих венгров, довольно известных для исследователей древнерусской культуры, письменности и истории, следует еще упомянуть о двух венграх, сыгравших более скромную роль в истории древнерусской письменности. Вспомнить о них обуславливается и тем обстоятельством, что их деятельность осталась почти неизвестной в специальной литературе, особенно в венгерской.

Первый из интересующих нас лиц писец Угринец. Попробуем подвести итоги изучения его деятельности. В Отделе рукописей Государственного Исторического музея под сигнатурой син. 1003 хранится евангелие-апракос начала XII в., списанное для новгородского Юрьевского монастыря; это знаменитое Юрьевское

евангелие (Юрв.). По данным Новгородской I-ой летописи основы каменного монастыря в честь святого Георгия были заложены в 1119 г. игуменом Кириаком и князем Всеволодом. Каменный монастырь был создан по всей вероятности на месте деревянного, если можно верить записи: "заложи крѣпакъ игуменъ и князь всеволодъ церковь камѣну монастырь святого георгия новгородѣ.¹ Скоро после освящения монастыря было заказано для храма Юрьевского монастыря евангелие-апракос на весь год (полный). На л. 231^б находится следующая запись:

"азъ грѣшныи феоdorfъ написахъ еуѣ
се рускою грѣшномъ стѣмѣу мѣку георгеи (sic!)
въ монастырь новгородѣу при кѣрнацѣ игумене
нѣ. и савѣ икономѣ* угринца ѡсва.²"

Приписка писца проливает свет на обстоятельства возникновения рукописи. Рукопись сделана при игумене Кириаке. Игумен скончался в 1128 г.. Время возникновения Юрв. можно отнести к отрезку времени между 1119 и 1128 гг.. Заказчиком евангелия был Феодор, о котором мы ничего определенного не можем сказать. Во время списывания рукописи должность иконома выполнял Сава. Писцом рукописи был Угринец, о котором ничего определенного не знаем. Однако заслуживает внимания факт, что Угринец не называет себя ни монахом, ни священником. По всей вероятности он был мирянином.

В дальнейшем постараемся немного ближе подходить к таинственной личности Угринца. Для этого мы обратимся к его труду. Известный знаток древнерусских рукописей И. И. Срезневский, которому удалось прочитать и расшифровать приписку писца, характеризует письмо Юрв., подчеркивая, что "книга писана не

---

¹Новгородская Первая летопись. Erster Novgoroder Chronik. Nach ihrer ältesten Redaktion. In deutsche Übersetzung herausgeben und mit einer Einleitung versehen von Joachim Dietze. Leipzig, 1971. с. 21.

²Приписка писца цитируется по изданию Е. Ф. Карского: Славянская кирилловская палеография. Репринт. Москва, 1979. с. 286.

красиво, бедно"³, мелким уставом. Более интересным является украшение Юрв., что уже давно было отмечено исследователями. Известный знаток древнерусского орнамента М. В. Щепкина подчеркивает, что рисунки Юрв. представляют собой собрание всех основных, известных нам типов византийского орнамента XI–XII веков.⁴ Она же указывает и на то, что в рукописи существуют особенности оформления Юрв., необычные для Новгорода. Эту черту орнамента М. В. Щепкина объясняет происхождением писца евангелия – Угринца (венгра), представителя страны, "отразившей в своем древнем искусстве влияние как западноевропейское, так и восточное".⁵ Подобного мнения придерживается известный историк древнерусской книги Н. Н. Розов. Усиление романских или галицко-волынских мотивов в орнаменте Юрв., и он связывает с тем, что Угринац участвовал в создании этого интересного памятника древнерусской книжности.⁶ Юрв. занимает важное место среди древнейших славянских рукописей, т. к. оно входит в первый десяток датированных славянских книг, и является второй по древности большой русской рукописью XII в..⁷ Этим фактом объясняется интерес к содержанию и составу Юрв.. В этой области выделяется весьма ценная научная деятельность Л. П. Жуковской. Юрв. выделяется из полных апракосов мстиславова типа и своим содержанием, то есть составом чтений. Л. П. Жуковская установила близость Юрв. с галицко-волынскими памятниками XII–XIII вв..⁸

---

³И. И. Срезневский: Древние памятники русского письма и языка (X–XIV). Второе издание. Санктпетербург, 1882. столбец: 50.

⁴М. В. Щепкина: Византийский орнамент. In Академия наук СССР. Древнерусское искусство. Рукописная книга. "Наука". Москва, 1974. с. 212. (Отдельный оттиск)

⁵М. В. Щепкина: Искусство книги Древней Руси и библиография (по новгородско-псковским материалам). In: Академия Наук СССР. Древнерусское искусство. Рукописная книга. "Наука". Москва, 1972. с. 26. (Отдельный оттиск)

⁶Н. Н. Розов: Книга древней Руси. Москва, 1977. с. 64.

⁷Л. П. Жуковская: Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. In Исследования источников по истории русского языка и письменности. Редакторы: Л. П. Жуковская и Н. И. Гарабосова. Москва, 1966. с. 44.

⁸Л. П. Жуковская: Ук. соч. с. 48.

Таким образом остается открытым вопросом то, что наряду с украской рукописи, не находятся ли в связи и галицко-волынские черты Юрв., списанного Угрином, т. е. венгром.

Надо добавить и то, что по текстологическим особенностям Юрв. Л. П. Жуковская поднимает вопрос о том, что скриптор рукописи одновременно был и писцом и составителем Юрв. (или его протографа).⁹ Л. П. Жуковская установила, что по своему составу "среди сохранившихся до нашего времени полных апракосов Юрв. единично".¹⁰ Ни М. В. Щепкина, ни Н. Н. Розов не сомневаются в том, что Угрин был венгром. М. В. Щепкина далее высказывает, что писец рукописи был иноверцем.¹¹

В свете того, что мы знаем о составлении чтений в Юрв., предположение Щепкиной отпадает или становится сомнительным, ведь Угринец хорошо разбирался в евангельских текстах. Чтобы получить более точный ответ на вопрос относительно происхождения, мы обратимся и к языку памятника. Юрв. было списано с очень архаического протографа, в котором **ж**, **ѣ** часто употреблялись. В этом отношении оно стоит особняком среди древнерусских рукописей XII в.. Несмотря на эту черту графики в Юрв. довольно консеквентно отражаются и древнерусские черты фонетики и морфологии.

1. На месте сочетаний **търт**, **търт**, **тълт**, **тълт** пишутся сочетания с редуцированными перед плавными, или плавные находятся между двумя буквами, обозначающие редуцированные: **испѣлнѣ** 1^б, **испѣлнѣннѣ** 1^б, **отвѣрже сѣ** 2^а, **напѣлнѣ** 6^б, **напѣлнѣша** 6^б, **до вѣрха** 6^б, **почѣрпѣте** 6^б,
но отвѣръзѣста сѣ 3^а, **нз цѣръкве** 4^б, **тѣръжникомъ** 4^б, **дѣръжите** 6^а, **пѣръстѣ** 6^а.
2. На месте общесл. сочетания ставится **ж**: **ноуѣжѣста** 2^б, **осоуѣженнѣ** 2^б, **внѣж** 3^б, **дажѣ** 32^б, **осоуѣженъ** 7^б.

---

⁹Л. П. Жуковская: Ук. Соч., с. 75.

¹⁰Л. П. Жуковская: Ук. соч., с. 75.

¹¹М. В. Щепкина: Искусство книги Древней Руси..., с. 26.

3. Сочетание **кѣ** (спорадически) переходит в **ки**: **кинуѣ** 2^б.
4. На месте корня **скѣрѣ**- пишется **скѣрѣ**:- по **скѣрен** 68^а.
5. Встречается переход **ѣ** > **ѣ** перед **ј**: **сѣньмѣ** 10^а.
6. Из морфологических особенностей выделяется окончание **-ѣмѣ** в твор. п. ед.ч. существительных неженского р.: **дѣлѣмѣ** 2^б, **слокуѣмѣ** 2^б, **данилѣмѣ** 67^б, **пророкуѣмѣ** 67^б.
7. Форма род. п. ед.ч. женск. р. оканчивается на **-ѣ** (в редких случаях): от **смокуѣ** **кинуѣ** 68^б.
8. У глаголов в 3 л. едч. флексия **-ѣ** отсутствует (спорадически): **ѣ** (= **ѣсть/ѣ**).
9. Иногда встречается имперфект с полным стяжением: **молаше** 10^б.

К этим отмеченным нами чертам следует добавить еще следующие: А. А. Шахматов останавливается на переходе сочетаний $\bar{b} + j > \bar{u}$ ($\hat{b}$), $\bar{b} + j > \bar{i}$ ($\hat{b}$): **ауын ккма**, **кзулкити и**, и на наличии суффикса **-ан-**: **ачнанынхъ**, и на полногласии: **жерети**.¹² Л. П. Жуковская выделяет случаи мены букв **к** – **и**, которые не все могут быть объяснены морфологически или текстологически.¹³

Все эти данные свидетельствуют о том, что в Юрв. мы имеем дело с нормальным, хорошо засвидетельствованным древнерусским церковнославянским языком. Писец Угрин несомненно хорошо владел особенностями этого языка. Этот факт объясняется или хорошей подготовкой писца Угринца, который – может быть – вышел из такого православного монастыря Венгрии, где литургия еще совершалась на церковнославянском языке, и поэтому выучить нормы древнерусского церковнославянского языка не оказалось ему трудным, и сравнительно легко мог он усвоить его особенности. В начале XII в. в Венгрии еще существовали православные монастыри с славянской литургией. Угринец мог быть выходцем из такого монастыря.

¹²А. А. Шахматов: Курс истории русского языка. СПб., 1908–1909. с. 28.

¹³Л. П. Жуковская: Ук. соч. с. 45-46.

В специальной литературе нет единого мнения о месте возникновения, списывания или составления Юрв.. Часть специалистов (М. В. Щепкина, Н. Н. Розов, А. А. Покровский) относят возникновение рукописи к Новгороду, другие исследователи к Киеву. Мы на основе данных, извлеченных из Юрв. считаем возможным, что оно было списано Угрином в Киеве для новгородского Юрьевского монастыря.¹⁴ Эту гипотезу подтверждают и некоторые языковые особенности Юрв.: переход $\text{ъ} + j > \hat{\text{ъ}}$, $\text{ь} + j > \hat{\text{ь}}$, написание корня скъръ- (ъ вместо ъ) и мена букв ѣ и и , характерные для южнорусских памятников.

С именем оу҃гри҃нѣ встречаемся в Служебной минее на сентябрь–октябрь первой половины XII в., хранящейся в Отделе рукописей ГПБ под сигнатурой ссоф. 188.¹⁵ Рукопись представляет собой служебную минею на месяц сентябрь–октябрь. Она писана уставом на пергамене. В минее на л. 251 находится приписка уставом XII в. На этом листе написаны две стихиры апостолу Луке и Св. Дмитрию, которые снабжены нотными (крюковыми) знаками. Под ними читается следующая приписка:

оу҃гри҃нѣ подадѣ стихиѣ си двѣ.

Значение глагола подадѣ в данном окружении текста обозначает, что Угринец поднес (добавил к стихирам) еще две стихиры. Заслуживает внимания факт, что писец приписки не назвал принадлежности Угрина к духовенству, а указал просто на его происхождение, национальность. Памятники, фиксирующие напевы, свидетельствуют обыкновенно о высоком культурном уровне¹⁶ потому, что для составления стихир с нотными знаками требовалось хорошее знание певческого искусства.

---

¹⁴ П. Я. Черных: Историческая грамматика русского языка. Москва, 1963. с. 27.

¹⁵ Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Сост.: Е. Э. Гранстрем, под редакцией Д. С. Лихачева. Ленинград, 1953. с. 20.

¹⁶ Н. Н. Розов: Несколько слов о библиотеке новгородского Софийского собора. В: Древнерусское искусство. Рукописные книги. Москва, 1989. с. 248.

К сожалению эта совсем краткая приписка не дает основания для дальнейших выводов об Угрине. Тот факт, что он поднес две стихиры к служебной минее дает право предположить, что Угрин был образованным человеком, который мог разбираться в нотных знаках. Интересно, что он поднес стихиры на память апостола Луки и на память Св. Дмитрия. Избегая ненужных затяжек, мы хотели бы указать на то, что в городе в Среме (Серем) в Венгрии существовал знаменитый монастырь, патроном которого был Св. Дмитрий, любимый святой св. Мефодия. В монастыре в XII в. жили греческие, славянские и венгерские монахи. Монастырь придерживался восточного обряда. Литургическим языком для монахов могли быть греческий (для греков), церковнославянский (для славян), однако ничего определенного не можем сказать о литургическом языке венгерских монахов с восточным обрядом. Монастырь был одним из богатейших монастырей Венгрии, владевший огромными земельными владениями, на которых имелось и славянское население, для которого монастырь строил храмы с потронами восточной церкви. На уровне рабочей гипотезы можно задать вопрос о том, не был ли Угрин связан с монастырем Св. Дмитрия в Венгрии, сыгравшим столь важную роль в истории православной церкви Венгрии.

Венгерское происхождение Угринца и Угрина не предоставляло для них трудностей списать церковнославянские книги на Руси, особенно в том случае, если они были православными, несмотря на то обстоятельство, что они были мирянами или принадлежали к духовенству, хотя в случае Угрина принадлежность к духовенству является почти несомненной в виду его подготовки в чтении крюковых знаков. Можно привести пример на такой труд из XIX века, когда певец Иоанн Юхасевич (т. е. Иван Юхас) списал ермологіѣ при храме "покроу прѣтѣи клѣцѣи в Венгрии. Фамилия *Юхас* дается писцом славянизированном виде, однако венгерское происхождение скриптора не вызывает сомнения.

Пример Угринца и Угрина показывает, что после разделения церкви, в первой половине XII в. писцы венгерского происхождения

могли выполнить культурную деятельность в Древней Руси, хотя примеры на этого рода сотрудничество являются только единичными.

СОДЕРЖАНИЕ

Габор Балаж: Некоторые вопросы теории и практики диахронной морфологии славянских языков	5
Иштван Пожгаи: Палеографический и лингвистический анализ Финляндского отрывка № 22 (под сигнатурой 4. 9. 21)	83
Михай Кочиш: Церковнославянские рукописи в Сегеде	163
Имре Х. Тот: "Угрины" и "угринцы" в истории древнерусской письменности	169

Изображение апостола Матфея
взято из Добрилова евангелия

Изображение апостола Матфея
взято из Добрилова евангелия
Матфей, апостол, евангелист, изображен в
Добриловом евангелии в виде человека с длинными
волосами, одетого в длинную одежду, с посохом в
руке.

